

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов
Выпуск 21
История

Горловка
2022

УДК 009
ББК Ф66/Ш81
Г69

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 11 от 24.05.2022)*

Ответственный редактор: С. Э. Зябрева – к. пед. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР)

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – д. филол. н., проф. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); И. А. Герасименко – д. филол. н., проф. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); В. В. Липинский – д. ист. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР); И. А. Андреева – к. психол. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); М. Р. Арпентьева – д. психол. н., ст. науч. сотрудн. Калужского государственного ун-та имени К. Э. Циолковского (РФ); Н. В. Евсюкова – к. ист. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); Н. А. Егорова – к. пед. н., доц. Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь); Р. А. Назмутдинов – к. психол. н., доц. Костанайского государственного пед. ин-та (Казахстан); В. В. Патерыкина – д. филос. н., доц. Алчевского технического ун-та (ЛНР); Н. В. Фунтикова – к. пед. н., доц. Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, (ЛНР); Д. А. Чернышёв – д. пед. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР)

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 (редакция от 03.10.2016).

Г69 **Гуманитарный вестник** : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков». Редкол. : С. Э. Зябрева и др. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2022. – Вып. 21 : История. – 120 с.

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем истории.
Для научных работников, аспирантов, студентов, школьных учителей.

**УДК 009
ББК Ф66/Ш81**

УДК 343.2.7

ПОНЯТИЕ ГЕНОЦИДА: ИСТОРИЯ ТЕРМИНА

Термин «геноцид» принадлежит юристу Рафаэлю Лемкину, выходцу из польско-еврейской семьи из-под Волковыска. Будто отвечая на замечание Уинстона Черчилля, что во время Второй мировой войны человечество предстало перед «преступлением, не имеющим названия», Р. Лемкин в книге «Нацистский режим в оккупированной Европе» (1944) предложил термин «геноцид», образован из сочетания древнегреческого «genos» (раса, племя) и латинского «cide» (убийство). Под геноцидом Р. Лемкин понимал уничтожение нации или этнической группы как целостности, причем речь шла не только о физическом уничтожении, но и о различных мерах, направленных на разрушение основных устоев жизни национальной группы.

Предложенный термин применен в постановлениях Нюрнбергского процесса. Однако в них внимание акцентировано на физическом уничтожении.

Первый случай, когда кто-то был привлечен к ответственности за геноцид, стал Международный военный трибунал в Нюрнберге, состоявшийся сразу же после Второй мировой войны. Нюрнбергский трибунал стал важным первым шагом в признании и наказании геноцида; он проложил путь к созданию Конвенции о геноциде и нормативно-правовой базе, интерпретирующей ее положения. Сегодня преступление геноцида получило единогласное признание в соответствии с нормами *jus cogens* (международного общего права).

В частности, согласно ст. 6 Устава Нюрнбергского военного трибунала 1945 года ответственность наступала за:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана» [3].

Международные и национальные трибуналы показали различные случаи геноцида. Многие были обвинены и осуждены за совершение актов геноцида. Кроме того, когда Международный Суд ООН определил обстоятельства, при которых государство может быть привлечено к ответственности за геноцид, потерпевшие потребовали возмещения от третьих лиц, а Международный уголовный суд даже предъявил обвинения в совершении геноцида и преступлений против человечества действующему главе государства.

Итак, Международный военный трибунал в Нюрнберге (Нюрнбергский Трибунал) заложил основу для современного международного гуманитарного права и международных судебных трибуналов. Успех Нюрнбергского трибунала положил путь к Конвенции о геноциде 1948 года.

В Международной Конвенции ООН о предотвращении преступления геноцида и наказании за него, принятой 9 декабря 1948 года и вступившей в силу 12 января 1951 г., также преобладает акцент на физическом аспекте насилия. Существенное влияние на Конвенцию оказали Холокост и холодная война, а ее разработка имела целью предотвращение криминализации и наказания за акты геноцида.

Конвенция в ст. 2 определяет геноцид как действия «с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-то национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [1], к которым относятся:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.» [там же]

В ст. 1 Конвенции указывается, что геноцид независимо от того, происходит ли он в мирное или военное время, является преступлением, нарушающим нормы международного права и по отношению к которому государства-участники обязуются принимать предупреждающие меры, а также наказывать за его совершение.

Статья 3 Конвенции 1948 г. определяет преступления, за которые предусмотрено наказание в соответствии с Конвенцией: а) геноцид; б) сговор в целях осуществления геноцида; в) прямое и публичное подстрекательство к осуществлению геноцида; г) покушение на совершение геноцида; д) соучастие в геноциде.

Признаки преступления геноцида:

- наличие у субъекта преступления специального умысла (*dolus specialis*) уничтожить только определенную в Конвенции группу;

- направленность его преступного поведения против определенной группы как таковой;

- наличие «закрытых дверей», то есть невозможность спастись для этой группы людей, поскольку на государственном уровне им перекрывают пути спасения;

- наличие преступной идеологии, подготовка общественного мнения к «очищению страны от паразитов», медицинской процедуре по оздоровлению общества, «профилактическому» геноциду. Использование эвфемизмов, языка вражды, метафор;

- организация на государственном уровне проведение акций в ограниченный промежуток времени, от считанных дней до нескольких лет;

- геноцид проводится не в результате войны, но часто ею прикрывается;

- возражения, а не устрашения народа (после геноцида, народ как таковой не существует на территории определенной территории или сокращается до очень незначительного процента граждан в обществе, гибель целой культуры).

Таким образом, в состав международного преступления геноцида вводится необходимый признак вины, выступающий в этом случае в ярко выраженной форме виновного умысла. Геноцид является не только тяжелым, но и массовым нарушением прав человека. Высказывается мнение, что геноцид существует с того момента, когда жертвой становится хотя бы один человек, не обязательно все члены группы. Однако геноцид характеризуется преступным намерением уничтожить именно всю группу, членом которой является этот человек. В отсутствие такого намерения соответствующий акт не может быть квалифицирован как геноцид, несмотря на его жестокость.

Геноцид отличается от других преступлений против человечности:

- качеством умысла, а не количеством жертв;
- направленностью не против людей вообще, а против четко очерченного круга разновидностей человеческих групп;
- нацеленностью не против отдельных членов таких групп, а против групп как таковых.

Следовательно, для геноцида характерно то, что члены определенных в Конвенции 1948 г. групп уничтожаются, частично или полностью, из-за их принадлежности к таким группам. Решающим и критическим для юридической оценки того или иного поведения как преступления геноцида является установление специального намерения уничтожить определенную группу и доказательство того, что это намерение касалось именно этой национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой, а не поиски ответа на вопрос почему каких причин и мотивов, где и когда было совершено преступление, или в отношении так называемого количественного порога, то есть численности жертв преступления.

Объектом геноцида есть безопасность существования национальных, этнических, расовых и религиозных групп.

Потерпевшими от этого преступления могут быть только члены национальной, этнической, расовой или религиозной группы, на уничтожение которой направлено действие виновных лиц - как граждане определенных государств, так и иностранные граждане или лица без гражданства.

По признакам геноцида можно выделить следующие его составляющие:

- действия или бездействие в пространстве и времени, направленных на физическое уничтожение определенной группы лиц, выделенной родовыми признаками;
- причинение вреда, направленного на физическое, нравственное, психическое здоровье определенного круга лиц;
- плановое, поэтапное создание условий и обстоятельств, при которых сокращается деторождение и растет смертность в определенной стране или у определенного народа, другой социальной группе и т.д.
- насильственное вмешательство в социальный уклад социальной группы;
- заражение вирусами и бактериями, к которым не приспособлен организм определенной группы лиц;
- насильственное отнятие детей и искажение языка, истории, традиций лиц, испытывающих геноцид;
- физическое уничтожение людей;

- проведение экспериментов над телом и психикой лиц и т.д.

Конвенция о неприменении срока давности в отношении военных преступлений и преступлений против человечества (1968 год) отмечает и расширяет границы уголовного преследования за преступление геноцида, предусмотренное Конвенцией, путем устранения любых препятствий к такому преследованию, которые могли бы содержаться в национальном законодательстве. Аналогичный документ, Европейская Конвенция о неприменении срока давности по поводу преступлений против человечества и военных преступлений, был ратифицирован Советом Европы 1974 года в Страсбурге.

В преамбуле Конвенции отмечается, что согласно международному праву военные преступления и преступления против человечества относятся к самым тяжким преступлениям и эффективное наказание за их совершение является важным фактором в деле предотвращения таких преступлений, защиты прав человека и основных свобод, укрепления доверия, поощрения сотрудничества между народами. и обеспечения международного мира и безопасности.

Согласно статье I Конвенции, сроки давности не применяются к таким тяжким международным преступлениям, независимо от времени их совершения: военные преступления, как они определены в Уставе Международного Нюрнбергского военного трибунала (1945), а также серьезные нарушения, перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г.; преступления против человечества независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определены в Уставе Международного Нюрнбергского военного трибунала и в резолюциях ГА ООН от 13.II 1946 и 11.XII 1946; изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определенное в Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказание за него 1948 г., даже если такие действия не составляют нарушения внутреннего законодательства страны,

В статье II указано, что положения Конвенции 1968 г. применяются не только к представителям государственной власти и частным лицам, которые являются исполнителями или соучастниками таких преступлений или непосредственно подстрекают других лиц к их совершению, или участвуют в сговоре для совершения этих преступлений независимо от степени их завершенности, но и для представителей гос. власти, допускающие их совершение.

Приведенное в Конвенции 1948 г. определение геноцида имеет юридическую силу, и западная наука, несмотря на очень распространенную критическую настройку к нему (прежде всего за исключение из перечня жертв политических групп, что считают результатом советских и британских пожеланий и сталинской условием подписания Конвенции со стороны СССР), весьма от него зависит. Эта зависимость заключается в восприятии большинством ученых двух основ важных оснований Конвенции: понимание геноцида как прежде всего массового физического уничтожения и важности доказанной умышленности таких действий. Именно из-за того, что официальное признание каких-то событий геноцидом предполагает политическое действие и активное вмешательство мирового сообщества, употребление этого слова относительно отдельных (особенно современных) событий нередко отрицали ведущие государства мира.

На сегодня можно насчитать десятки научных определений геноцида. В 1990 году канадские социологи Франк Чалк и Курт Йонассон, авторы одного из первых университетских курсов и учебника по изучению геноцида, предложили такую дефиницию: «Геноцид – это форма одностороннего массового убийства, с помощью которого государство или другая властная институция стремится уничтожить группу, и при этом определяет ее и круг ее членов» [5].

В этом определении чрезвычайно важен упор на том, что границы группы и принадлежность к ней могут определять исполнители геноцида, то есть они не должны быть самоидентификацией людей (пример чего – ликвидация советской властью «кулаков»). Такое определение группы является принципиальным: это позволяет назвать геноцидом массовые убийства в Камбодже в 1975-1979 годах и в Эфиопии в 1974-1991 годах, которые были направлены против групп, выделение которых революционной властью часто выходило за пределы этнической, классовой и гендерной принадлежности.

Содержательную критику зависимости большинства историков от нормативного определения «геноцида» в Конвенции ООН изложено в книге британского политолога и социолога Мартина Шоу «Что такое геноцид?» (2007). Он критикует коллег за привязанность к дефиниции в категориях «намерений исполнителей» и недостаточное внимание к самой структуре конфликта. Он отмечает, что геноцид в виде одностороннего убийства является всегда частью ситуации двух- или многостороннего конфликта и насилия. М. Шоу предлагает радикальный уход от образа «односторонности» геноцида и «беспомощности» жертв, рассматривая геноцид как тип социального конфликта, а также категорически отрицает мнение,

что геноцид – это всего лишь одноразовый аномальный сбой в ходе истории. Его определение, которое он считает возвращением к широкой дефиниции Р. Лемкина, такое: «Геноцид – это форма насильственного социального конфликта или войны между вооруженными властными организациями, соперничающими до уничтожения гражданских социальных групп, а также групп и других социальных элементов, противостоящих этому уничтожению» [7, с. 154].

По логике М. Шоу, природа геноцида как конфликта зависит от типа действия, к которой прибегают вооруженные властные организации, направленной на гражданское население. Это геноцидное действие он определяет как «действие, в котором вооруженные властные организации трактуют гражданские социальные группы как врагов и стремятся уничтожить их настоящую или воображаемую социальную власть средствами убийства, насилия и принуждения против индивидов, которых они воспринимает как членов определенной группы» [там же].

Критика Шоу обобщает и обостряет давно высказываемое неудовлетворение многих ученых нормативной дефиницией Конвенции. С острой критикой ее выступил, например, израильский историк Израэль Чарни, предложивший одно из самых широких определений «геноцида» – как «массового убийства существенного количества людей, совершенного не во время военных действий против военных формирований признанного врага, в условиях основополагающей беззащитности и беспомощности жертв» [4, с. 74].

Развитие научных исследований напрямую связано с текущими политическими и культурными вызовами. Так, только совсем недавно большинство ученых (но не все) согласились, что массовые убийства и депортации армян в Османской империи начала XX века были геноцидом. Только с конца 1970-х годов мировое общество начало обращать больше внимания на геноцид ромов и евреев во время Второй мировой войны. Западная Германия официально признала геноцид цыган только в 1982 г. В конце 1980-х годов в разных городах были открыты музеи Холокоста, а в 1993 году правительство США основало Американский музей памяти Холокоста.

Только что после массовых убийств в Руанде и бывшей Югославии внимание исследователей к теме геноцида значительно возросла. Существенным фактором этого стало болезненное осознание ложности и наивности взгляда на геноцид как на одноразовую аномалию в нормальном течении истории и преступление, что «никогда не повторится». Как следствие большинство ученых согласились относительно важности более

активного международного предотвращения таких преступлений и необходимости честного освещения проблемы природы невмешательства западных демократий, а иногда даже их попустительства режимам, что прибегали к практикам геноцида.

Сейчас в мире существует две международные ассоциации: основанная в 1994 году международная ассоциация исследователей геноцида (International Association of Genocide Scholars) и международная сеть исследователей геноцида (International Net work of Genocide Scholars), основанная в 2005 году. Каждая из ассоциаций имеет собственное периодическое издание. В 1999 г. издана «Энциклопедия геноцида» под редакцией Израэля Чарни. Еще одно справочное издание – «Энциклопедия геноцида и преступлений против человечества» под редакцией Дины Шелтон – увидело свет в 2005 году.

Каждый случай геноцида имеет общечеловеческий и одновременно всегда конкретное измерение. Роберт Мелсон выразил это так: «способность поступить геноцид не сводится к одной культуре или нации, а является внутренней потенцией человеческой природы» [6, с. хix–xx]. Не лишне вспомнить и о том, что современное государство и современный национализм, часто ответственные за геноцид, инструментализируют память о нем, изображая «своих» жертвами, а «чужих» – исполнителями, ведут войну памяти так же, как раньше вели войну наций.

Все это требует от нас вернуться к основополагающему пониманию исторической памяти как таковой. Пол Коннертон отмечает как общепонятное, «что наше восприятие настоящего во многом зависит от нашего знания о прошлом. Мы воспринимаем окружающий нас мир в контексте, то есть в свете причинной связи с прошлыми событиями и объектами с прошлого ... и мы будем воспринимать... наше настоящее по-разному, в зависимости от разных версий прошлого, к которым мы сможем привязать этот настоящий момент. А это значительно усложняет «экстрагирование» нашего прошлого из нашего же настоящего: не только потому, что настоящее пытается каким-то образом влиять (кое-кто, может, даже скажет – исказить) на наши воспоминания о прошлом, но также потому, что прошлое пытается влиять, то бишь, исказить наше восприятие настоящего» [2, с. 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 03.11.2021)
2. Коннертон П. Як суспільства пам'ятають. – К., 2004. – 184 с.

3. Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге. Лондон, 8 августа 1945 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://csdfmuseum.ru/history/659-%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2-%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B1%D1%83%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0-%D0%B2-%D0%BD%D1%8E%D1%80%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5> (дата обращения: 03.11.2021)
4. Charny I. W. Toward a Generic Definition of Genocide // Genocide. Conceptual and Historical Dimensions / Ed. by J. Andreopoulos. Philadelphia, 1994. – pp. 64-94.
5. Jonassohn K. How I Came To Study of Genocide [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://migs.concordia.ca/occpapers/study.html> (дата обращения: 04.11.2021)
6. Melson R. Revolution and Genocide : On the Origins of the Armenian Genocide and the Holocaust. – University of Chicago Press, 1996. – 363 с.
7. Shaw M. What is Genocide? – Cambridge, 2007. – 209 p.

АННОТАЦИЯ

Близнюк Ю.В., Коротун О.В. Понятие геноцида: история термина

В статье раскрываются исторические предпосылки введения в научный оборот термина «геноцид», а также рассматривается определение геноцида, регламентированное Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Анализируется также ряд подходов к трактовке термина «геноцид».

Ключевые слова: геноцид, преступления против человечества, Нюрнбергский процесс, Нюрнбергский трибунал, Конвенция ООН о предотвращении преступления геноцида и наказание за него

SUMMARY

Bliznyuk Yu.V., Korotun O.V. The concept of genocide: history of the term

The article reveals the historical background for introducing the term «genocide» into scientific circulation, and also examines the definition of genocide regulated by the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of December 9, 1948. A number of approaches to the interpretation of the term “genocide” are also analyzed.

Key words: genocide, crimes against humanity, Nuremberg trials, Nuremberg Tribunal, UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide

УДК 94(44)''18''(045)

**БУЛАНЖИСТСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ
В КОНЦЕ XIX В.**

Кризис – неизменный этап в развитии любого государства, как правило, сопровождающий процесс модернизации. Однако, при каких условиях переходное состояние, вызванное кризисом, приводит к положительным сдвигам в развитии государства и его международного положения, а при каких – к отрицательным? Современная политическая ситуация характеризуется ростом социально-политического напряжения как в отдельных странах, так и во всем мире. Оценивая опыт преодоления кризисных ситуаций другими государствами и условия их возникновения, становится возможным предопределить их основные последствия как для государства, где наблюдался кризис, так и для тех государств, которые тем или иным способом связаны с ним. Стоит отметить, что на сегодняшний день в отечественной историографии практически отсутствуют основательные труды, всесторонне и объемно рассматривающие социально-политические кризисы во Франции и их влияние на развитие европейских стран второй половины XIX века. Большинство трудов по данной теме дают возможность лишь ознакомиться с проблемой.

В связи с этим целью данного научного исследования является анализ дестабилизации политического и социально-экономического развития Франции второй половины XIX века, вызванной таким резонансным событием, как Буланжистский кризис.

Во второй половине XIX в. республиканский строй во Франции был крайне нестабилен. При этом ощущалась явная ксенофобия, развивался реваншизм после поражения во Франко-Прусской войне и заключения унижительного для французов мирного договора с Германией. Крайняя нестабильность заключалась также в социально-экономических последствиях Франко-Прусской войны и Парижской коммуны. Все эти обстоятельства имели глубокое влияние на все аспекты развития государства в течение длительного периода. В первую очередь, на международное положение Франции развитие реваншизма глубоко повлияло на франко-германские отношения. Внутриполитическое развитие государства характеризовалось политической борьбой консервативного правительства и либералов. Деятельность реакционных сил поддерживали клерикалы. Усиление рабочего движения, которое являлось следствием экономического кризиса, стало причиной жестоких расправ над митингующими.

Доверие к правительству было подорвано. Усиливался анархизм, в стране был совершён ряд терактов. Все большее распространение получали национализм, шовинизм и антисемитизм [1, с. 220]. В этих условиях были созданы предпосылки для попытки захвата власти Жоржем Буланже, который, с целью установления военной диктатуры, использовал недовольство деятельностью правительства практически всех слоёв населения.

Прежде чем перейти к анализу кризиса, вызванного деятельностью Жоржа Буланже во Франции, стоит отметить особенности его политики в момент становления военным министром по рекомендации Жоржа Клемансо в 1876 году [6, с. 82]. Появление Буланже во главе военного министерства совпало с резким ухудшением отношений Франции и Германии [4, с. 494]. Этот факт стал основой его политики – всячески поддерживая военных, Буланже стал развивать идею реванша по отношению к Германии. Пользуясь поддержкой радикалов, он активно проводил реформы: ввел обязательную и всеобщую воинскую повинность, сократил срок службы с 5 до 3 лет, из армии были уволены явные реакционеры. Также, Буланже добился увеличения ассигнований на содержание вооруженных сил, солдаты стали получать регулярные отпуска. Хотя все эти меры не выходили за рамки обычных – пресса их активно рекламировала [6, с. 84].

Вскоре основная масса населения Парижа начало всячески восхвалять и возвышать генерала Буланже. Советник русского посольства в Париже с 1884 – 1889 гг. Эрнст Коцебу в депеше российскому министру иностранных дел Гирсу по этому поводу пишет: «...Военный министр г. Буланже друг Клемансо, а потому поддерживаемый радикальной партией, – начинает занимать в кабинете опасную по своему значению позицию. О нем только и говорят в газетах и политических кругах... Шовинистическая нотка, прозвучавшая в некоторых его речах, возбудила патриотизм молодежи... некоторые факты подтвердили мнение, что и сам он намерен поставить себя выше существующего правительства» [2, с. 200]. Так зародилось шовинистическое движение, получившее название «буланжизм».

Генерал тем временем, желая вырваться из-под опеки радикалов, сблизился с Полем Деруледом, организатором реакционной молодежной организации «Лига патриотов». Союз военного министра с Деруледом, открыто требовавшим немедленно начать войну с Германией, не остался незамеченным Отто фон Бисмарком. «Из прессы по ту сторону Рейна мы можем судить, с каким вниманием следит за Буланже Германия. Все немцы, с которыми я встречаюсь, утверждают, что Буланже – выдающийся военный... он совершенно лишен совести и готов рисковать Францией, если это только поможет

ему стать диктатором. Германия вооружается... Многочисленные письма из Меца и Эльзаса изображают предстоящие германские маневры на французской границе, как предлог для концентрации больших сил...» – писал Коцебу в депеше Гирсу [2, с.200].

22 апреля 1887 года на франко-немецкой границе немцами был арестован и обвинен в шпионаже французский полицейский комиссар Шнебеле. Буланже подготовил декрет о мобилизации резервистов, однако президент Гриви настоял на переговорах с Бисмарком, и 30 апреля Шнебеле был освобожден. И все же, этот инцидент, получивший название «дело Шнебеле», еще больше поднял популярность Буланже. Население уверяло, что генерал своим решением о немедленной мобилизации заставил Бисмарка капитулировать, что доказывает слабость Германии, и призывало к войне. Из-за нападок немецкой прессы на Буланже его стали называть «генералом реванша» [4, с. 494].

В мае 1887 года был сформирован новый кабинет министров, где портфель военного министра получил генерал Феррон. Буланже лишился своего поста, и в связи с этим в стране проходили массовые манифестации в его поддержку [3, с. 218]. А. П. Моннергейм считал инициатором массовых акций поддержки представителей «Лиги патриотов»: «Дерулед и их сподвижники подстроили кое какие незначительные выступления по пути следования президента и министров: несколько сот проходимцев, расставленных по этому пути, неистово свистали... эти же подкупленные банды надрывались, крича: «Да здравствует Буланже!» [2, с. 200].

Популярный отставной министр вел конспиративные переговоры с представителями многих политических течений – орлеанистами, бонапартистами, националистами. Монархисты рассчитывали, что союз с генералом обеспечит им поддержку армии, шовинисты – на то, что Буланже вскоре начнет войну с Германией. Реальную позицию самого Буланже возможно понять, проанализировав письмо российскому императору Александру III, написанное отставным генералом 9 августа 1889 года в Лондоне, уже после своего побега из Франции в связи с попытками правительства дискредитировать его деятельность. Он писал: «...Я беру на себя смелость высказать вашему величеству в немногих словах, что я думаю сделать... Я буду поддерживать республику, ибо это единственная форма правления, возможная в настоящее время в Франции, так как попытка реставрации монархизма может вызвать пагубные осложнения. Я восстановлю религиозный мир и уничтожу всякие изгнания, так как не думаю вести войны ни с богом, ни с людьми. Я уничтожу с корнем бич парламентаризма... Я поведу смертельный бой с подкупом и сторонниками подкупа... чтобы заполнить зияющую дыру дефицита. Я приступаю... к самым назревшим социальным вопросам, но я

воздвигну непреодолимые преграды для губительных доктрин социализма. Вне страны, государь, я буду стремиться к мирным... отношениям со всеми державами, искренне же дружественными только с одною – Россией. Все то, что достоинство и честь Франции позволяет мне сделать, чтобы поддерживать ее мир, я сделаю... Военные инстинкты и жажда славы должны быть подавлены, когда этого требует благо страны» [5, с. 292].

Таким образом, становится понятно, что Буланже не поддерживал реваншистскую идею войны с Германией и хотел преодолеть внутренний политический и социально-экономический кризис Франции путем установления диктатуры, ликвидировав парламентский строй.

Растущая с огромной скоростью популярность Буланже становилась угрозой для существующего порядка. Для того, чтобы отдалить его от Парижа, бывший военный министр был назначен командиром 13-го корпуса в Клермон-Ферране. Тем временем, в сентябре 1887 года в Париже была раскрыта серия скандальных афер, в которых были замешаны многие министры, депутаты и журналисты. Премьер-министр Рувье и президент Жюль Гриви были вынуждены подать в отставку. Пост президента занял Сади Карно. Время его президентства было эпохой серьезных кризисов, опасных для самого существования республики [3, с. 288]. Воспользовавшись моментом неопределенности после разоблачения коррумпированных депутатов и министров, Буланже открыто начал выступать против парламентского строя, считая, что именно такое государственное устройство порождает коррумпированность. За нарушение дисциплины в 1888 году генерал был уволен из армии. Вскоре он был избран депутатом от Парижа на выборах в Национальное собрание 27 января 1889 года. Поль Дерулед призывал Буланже, имеющего поддержку населения и армии, силовыми методами захватить власть. В марте против Буланже было возбуждено уголовное дело по обвинению в попытке государственного переворота. 1 апреля 1889 года он бежал за границу. В августе 1889 суд заочно приговорил его к разжалованию и пожизненному заключению в крепость [2, с. 200].

Бегство отставного генерала сильно пошатнуло его популярность, а разоблачения во время процесса разнообразных закулисных сторон буланжизма дискредитировали его во мнении очень многих приверженцев, не знавших о связи генерала с монархистами [3, с. 293]. Буланжизм окончательно сошел с политической сцены, а сам отставной генерал в сентябре 1891 года покончил с собой. [6, с. 90].

Данные события, получившие в историографии название «Буланжистский кризис», свидетельствуют о глубоком социально-политическом кризисе во Франции. Это был первое серьезное испытание для развития республиканского строя.

Подводя итоги, стоит отметить, что развитие буланжистского движения стало возможно на фоне роста популярности идеи реставрации монархии во Франции, чему способствовали определенные политические неудачи республиканцев и рост шовинистического настроения среди французов. Положение Третьей республики, как оказалось, было крайне нестабильным, несмотря на то, что представителям республиканского течения удалось урегулировать конфликт. Стоит отметить, что на фоне роста внутривластного напряжения среди населения все больше становились популярными идеи шовинизма и реваншизма. В таких условиях возникали предпосылки для очередного кризиса, последствия которого либо окончательно дискредитировали бы идею реставрации монархии во Франции, либо стали бы основой для ликвидации республиканского государственного устройства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антюхина-Московченко, В.И. Третья республика во Франции. 1870-1918. – М.: Мысль, 1986. – 410 с.
2. Деша поверенного в делах в Париже Коцебу министру иностранных дел Гирсу от 3 июля/21 июня 1886 г. // Красный архив. Исторический журнал. – 1935. – Т. 5 (LXXII). – с. 200
3. Кареев, Н. И. История Западной Европы в Новое время. В VIII т. Т. VI. Последняя треть XIX века. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 1083 с.
4. Манфред, А. З. История Франции в 3-х томах. Т. 2/ А.З. Манфред, В.М. Далин, В.В. Загладин [и др.]. – М.: Наука, 1973. – т. 2. – 658 с.
5. Письмо генерала Буланже российскому императору Александру III // Красный архив. Исторический журнал. – 1926. – Т. 1 (XIV). – с. 292
6. Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. – М.: Мысль, 1983. – 316 с.

АННОТАЦИЯ

Будкова Елена Геннадьевна. Буланжистский кризис и его влияние на внутривластное развитие Франции в конце XIX века

В статье освещается специфика социально-политического развития Франции в конце XIX века. Целью исследования является анализ дестабилизации политического и социально-экономического развития Франции, вызванной таким резонансным событием, как Буланжистский кризис. В результате, выделены и охарактеризованы основные процессы в развитии Франции в конце XIX века, на которые имело влияние развитие буланжизма.

Ключевые слова: Буланжистский кризис, социально-политический кризис, Третья республика, Франция.

SUMMARY

Budkova Elena Gennadyevna. The Boulangist crisis and its impact on the internal political development of France at the end of XIX century

The article highlights the specifics of socio-political France's development at the end of XIX century. The aim of this research is to analyze the consequences of the socio-political development of France caused by the Boulangists crisis. Peculiarities of the main process of development of France at the end of XIX century are singled out.

Key words: Boulangist crisis, socio-political crisis, the Third Republic, France

Игорь Валериевич Загорский,

г. Горловка, ДНР

Наталья Владимировна Евсюкова,

г. Горловка, ДНР

УДК 94 (100) (045)

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ДОНБАССА (КОНЕЦ 1940-Х – КОНЕЦ 1950-Х)

Данная работа актуальна в первую очередь в связи с тем, что тема, изучаемая нами в ходе исследования, является достаточно узконаправленной и малоизученной, т.к. научных работ по истории региональной архитектуры Донбасса крайне мало и большая часть из них относится к 2000-м годам. В качестве исключения можно назвать лишь исследования В. А. Аверкиева [1], А. В. Вергелеса [2], Е. А. Гайворонского [3], О. В. Губанова [4], И. М. Лобова [9], Ю. В. Лубенченко [10], В. А. Яценко [15]. Кроме того, конкретно рассматриваемый нами период имеет ряд отличительных особенностей, обусловленных историко-политической ситуацией в стране, оказавших влияние на развитие всей советской архитектуры и градостроительства на значительный период времени.

Цель работы – рассмотреть характерные особенности городской архитектуры на территории Донбасса в первое послевоенное десятилетие.

Научная новизна: работа представляет собой попытку сбора и систематизации информации по особенностям архитектуры и градостроительства Донбасса в послевоенный период.

Практическая значимость исследования заключается в использовании материалов исследования при подготовке к

семинарским и лекционным занятиям, а также при написании выпускных квалификационных работ.

Огромные разрушения военных времен привели к необходимости быстрого восстановления предприятий, жилищного фонда и реставрации памятников архитектуры Донбасса, в чем активно помогали все народы Советского Союза. Со всех концов страны прибывали сюда архитекторы, инженеры и строители. Непрерывным потоком приходили в Донецк эшелоны с материалами и новейшим техническим оборудованием.

Развернувшееся в больших объемах строительство требовало быстрого создания проектной документации по восстановлению и реконструкции города; проведение этих работ было поручено Гипрограду. Специалисты Гипрограда, сразу же, на месте, приступили к разработке проекта первоочередных мероприятий по восстановлению Донецка. Проект был закончен в 1944 г., а в 1945 г. Гипроград составил схему генерального плана города, в которой были решены основные положения дальнейшего развития города, послужившие обоснованием к проекту первоочередных мероприятий по его восстановлению.

В послевоенную эпоху во всем мире основным архитектурным направлением стал функционализм как разновидность довоенного модернистского конструктивизма. Для него характерен принцип, что архитектурную форму должны определять функция, назначение здания. Функционализм дал миру новые типы домов (галерейные, коридорного типа, с плоскими крышами). Теоретиками функционализма были В. Гропиус (Германия), Ш. М. Корбюзье (Франция), Х. Мейер (Англия). Это направление становится интернациональным, так как простота линий, рациональность легко приспосабливались к национальным особенностям [7, с. 98]. Именно представителям данного архитектурного направления принадлежит большая заслуга в разработке модели удобного и светлого здания индустриального типа новой на тот момент социалистической эпохи, в применении прогрессивных конструкций и материалов, в активном внедрении стандартизации и индустриализации строительства.

Для архитектуры данного времени характерными были две особенности. Во-первых, широко использовались местные строительные материалы, среди которых преобладали камень, кирпич, дерево, грунтоблоки, шлакоблоки из металлургических и угольных шлаков и др. Во-вторых, интенсивно развивалось заводское производство легких сборных элементов зданий из щитовых и каркасных деревянных конструкций. В восстановительный период с октября 1943 по 1954 гг. над проблемами градостроительства в Донбассе доминировала необходимость разместить рабочих поближе к «своему» заводу или шахте, поэтому активно создавались новые и

укрупнялись существующие разрозненные поселки при отдельных промышленных предприятиях. К такой форме расселения толкали трудности с городским транспортом.

Однако в застройках 1945 – 1955 гг. характерны попытки всячески обогатить внешний вид сооружения, придать ему помпезный вид с помощью большого количества украшений (башен, колонн, арок, карнизов). В качестве примера достаточно вспомнить известные «дома с башенками», являющиеся визитными карточками г. Горловки, расположенные на пересечении улицы Комсомольской и проспекта Победы (ранее – проспекта Пролетарского), а также центральный вход в водолечебницу по ул. Советской.

Среди наиболее значительных общественных зданий Донецка этого период следует назвать Дом Советов, Главный почтамт и АТС, комбинат Донецкуголь, Управление Донецкой железной дороги, гостиница «Донбасс», кинотеатр «Комсомолец», библиотека им. Н. К. Крупской, Дворец культуры имени И. Франко, учебные корпуса политехнического и медицинского институтов.

Архитектурный центр городов образуют трех-, четырех-, а позднее и пятиэтажные жилые и общественные постройки. Их первые этажи отданы в основном под магазины, детские сады, пионерские комнаты, ремонтно-бытовые мастерские и ателье, облицованы темным гранитом, отделялись от верхних тягами или выносили вперед. Стены верхних этажей были одеты светлой керамикой или побелены, что придавало сооружениям легкость и торжественность. Крыша покрывалась ярко-красной черепицей или шифером. Стены часто украшались элементами декора, мозаичным панно, лепниной, эркерами, орнаментальной пластикой, предусматривалась уличная настенная иллюминация.

Улицы, площади и даже дворовые площадки планировались с достаточно широкой пространственной перспективой, что давало ощущение возможности вздохнуть полной грудью. Почти в каждом городе создавался парк или площадь Победы, предусматривающие возможность проведения крупномасштабных торжеств. На этих территориях часто устанавливались монументальные памятники с выразительными мемориально-символическими чертами.

Данные тенденции были призваны отразить романтико-патриотический пафос народной Победы, триумф советской системы во всех сферах жизни человека. Восстанавливаемые города автоматически превращались в крупномасштабные памятники Победы и героизму защитников и освободителей.

Активно строился не только жилой фонд, но и вся социальная инфраструктура городов. При их строительстве старались учитывать мощный культурно-эстетический потенциал данных объектов, поэтому многие из них в данный исторический

период были выдержаны в классических архитектурных стилях. Общественные здания становились доминирующими объемами в городских архитектурных ансамблях, они во многом определили художественный облик города. В их архитектуре широко использовались композиционные приемы и формы классики – для них характерны колоннады, аркады и другие элементы ордерной системы при обязательных симметричных композициях фасадов и планов зданий.

В ноябре 1955 года ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление об устранении излишеств в архитектуре и строительстве [13]. Партия и правительство направили усилия архитекторов и строителей на создание удобного и дешевого жилья для трудящихся, призвали отказаться от архаики и расточительства средств, акцентировали внимание на необходимости типизации и стандартизации в проектировании и строительстве. Привлекательный вид построек и сооружений должен создаваться не путем применения надуманных, дорогих декоративных украшений, а за счет органической связи архитектурных форм с назначением зданий и сооружений, хороших их пропорций, а также правильного использования материалов, конструкций, деталей и высокого качества работ. После этого элементы декора (высокие арки, лепнина, барельефы, «французский балкон»), характерные для так называемого стиля «сталинского ампира» окончательно перестали использоваться при возведении жилых домов. Это позволило удешевить и ускорить строительство. В архитектуре города начинается эпоха так называемых «хрущовок», где жилая площадь 2-комнатных квартир составляла 24-30 м², 3-комнатных – 34-38 м².

Новые бетонные 5-ти этажные дома (сначала имели место экспериментальные проекты со стальным каркасом) были лишены «архитектурных излишеств» и каких-либо украшений, отличались прямолинейностью, лаконизмом и аскетизмом, а господствующей формой стал параллелепипед со сплошными лентами окон. Первые кирпичные проекты имели скатные крыши, которые позже были заменены на плоские крыши, единственным «украшением» дома оставалась керамическая плитка фасадов. Строительство «хрущовок» продлилось до 1985 г., и до сих пор существуют проекты модификации определенных серий. Несмотря на назначение этого типа домов (срок эксплуатации должен был составлять 25 лет), большинство домов до сих пор составляют львиную долю жилой застройки наших городов.

Следует отметить, что в советской архитектуре в принципе важную роль сыграло типовое проектирование. Это было создание новой методологии типового проектирования – серийного метода

при централизованном изготовлении унифицированных элементов. Новое заключалась в том, что все плотничьи, столярные и бетонные изделия изготавливались на строительных дворах, а на строительной площадке происходило только их соединение. Каждый вид работы при этом выполнялся специализированными бригадами согласно графику.

Чтобы оценить масштабы жилого типового строительства, целесообразно будет кратко охарактеризовать материальную базу, которая была для этого организована. На территории Донецкой области уже в 1951-1953 гг. было пять заводов домостроения [8, с. 21]. В результате проведенных работ параллельно с реконструкцией предприятий крупнопанельного строительства на многих кирпичных заводах и заводах по производству сборного железобетона были переоборудованы цехи для производства крупных панелей. В 1962 году 52% общей жилой площади, сданной в эксплуатацию, было сооружено из больших панелей. До 1965 г. были введены предприятия общей мощностью 400 тыс. кв. м жилой площади в год [5, с. 106-107]. Большая мощность домостроительных комбинатов позволило широко развернуть потоковое сооружение жилых построек, благодаря чему процесс их возведения превратился в монтаж из готовых элементов.

Типовая архитектура играла значительную роль в социальной жизни, ведь реализованные проекты имели целью обеспечения жильем как можно большего количества населения, что частично повлияло на эстетическую умеренность зданий. Чаще всего главным элементом декора выступали крупные мозаики на фасаде домов, многие из них до сих пор украшают фасады как жилых домов, так и государственных учреждений: больниц, детских садов и т. п. Исследователь Д. Хмельницкий в труде «Архитектура Сталина: психология и стиль» отмечал: «На смену классической и монументальной архитектуре сталинского периода пришла функциональная типовая архитектура, которая просуществовала с различными модификациями до начала 90-х годов XX-го века» [14, с. 6].

Огромное значение для дальнейшего развития архитектуры имело начавшееся в эти годы строительство из крупных бетонных блоков, что значительно ускорило возведение зданий, но существенно повлияло на их эстетику. Это привело к появлению по территории всего Советского Союза безликих стандартных районов, которые получили название «Черемушки» (изначально так назывался один из районов Москвы). С середины 50-х осуществляется переход к возведению стен из двух типов блоков – подоконного и простеночного. По существу, это уже были не блоки, а панели, характерные позднее для так называемых «брежневок».

Все большее распространение получала идея застройки городов крупными жилыми массивами, возникающими на свободных территориях. Первым таким массивом в Донбассе стали так называемые Донецкие Черемушки в Калининском районе города, застройка которого бескаркасными крупнопанельными пятиэтажками началась в 1959 г. Немного позднее были возведены жилмассив шахты «Петровская-Глубокая» в Кировском, объединённые жилые образования Мушкетовских шахт, жилмассив шахт «Глубокая» и «Восточная» в Пролетарском районе.

Для компактности жилищные массивы все больше застраиваются домами повышенной поверхности, что вносит новые черты в архитектуру городов. В Донецком филиале Гипрограда (впоследствии – Донбасгражданпроект) совместно с ДонпромстройНИИпроектом и НИИ оснований и подземных сооружений была проведена большая исследовательская работа, в результате которой были созданы дома, устойчивые к разрушению в случае просадки грунтов. Это открыло возможность к многоэтажному строительству. Вскоре в центре Донецких Черемушек выросли первые в стране три 9-этажных дома, строительство которых стало массовым в 1970-е. Наиболее значительным примером застройки девятиэтажками является жилой массив Текстильщиков в Донецке (целый город-спутник на 70 000 жителей).

При застройке новых массивов используются современные на тот момент прогрессивные способы планирования микрорайонов и их озеленение. Вводится также новая система организации обслуживания обитателей. Доминировала поквартальная застройка с преимущественно групповым и периметрально-комбинированным размещением домов. Еще в довоенное время была разработана регулярная планировка – улицы, пересекающиеся под прямым углом и образующие прямоугольные кварталы. Для сталинской застройки и, частично, хрущевской это было характерно – таким образом можно было создать уютные дворы, не открытые улицам. Архитекторы настойчиво работали над созданием наиболее благоприятных санитарно-гигиенических условий жизни в кварталах (проветривание их, освещенность, озеленение междуквартальных пространств). Зеленые насаждения занимали более половины площади кварталов. Территории между домами и во дворах, особенно в центре, стараются оборудовать цветочными клумбами, линейно расположенными кустарниками и деревьями вдоль дорог, импровизированными спортивными площадками с обязательным турником, зонами кратковременного отдыха (беседки, скамейки, столики).

По мере того, как удовлетворялись потребности населения в жилье, возникла необходимость в улучшении благоустройства.

Здесь интересен тот факт, что меняются акценты в самом понятии «благоустройство». Так, в 1940-х – начале 1950-х гг. под этим понятием понимали озеленение и обводнение территории (достаточно вспомнить уже практически утраченные дворовые фонтаны, о некогда существовании которых напоминают так называемые «вазы»), наличие тротуаров, строительство подъездов жилых домов, оформление фасадов, улучшение внешнего оформления городов [12, Л. 32]. Также сюда относились работы по развитию бытового и промышленного водоснабжения, канализации, энергоснабжения, теплофикации и газификации города. Позднее улучшения благоустройства происходят в самих квартирах: начинается строительство квартир с обособленными санузлами, уменьшается количество проходных комнат и т. п. Можно констатировать, что, сохраняя внешнюю форму благоустройства в указанный период улучшаются внутренние условия проживания людей.

Предпринимались попытки в известной мере упорядочить хаотичную застройку городов и, насколько возможно, уменьшить в центральных районах избыточную плотность населения. На несколько микрорайонов, которые составляли жилой массив, полагалось наличие учреждений городской инфраструктуры (клуб, кинотеатр, поликлиника, школа и т. д.). Эти учреждения чаще всего находились в центральной части района и создавали его общественно-торговый центр. По нормативам расстояние от такого центра до наиболее отдаленных домов не должна была превышать: для школ и универмагов – 1 км, для детских садов, ясель и магазинов – 0,7 км [6, с. 22-25].

Самыми распространенными массовыми общественными сооружениями Донецка послевоенного десятилетия стали детские ясли, сады и школы. Особенно широко применялся проект детского сада на 125 мест, разработанный архитектором Н. А. Якобсоном. Компактный план (25,8 X 14,9) позволял с успехом возводить такие здания как в застроенных, так и в новых кварталах. Детский сад был рассчитан на размещение пяти групп – двух на первом и трёх на втором этаже. [11, с. 217].

В данный период развернулось также массовое строительство школ. Почти все школы, запроектированные и построенные в это время, имеют П-образную форму плана; курдонер – своеобразный дворик – создавался перед главным или дворовым фасадом здания. Из многих типов школ в Донецке предпочтение отдавалось серии типовых проектов, разработанной архитекторами И. Ю. Каракисом и Н. Г. Савченко. Объемно-пространственное решение школ этой серии отличается компактностью, их размеры в плане одинаковы, а вместимость повышается от 280 до 400 мест только за счет увеличения этажности. Для внешнего облика зданий характерен

своеобразный колорит: они увенчаны небольшим барочным фронтоном, а стена на всю высоту фасада расчленена пилястрами. Одна из наиболее удачных школ этой серии вместимостью 400 мест построена в 1956 г. в поселке шахты Мушкетовская-Заперевальная [там же, с. 219].

В 1954 г. в Донецке на территории, примыкающей к улице Артема, по проекту архитектора Е. А. Ревина строится самый крупный по тем временам стадион «Локомотив», трибуны которого вмещали 40 тысяч зрителей. Также в Донецке был построен первый в СССР крытый спортивный зал, где предусмотрены места для зрителей (1953 г.), который стал прообразом современных многофункциональных спортивных залов.

В 1950-е годы в Сталинской области массово строились дворцы культуры по проекту архитектора Зои Брод. Изначально они задумывались как кинотеатры, поэтому полноценных дворцов культуры из них не получалось, но для массовых мероприятий и различных досуговых кружков такой тип здания подходил идеально.

Также эти годы характеризуются большим размахом так называемого пригородного малоэтажного строительства. Характерным примером строительства такого строительства может служить поселки шахтим. Абакумова и Мушкетовская-Заперевальная в Донецке, поселок Солидарность и Кузнецовка в Горловке, поселок шахты Пролетарская-Глубокая в Макеевке. Здесь в 1956 г. в качестве несущего остова жилых зданий применен железобетонный каркас, на который навешивались легкие керамзитобетонные стеновые панели, что позволяло минимизировать проседание грунта.

Резюмируя, можно сказать, что советская архитектура данного периода отличалась простотой, функциональностью, хотя общественные здания часто возводились с учетом классических архитектурных традиций. Этот период можно назвать в некоторой степени определяющим, ведь именно тогда было создано большая часть жилых районов городов по всей территории бывшего Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиев, В. А. Социально-функциональные основы архитектурно-планировочной реконструкции городского жилища 1950–1960х годов в Донбассе : дис. ... канд. архитектуры. – Москва, 1994. – 180 с.
2. Вергелес, А. В. Особенности градостроительного развития Донбасса в период с 1917 по 1941 годы: автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 1991. – 24 с.
3. Гайворонский, Е. А. Региональные особенности формирования и развития архитектуры зданий и сооружений в городах

- Донбасса : автореф. дис. ... д-ра архитектуры [по специальности] 05.23.21 Архитектура зданий и сооружений, творческие концепции архитектурной деятельности / Е. А. Гайворонский. – Макеевка, 2017. – 36 с.
4. Губанов, О. В. Композиційнопросторові принципи формування ансамблів 30–50х рр. ХХ ст. в історичних центрах міст Донбасу : автореф. дис. ... канд. архітектури : 18.00.01 / О. В. Губанов. – Харків, 2008. – 19 с.
5. Донецк. Архитектурно-исторический очерк / С. К. Килессо, В. П. Мишкань, В. Ф. Петренко и др. – К.: «Будівельник», 1982. – 152 с.
6. Дьомін, М. М. Містобудівництво в Українській РСР у семиріччі. – К., 1961. – 98 с.
7. Заварихин, С. П. Архитектура первой половины ХХ века. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 223 с.
8. Косенков, Е. Д. Строительство крупнопанельных домов в Донбассе. / Е. Д. Косенков, В. Я. Побелов. – Донецк: Донецкое книжное издательство, 1963. – 102 с.
9. Лобов, И. М. Функциональнопланировочная реабилитация застройки нарушенных территорий (на примере ДонецкоМакеевской агломерации) : автореф. дис. ... канд. архитектуры. – Киев, 2002. – 19 с.
10. Лубенченко, Ю. В. Принципи реконструкції промислових територій великих міст Донбасу : автореф. дис. ... канд. архітектури : 18.00.04 / Ю. В. Лубенченко ; КНУБА. – К., 2009. – 20 с.
11. Мозговой, В. И. Там, где было дикое поле... / В. И. Мозговой, В. Г. Ляшенко. – Донецк : Фирма «Кардинал», 2001. – 319 с.
12. Отчеты, справки, информации о жилищном и гражданском строительстве, планировании, застройке, благоустройстве и внешнее оформление городов области // Государственный архив ДНР (ГА ДНР), Ф. Р-5418 (Главное управление архитектуры и градостроительства Донецкого облисполкома). Оп. 1. Д. 36
13. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/>(дата обращения: 03.11.2021).
14. Хмельницький, Д. С. Предисловие // Архитектура Сталина: Психология и стиль / Ред. Крюкова Е. П. – М.: Прогресс Традиция, 2007. – 376 с.
15. Яценко, В. А. Планировочная реконструкция больших городов Донбасса, образованных в годы первых пятилеток : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата архитектуры : 18.00.04 / В. А. Яценко. – Киев, 1989. – 21 с.

АННОТАЦИЯ

Загорский И. В., Евсюкова Н. В. Особенности архитектуры послевоенного Донбасса (конец 1940-х – конец 1950-х)

Данная работа посвящена узконаправленной теме в истории донецкой региональной архитектуры. В исследовании рассматриваются особенности советских градостроительных и архитектурных традиций первого послевоенного десятилетия, определившие внешний вид Донбасса на многие годы.

Ключевые слова: история архитектуры, региональная архитектура, архитектура Донецка, послевоенный Донбасс

SUMMARY

Zagorsky I. V., Evsyukova N. V. Features of the architecture of post-war Donbass (late 1940s - late 1950s)

This work is devoted to a narrowly focused topic in the history of Donetsk regional architecture. The study examines the features of the Soviet urban planning and architectural traditions of the first post-war decade, which determined the appearance of Donbass for many years.

Keywords: history of architecture, regional architecture, architecture of Donetsk, post-war Donbass

*Ирина Федоровна Емельянова,
г. Горловка, ДНР*

УДК 330.8: 338.24(94)

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В современных социально-экономических и политических условиях развития экономики Донецкой народной республики экономическая безопасность – является одним из важнейших составляющих системы обеспечения национальной безопасности. Тема экономической безопасности приобретает все большую актуальность в связи с весьма динамичными, противоречивыми тенденциями и событиями в современном мире. В связи с этим, особую актуальность приобретает анализ истории возникновения и развития теории экономической безопасности, позволяющий обобщить и систематизировать накопленный опыт по выявлению теоретической сути экономической безопасности, что имеет первостепенное значение в вопросе разработке концепции ее обеспечения.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика экономической безопасности нашла свое отражение в многочисленных трудах ученых-экономистов, среди

которых Л.И. Абалкин [1], В.А. Дадалко [3], Г.А. Пастернак-Таранушенко [12], Я.А. Жалило [4], В.М. Геец [7], В.К. Сенчагов [14], К.Х. Ипполитов [5], М.И. Кротов М.И., В. И. Мунтиян [8], М.Е. Листопад, [9,10], А.В. Орлова [11], В.Ш. Уразгалиев [15] и многие другие, которые внесли значительный вклад в развитие понятийно-категориального аппарата, анализ общих вопросов безопасности человека, общества и государства, составляющих экономической безопасности государства.

Однако следует отметить, что вопросы содержательно-понятийной трактовки, истории возникновения и развития теории экономической безопасности, формулировки общепринятого определения, изучены недостаточно глубоко и требуют дальнейшего комплексного исследования. Актуальность названной проблемы, ее теоретическая важность, недостаточная комплексная разработанность в теории экономической безопасности определили постановку проблемы, цели и задачи научного исследования.

Целью исследования является комплексный анализ истории возникновения и развития теории экономической безопасности государства.

Концепция экономической безопасности формировалась на базе осознания понятия «безопасность». Многовековое развитие социально-экономической мысли свидетельствует о том, что проблема безопасности человека, общества и государства всегда рассматривалась как важнейшая в любой социальной структуре, начиная с индивида.

В глубокой древности, безопасность воспринимали как способность противостояния опасностям для жизни, самосохранения и выживания.

О задачах и функциях государства в сфере обеспечения безопасности писали ученые античности. Демократ рассматривал безопасность в контексте приспособления человека к условиям жизни, Платон – в качестве защиты справедливой гармонизации интересов в идеальном государстве, Аристотель сводил безопасность к проблеме самосохранения, а Эпикур, как ярый сторонник комфорта, полагал, что «самой настоящей безопасностью бывает благодаря тихой жизни и удаленности от толпы» [6, с 384].

Упоминание термина «безопасность» встречается в Ветхом Завете Библии, что значит «владеть ситуацией» [2]. Помимо религиозного пути толкования истоков безопасности человека и общества процессы формирования взглядов на те или иные ее аспекты происходили в различных сферах развития стран и народов. Несмотря на то, что термин «безопасность» практически не использовался, сама идея жизнеобеспечения и его защиты нашла свое смысловое отражение во многих учениях, теориях различных государств [15, с 15].

Так во времена Средневековья безопасность трактовали как спокойное состояние духа человека. Однако в этом смысле термин не прижился в лексике народов Западной Европы и употреблялся до XVII в. редко.

В XVII – XVII веках практически во всех странах утверждается точка зрения, что главной целью государства является общее благосостояние и безопасность. Достаточно широко общие вопросы безопасности человека представлены в работах философов Просвещения, а также их предшественников и последователей, в частности в трудах Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье и др. Безопасность провозглашалась одним из неотъемлемых естественных прав человека. Так, в английском Билле о правах 1689 г., американской Декларации независимости 1776 г., и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. безопасность рассматривалась в качестве естественного права, наряду со свободой и собственностью.

Уже в XVIII веке в европейских странах, а прежде – в Англии, безопасность государства связывалась с его экономическим благополучием, а именно с развитием торговли. Тогда же была установлена прямая зависимость чисто военной безопасности от уровня экономического развития страны. Воплощением этого понимания была теория меркантилизма [11, с. 93].

Серьезные разрушительные последствия, которые принесли Европе войны и революции XIX – XX вв., оказали существенное влияние на эволюцию теоретических подходов в понимании безопасности и выдвинули проблему ее обеспечения в политике, экономике и науке на первый план. В начале XX века безопасность трактовалась как взаимосвязь политической стабильности, экономического процветания и обороноспособности государства. В научный и практический оборот включается новый термин – «национальная безопасность», впервые употребленный в 1904 г. в послании президента Т. Рузвельта конгрессу США. В дальнейшем проблематика национальной безопасности становится ключевой в исследованиях американских политологов и экономистов [10].

Одновременно все более существенную роль в обеспечении национальной безопасности начинает играть экономическая составляющая.

Понятие «экономическая безопасность» на уровне государства в мировой экономической науке и практике появилось в XX в. Общеизвестно, что термин «экономическая безопасность» ввел в научный оборот президент США Т. Рузвельт в 1934 г., создав Федеральный комитет по экономической безопасности в связи с осознанием необходимости государственного регулирования экономики и отказом от классической практики невмешательства государства в экономическую жизнь. По его мнению, «настоящая

личная свобода невозможна без экономической безопасности и независимости» [13].

Официальный статус термин «экономическая безопасность» получил в 1985 г. на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая приняла резолюцию по международной экономической безопасности. В ней была обозначена необходимость содействовать решению данной проблемы с целью создания условий для социально-экономического развития и прогресса каждой страны. Затем на 42-й сессии Генеральной Ассамблеи была принята Концепция международной экономической безопасности, обобщившая проблемы, имеющиеся в данной области, и средства их преодоления [9].

В СССР ученые и политические деятели вплоть до 1990 х гг. не считали необходимым рассматривать экономическую безопасность в аспекте благосостояния и стабильности государства; принципиально важным был политический аспект безопасности. Поэтому исследования в области обеспечения безопасности активно проводились, но в основном под углом зрения государственной безопасности. Начиная с 1982 г., параллельно с термином государственная безопасность в оборот входит термин безопасность общества, что означало разворот в сторону обеспечения безопасности интересов личности и всех сторон общества.

После распада СССР в обществе произошла смена ориентиров и приоритетов: произошло понимание того, что сфера обеспечения безопасности не может ограничиваться пределами государственных рамок и должна быть нацелена на укрепление национальной экономической безопасности [8, с 13]. В странах постсоветского пространства, в частности в Белоруссии, России и Украине, первые известные публикации по национальной экономической безопасности, который появились в 1991-1992 гг., были связаны с возникшим в тот период системным кризисом. Первые исследования в этой области были предприняты белорусским ученым В.А. Дадалко, украинскими учеными – Г.А. Пастернак-Таранушенком, В.М. Гейцем, Я.А. Жалило, российскими учеными – Л.И. Абалкиным, В. К. Сенчаговым, К.Х. Ипполитовым и др.

В современной научной литературе, посвящённой проблемам изучения экономической безопасности государства, сформировалось множество концептуальных подходов к детерминации данного термина. На основе анализа научной литературы по данной проблематики [1, 3, 4, 5, 10, 11, 14, 15] нами была предпринята попытка систематизировать основные концептуальные подходы к пониманию категории «экономическая безопасность», в процессе которой был сделан вывод о том, что наиболее распространёнными являются подходы, которые определяют экономическую безопасность как:

1) состояние экономической системы (экономики государства, страны, национального хозяйства, национальной экономики), при котором сохраняется ее целостность, устойчивость, стабильность, а также удовлетворяться жизненно важных общественные потребности;

2) совокупность условий, защищающих хозяйство страны от внешних и внутренних угроз;

3) состояние защищённости личностных, общественных, государственных интересов от внутренних и внешних угроз;

4) состояние национальной экономики, при котором обеспечиваются защита прежде всего национальных интересов;

5) механизм, модель, общенациональный комплекс мер (система мероприятий);

6) комплексная многокомпонентная экономическая категория.

Многообразие существующих научных подходов к трактовке категории «Экономическая безопасность государства» свидетельствуют об отсутствии единства в понимании ее сущности и дают основания заключить, что концепция экономической безопасности государства находится в стадии формирования, и пока не обладает признаками комплексности. Однако, при всем многообразии научных подходов к трактовке данной экономической категории, различные определения экономической безопасности – это абсолютно равноправные, и дополнительные описания изучаемой экономической категории. С нашей точки зрения, они отражают разную степень детализации и конкретизации, и не противоречат друг другу. Однако взятые в отдельности они не позволяют составить общего концептуального представления о данной экономической категории.

Поэтому мы считаем, что наиболее точным подходом к трактовке экономической безопасности государства является комплексный подход, рассматривающий ее как комплексную многокомпонентную экономическую категорию, так как основан на принципах управления экономикой.

Проведенный анализ истории возникновения и развития теории экономической безопасности позволяет сделать следующие выводы:

1) Проблема безопасности человека волновала его в той или иной форме с момента начала существования самого человека до сегодняшнего времени. Человек всегда старался избегать опасности в целях самосохранения. В связи с развитием человечества продолжают развиваться различные отрасли, наука, совершенствуется система обороны стран, а также активно развиваются экономические связи, которые, как и все остальные, подвержены определённого рода опасности;

2) Первыми исследователями экономической составляющей безопасности и разработчиками практических рекомендаций на

национальном уровне были специалисты западных стран с рыночной экономикой (Европы, Японии, США);

3) Исследования в этой области оживились после краха биполярного мира, когда экономическая составляющая национальной мощи наконец стала приобретать самостоятельное значение;

4) Исходя из системно-исторический анализа, с позиций комплексного подхода считаем, что экономическая безопасность как составляющая национальной безопасности имеет достаточно сложную внутреннюю структуру и представляет собой сложное социально-экономическое понятие, отражающее меняющиеся условия материального производства, внешние и внутренние угрозы экономике страны. Экономическую безопасность государства необходимо рассматривать как базовую и фундаментальную составляющую национальной безопасности, наряду с такими ее слагаемыми, как оборонная, политическая экологическая, технологическая, социальная и другие;

5) Категорию «экономическая безопасность государства» следует относить к междисциплинарным, синтетическим категориям, так как она является предметом изучения не только экономики, но истории, политологии, а также права, так как связана с урегулированием отношений на разных уровнях управления;

6) С нашей точки зрения, экономическая безопасность государства – это сложная многофакторная категория, характеризующая такое состояние экономического механизма государства, в результате которого достигается определенный уровень развития национальной экономики, способный противостоять дестабилизирующему действию внутренних и внешних социально-экономических факторов, обеспечивающий ее независимость, стабильность и устойчивость, сбалансированное удовлетворения потребностей населения страны.

Перспективы дальнейших исследования автора будут направлены на исследования теории экономической безопасности в эволюционном развитии современной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.
2. Ветхий Завет. Книга пророка Иезекииля, глава 28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakonbozhii.ru/Biblia/> (дата обращения: 14.09.2020).
3. Дадалко В.А. Основные аспекты экономической безопасности Республики Беларусь // Предпринимательство в Белоруссии. – 1991. – № 4. – С. 44-47.

4. Жаліло Я. Стратегія забезпечення економічної безпеки України. Пріоритети та проблеми імплементації // Стратегія національної безпеки України в контексті досвіду світової спільноти. – К.: Сатсанга, 2001. – 224 с.
5. Ипполитов К.Х. Экономическая безопасность: стратегия возрождения России – М.: РСПБ, 1996. – 263 с.
6. История Древнего мира : [в 3 книгах] – М.: Наука. Кн. 3 : Упадок древних обществ / ред.: В. Д. Неронова [и др.] – 1982. – 303 с.
7. Концепція економічної безпеки України / Інститут економічного прогнозування / [підгот. В. М. Геєць]. – К.: Логос, 1999. – 56 с.
8. Кротов М.И. Экономическая безопасность России: Системный подход / М.И. Кротов, В.И. Мунтиян. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016. – 336 с.
9. Листопад М. Е. Эволюция представлений об экономической безопасности // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №3. – С. 385-387.
10. Листопад М. Е. Экономическая безопасность России : концептуальные основы функционирования и развития : автореферат дис. ... д-ра экономических наук : спец.08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством / Листопад Мария Евгеньевна – Санкт-Петербург, 2011. – 50 с.
11. Орлова А.В. Эволюция понятия «экономическая безопасность»// Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – №19(138), вып. 24/1. – С. 93-97.
12. Пастернак-Таранушенко Г.А. Економічна безпека держави. – К. : Ін-т держ. упр. і самоврядування при КМ України, 1994. – 112 с.
13. Рузвельт Ф. Беседы у камина. – М.: ИТРК, 2003. – 408 с.
14. Сенчагов В. К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. – С. 98-101.
15. Уразгалиев В. Ш. Экономическая безопасность : учебник и практикум для вузов. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 374 с.

АННОТАЦИЯ

Емельянова И. Ф. История возникновения и развития теории экономической безопасности государства

В статье проведён комплексный анализ истории возникновения и развития теории экономической безопасности государства, а также теоретических подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению сущности понятия «экономическая безопасность государства» как экономической категории. Сформирована авторская позиция определения данной категории.

Ключевые слова: безопасность, государство, экономическая безопасность государства, комплексный подход.

SUMMARY

Emelyanova I. F. The history of the emergence and development of the theory of economic security of the state

The article presents a comprehensive analysis of the history of the emergence and development of the theory of economic security of the state, as well as theoretical approaches of domestic and foreign researchers to the definition of the essence of the concept of «economic security of the state» as an economic category. The author's position on the definition of this category has been formed.

Key words: security, state, economic security of the state, an integrated approach

Кирилл Олегович Кондратьев,

г. Горловка, ДНР

Оксана Владимировна Коротун,

г. Горловка, ДНР

УДК 94 (47).084.8

ЖЕНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В ДЕЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА

Как известно, после освобождения от оккупантов на территории Донбасса осталось лишь 10% довоенного количества трудящихся. Большинство шахтеров были мобилизованы в действующую армию (сформировали три гвардейские шахтерские дивизии – 383-я шахтёрская стрелковая дивизия г. Сталино, 393-я г. стрелковая дивизия г. Славянска, 395-я стрелковая дивизия г. Ворошиловграда) или же эвакуировались вместе с оборудованием (подъемные машины, насосы) на восток. Только в Кузбасс и Каранганду выехало 25 тысяч рабочих Сталинской (Донецкой) области. Из горняков, металлургов и машиностроителей Донбасса для строительства оборонительных рубежей на подступах к территории бассейна была сформирована 8-я саперная армия, которая вошла в состав Южного фронта. Именно поэтому первые послеоккупационные месяцы 1943-1944 гг. трудовые кадры пополнялись в первую очередь за счет городского неработающего, но трудоспособного населения (старики, подростки и женщины).

Большую часть рабочих, занятых в угольной промышленности Донбасса, составляли женщины. Согласно статистическим данным, в 1943 г. в отрасли работало 140 тыс. женщин (всего же на тот момент было задействовано 154 тыс. специалистов) [11]. В 1944 г. среди

рабочих по добыче угля было 42,5% женщин, а на поверхностных работах – 55,8% [10, с. 180]. В некоторых исследованиях указываются более высокие цифры: «До декабря 1943 года на шахты Донбасса из центральных и восточных районов СССР прибыло до 40 тысяч рабочих электромеханических специальностей, в основном, комсомольцев. Но именно в забой было идти некому. В это время на восстановлении шахт работало 194 тысячи людей. За вычетом вышеуказанного 40-тысячного десанта специалистов остается 154 тыс. человек, из которых более 90% составляли женщины» [9]. Мужчины стали возвращаться в забой с фронта лишь в 1947 г.

Одними из первых девушек, спустившихся в шахту, были девятнадцати-двадцатилетние девушки из Горловки – Мария Гришутина, Нина Кузьменко, Роза Бурых, Зина Лагутина и др. В первой бригаде Марии Гришутиной работали Полина Фалько, Екатерина Бабенко, Мария Дроздова, Татьяна Комарова, Анна Берлизова, Ирина Раевская, Александра Ананьева, каждая из которых выполняла 200% нормы.

О факте создания женской шахтерской бригады было написано в передовицах газет «Правда». Молодых горнячек несколько раз признали своими однополчанками на фронте, стали приходить письма. В октябре 1943 г. среди девушек-шахтеров Донбасса разворачивается движение за звание «Мастер угля в дни Отечественной войны», начатое их коллегами-мужчинами с шахт «Холодная Балка» Макеевского района и № 3-бис Краснодонского района. Это звание было учреждено Народным комиссариатом угольной промышленности СССР и ЦК профсоюзов угольщиков Донбасса в 1943 г. и присуждалось рабочим различных специальностей, выполнявшим месячную норму не менее чем на 150%.

В том же месяце, а именно 4 октября 1943 г., несмотря на то, что СССР был одним из государств, подписавших Конвенцию, принятую Международной организацией труда и устанавливающую ряд производств, в которых женский труд не должен применяться, по шахтам разослана не подлежащая оглашению Директива Наркома угольной промышленности СССР В. В. Вахрушева о необходимости перевода всех мужчин, подлежащих замене женщинами на работы в забой и на прохождение выработок, а на освободившиеся места направлялись женщины.

10 декабря 1943 г. в Горловке состоялся слет горнячек, на котором на котором прозвучал призыв ко всем девушкам и женщинам. Приведем несколько отрывков из этого документа:

«Наш Донбасс свободен. Скоро заводы, фабрики, транспорт снова будут работать на донецком угле. А ведь от работы оборонной промышленности зависит успех боевых операций на фронте.

Дорогие товарищи! Каждая из нас должна внести свой вклад в дело победы над врагом. Наши отцы, мужья и братья – донецкие горняки – с оружием в руках защищают нас. Наш святой долг – поддерживать их своим трудом. Пусть не болит у наших земляков сердце, что без них будут пустовать забои, что некому будет давать уголь на-гора. Мы, дочери, сестры потомственных донецких шахтеров, спустимся в шахты, станем на место старых горняков...

Собравшись на свой первый слет, мы, молодые горнячки, обращаемся ко всем девушкам Донбасса:

– Следуйте нашему примеру! Смелее идите, товарищи, на шахту! Овладевайте специальностями своих отцов и братьев – становитесь забойщиками, костерщиками, врубмашинистами, машинистами электровозов, лебедчицами, рукоятчицами, электрослесарями...

Первый слет горнячек Горловки решил подготовить в первом квартале будущего года 200 лесогонов, 200 крепильщиков, 50 забойщиц, 40 машинистов электровозов и других специалистов угольного дела. На каждой шахте мы создадим не менее десяти женских фронтовых бригад» [3, с. 122-123].

Этот призыв услышали и откликнулись десятки тысяч девушек и женщин по всему СССР. Не только в Донбассе, но и в других угольных бассейнах – Кузнецком, Карагандинском, Кизеловском, Печорском, Иркутском, Красноярском, Подмосковном, Челябинском – тысячи патриоток начали работать на поверхностных и, самое главное, подземных работах. Первой женщиной-забойщицей стала горловчанка, жена фронтовика Нина Кузьменко. Её примеру последовали комсомолки шахты № 40 треста «Рутченковуголь» Александра Королёва, Зинаида Стацюра, Валентина Орлова, Валентина Гаврикова, Галина Россохач.

Бригада Марии Новоайдарской шахты «Грузская» треста «Макеевуголь» вначале работали на разборе мусора на шахтном дворе, затем всем составом перешли на работу воротовщиц, а позже по предложению Марии также всей бригадой стали забойщицами, регулярно выполняющими задания на 200%.

А уже 15 января 1944 г. в г. Сталино состоялся слет 300 горнячек пяти трестов Сталинской области, на котором они всенародно дают клятву: «Каждый выполнять две нормы: за себя и за отца, брата, мужа, любимого, которые воюют или погибли» [12, с. 408]. На слете девушки, работающие в шахте, поделились своим опытом, обсудили как лучше и быстрее овладеть мужскими профессиями.

16 января 1944 г. началась стахановская вахта на комсомольско-молодежной шахте № 7-бис «Моспино», во время которой шахтеры выполняли норму не ниже чем на 150%. Лучше всех на шахте работали женские бригады под руководством забойщиц тов. Черехаи и тов. Ваниной.

В Енакиеве, на шахте «Красный Октябрь», первой спустилась в забой комсомолка Нина Орехова. Через некоторое время она стала выполнять по две забойщицкие нормы. Вскоре и Нина Орехова возглавила женскую бригаду. В Макеевке на шахте № 45 первой овладела горняцкой профессией Мария Пекова. Поначалу она работала в проходческой бригаде, а когда шахтеры добрались до угольного пласта, нарезали лаву, Мария Пекова стала навалоотбойщиком. В седьмом шахтоуправлении треста «Зуевантрацит» первыми навалоотбойщиками-женщинами стали Вера Мельникова и Анастасия Ковальчук. Спустя месяц они уже ни в чем не уступали мужчинам. Таким образом, в 1944 г. фронтовых женских бригад было уже несколько сотен.

В феврале 1944 г. идет бурный рост рядов женщин-стахановок: Акулина Макарова с горловской шахты № 19/20, Татьяна Тарутина с шахты имени Феликса Кона треста «Куйбышевуголь», Мария Новойдарская с шахты «Грузская» треста «Макеевуголь», Мария Медвецкая и Татьяна Ионова с шахты «Новомушкетово» треста «Буденновуголь», Мария Пекова с шахты № 99 «Капитальная» треста «Сталинуголь», Александра Ананьева с шахты № 19/20 треста «Артемуголь», Наталья Савченко и Ольга Янченко с шахты № 14 треста «Боковоантрацит» и многие другие регулярно дают по 200 и более процентов дневной выработки.

Женщины и девушки часто значительно перевыполняли дневные (мужские!) нормы. К примеру, Нина Кузьменко зимой 1944 г. в течение одной смены нарубила 43,3 тонны угля, что составляет 940 процентов от дневной нормы, Мария Гришутина выполнила план за смену на 1145 % [43, с. 180]. Иначе говоря, они давали за смену 10-12 мужских норм! Сам Стаханов давал 12 норм, а его личным рекордом было 14 норм. 15 марта 1944 г. знатная горнячка Вера Орнаулова установила вседонецкий рекорд, нарубив за смену 71 т. угля, что составляло 14 норм [12, с. 441].

Об этом трудовом подвиге в 1944 г. рассказывала газета «Правда». Эта статья попала в руки командира огневого расчета Удовиченко, который был родом из Донбасса, и для него рассказ о трудовом подвиге Маши был как привет из шахтерской земли. Он аккуратно вырезал портрет Маши Гришутинной, приклеил его к щиту пушки и сделал надпись: «Бить немца так, как рубит уголек Маша»... Так и попала горловская горнячка вместе с дивизией в Вену.

А 15 июня 1944 г. Мария Гришутина установила рекорд, который так никто (!!!) и не смог преодолеть до сегодняшнего дня – за одну смену она выполнила 15 (!!!) норм, а плановое задание – на 1525% [34, с. 1]. А за три неполных года (1943 – 1946 гг.) бригада забойщиц под руководством М. Гришутинной добыла более 55 эшелонов топлива и стала лучшей бригадой страны [9].

В газете «Кочегарка» от 15 марта 1944 г. читаем следующее: «Израненная немцами шахта «Рудуч» снова ожила. Уже зашумели под землей 30 отбойных молотков. Ими охотно овладевают девушки и женщины. Почти две нормы в смену вырабатывает забойщица Паша Каливнюк. Следуя ее примеру, за отбойные молотки взялись домохозяйки. Аграфена Ивановна Сидоренко – мать троих детей – рубает в забое по пять «коней». Надежда Захаровна Пахомова на отбойном молотке дает по полторы нормы. «Мы не отстанем от бойцов, – говорят горнячки» [5].

В одной только Горловке было создано более 20 женских бригад. Так, на шахте № 19-20 бригады забойщиц возглавили Зина Лагутина, Лидия Васильева, Татьяна Гнедова, Роза Бурых, Дуся Голубова [4, с. 2]. На этой шахте забойщица Александра Ананьева нарубили за смену 32 тонны угля, выполнив плановое задание на 460% [8, с. 1]. На горловской шахте им. Калинина бригада молодой шахтерки Марии Ковалевой загружала за смену 150 т угля; бригада Татьяны Жилиной, которая тоже состояла полностью из девушек, на шахте им. Румянцева выполняла сменные нормы на 157% [2, Л. 49].

В уже упомянутой нами «Кочегарке» мы нашли еще две интересных и характерных для того времени заметки.

Первая из них от 11 апреля 1944 г. «Сестры-забойщицы Шура и Маруся Головинские соревнуются между собой. По целым часам они рубают уголь, изогнувшись с поднятыми вверх, затекшими от напряжения руками. Забойщик Беловолов пустил слух по шахте № 66, что забойщицы Головинская и Беликова плохо крепят выработку. «Дунешь, все развалится». Комиссия проверила – ничего подобного, девушки добросовестные. Беловолов снова стал говорить: «Им дают нижний уступ, а там всякий королем ходит». Начальник шахты поставил Беловолова на нижний уступ, а Головинская все равно вырубилась больше него» [6].

Вторая же выходит буквально через несколько дней, от 16 апреля. «Четыре месяца назад приехали 80 девушек из Амвросиевского района восстанавливать шахту «Великан». Сначала мусор убирали, им показалось скучно. Потом под землю спустились, разделились на три бригады, стали соревноваться. «Молния» рассказала о лучших девушках» [7].

На шахте имени Ф. Кона (сейчас шахта им. Засядька) решено было укомплектовать женщинами целую смену.

Следует отметить, что первые женщины появились на шахтах еще раньше, в начале войны. Еще 22 июня 1941 г. в сообщении Совинформбюро говорилось, что «на шахте № 17-17-бис организована первая бригада женщин-навалоотбойщиц. Сейчас десять женщин бригады Александры Бибичевой отгружают по 14-15 тонн антрацита каждая» [1, Л. 247]. Также славились бригады

Марии Типкиной и Агафьи Щепкиной. Однако в то время движение женщин-шахтерок не получил распространения – нацисты наступали угрожающе быстрыми темпами.

Как известно, праздник «День шахтёра», столь почитаемый на Донбассе, был установлен Указом Президиума ВС СССР 10 сентября 1947 г. в честь достижения довоенного уровня производительности труда. На тот момент женщины-шахтеры составляли свыше 60% кадрового состава. Причем работали они вручную, т.к. первый комбайн появился в 1951 г. Позднее заслуженный шахтер Ю.П. Иванов скажет: «День шахтера нам заработали женщины».

Для награждения лиц, активно участвовавших в восстановлении угольной промышленности Донбасса, Указом Президиума ВС СССР от 10 сентября 1947 г. была учреждена медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса», которой награждались рабочие, служащие, инженерно-технические и хозяйственные работники за выдающуюся работу, высокие производственные показатели и заслуги в восстановлении угольной промышленности Донбасса. Всего медалью по данным Википедии было награждено 46 350 человек, из них больше половины – женщины. Что же касается гораздо более престижного звания Героя Социалистического Труда, то только три женщины-шахтерки за всю историю Донецкого бассейна были удостоены этого высокого звания: Вера Логвина — машинист подъема шахты им. Горького комбината «Донецкуголь», Прасковья Александрина – бригадир поверхностного комплекса шахтоуправления № 22-4-бис треста «Краснолучуголь» и Ольга Скачкова – горный мастер шахты № 7-7-бис треста «Боковоантрацит».

Таким образом, после освобождения Донбасса восстановление шахт легло в первую очередь на совсем не хрупкие женские плечи. При этом следует акцентировать, что женщины вручную, по старинке – без угольных комбайнов и комплексов. И работали так, что результаты поражают и сегодня. Сравним цифры: в 1940 г. объем добычи угля в Донбассе составил 76,2 млн тонн (и это при значительной механизации труда); в 1950 г. – 78 млн тонн (и это при том, что шахты необходимо было сначала восстановить, кроме того, в забоях было больше женщин, чем мужчин).

По приблизительным подсчетам, на подземных работах в шахтах Донбасса в военные и послевоенные годы работали от 200 до 250 тысяч женщин. И если эти цифры приблизительны, то другие данные известны четко: медалью «За восстановление угольных шахт Донбасса» награждено 46 300 человек, из них больше половины – женщины. Вплоть до начала 1960-х годов женщины составляли значительную часть работников угольной промышленности Донбасса. Окончательно с подземных работ женщины были выведены в 1966 г.

К сожалению, факт работы значительного количества женщины на шахтах СССР не только не афишировался (не считая военные годы, когда в прессе этого периода можно найти достаточное количество материала по этой теме), но попросту замалчивался на официальном уровне многие десятилетия. По одной из версий, такая странная политика непосредственно связана с тем фактом, что Советский Союз присоединился к еще 70 странам, ратифицировавшим Соглашение Международной организации труда от 21 июня 1935 года, где устанавливается запрет на работу женщин в шахтах. Соответственно, его нарушение могло бы вызвать международный скандал.

Поколение горнячек сороковых-пятидесятых годов прошлого столетия совершили немислимое. Это был особый вид героизма. Ведь помимо того, что именно они в короткий срок возродили Донбасс, своевременно и в нужном количестве обеспечили оборонную промышленность стратегическим сырьём, при всём этом они родили и вырастили целое поколение детей. Этот взрыв рождаемости получил название «бэби-бум» и именно поколение «бэби-бумеров» стало основой экономического развития нашего края на долгие годы. Беби-бумеры росли в обстановке, когда страна ставила большие цели, воспитывались амбициозными, стремящимися быть лучшими в своём деле. Для них характерно стремление к личностному росту, командный дух, оптимизм и ответственность. Именно такими их воспитывали матери, т.к. отцы в послевоенное время были далеко не в каждой семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГА ДНР – Ф. 326. – Оп. 2. – Д. 33. – Л. 25.
2. ГА ДНР – Ф. П-424. – Оп. 1. – Д. 211.
3. Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. – М.: Госстатиздат. 1957. – 370 с.
4. Коммунист Украины. – 1965. – № 5.
5. Кочегарка. – 1943. – 6 декабря.
6. Кочегарка. – 1944. – 3 января.
7. Кочегарка. – 1944. – 15 марта.
8. Кочегарка. – 1944. – 15 октября.
9. Махун, С. Женщины-шахтеры // Зеркало недели. – 2009. – № 32. – С. 15.
10. Михненко, А. М. Новейшая история Донецкого бассейна: монография. – Донецк: Сталкер, 1998. – 440 с.
11. Попов, О. Мария // Социалистическая индустрия. – 1977. – С. 3.
12. Украинская ССР в годы Великой Отечественной Войны Советского Союза: Хроника событий. – К. : Политиздат Украины, 1985. – 618 с.

АННОТАЦИЯ

Кондратьев К.О., Коротун О.В. Женские инициативы в деле восстановления угольной промышленности Донбасса

В статье рассматриваются страницы военной и послевоенной истории нашего края, отражающей роль и значимость женщин в восстановлении шахт Донбасса бассейна. Приводятся конкретные фамилии героинь-горнячек, значительно перевыполнявших дневные нормы выработки.

Ключевые слова: Донбасс, восстановление угольной промышленности, женщины-шахтерки, горнячки, женщины на подземных работах, женщины-стахановки

SUMMARY

Kondratyev K.O., Korotun O.V. Women's initiatives in restoring the coal industry of Donbass

The article examines the pages of the military and post-war history of our region, reflecting the role and importance of women in the restoration of the mines of the Donbass basin. The specific names of heroine miners who significantly exceeded daily production standards are given.

Key words: Donbass, restoration of the coal industry, women miners, miners, women in underground work, women Stakhanovites

Антон Олегович Кудрицкий,

г. Горловка, ДНР

Оксана Владимировна Коротун,

г. Горловка, ДНР

94(477.62) «19»

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИКИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД КОСЫГИНСКОЙ РЕФОРМЫ

Перевод предприятий Донбасса на новую систему планирования и экономического стимулирования проходил постепенно. Сначала был поставлен эксперимент на Центральной обогатительной фабрике треста «Луганскобогашение». Убедившись в эффективности новых предложений, на «косыгинскую» экономическую систему стали переводить и остальные предприятия. В апреле 1969 г. на новые формы хозяйствования перешел комбинат «Донецкуголь», а в июле 1969 г. – комбинаты: «Артемуголь», «Ворошиловградуголь», «Донбассантрацит» и трест «Павлоградуголь».

В качестве главного показателя работы становились не количественные показатели, а рентабельность, качество продукции и ее себестоимость. Предприятиям давалась возможность больше выделять средств на внедрение научных разработок в

производство. Были ликвидированы совнархозы, промышленность вновь переводиться на отраслевой принцип управления через министерства и ведомства. Все эти решения способствовали тому, что восьмая пятилетка (1966-1970 годы) была одной из самых успешных за послевоенные годы, а экономисты прозвали ее «золотой». За эти годы было произведено и реализовано сверх Госплана продукции на 850 млн. рублей, получено 85 млн. рублей сверхплановой прибыли, создано 18 крупнейших предприятий, создано около 500 наименований новых видов машин, агрегатов, технологий, приборов. Таковы были союзные итоги [8]. Именно в это время были внедрены прогрессивные методы оплаты труда, система денежного и социального стимулирования, социальная защита и льготы рабочих промышленных предприятий. Официально зарегистрированы сбережения жителей Донбасса на протяжении 1965 – 1980 гг. выросли на 741% [7, с. 38].

По пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966 – 1970 гг. было предусмотрено повышение заработной платы рабочих и служащих за пятилетие в среднем не менее чем на 20%. Однако, в угольной отрасли этот показатель был еще выше. Только за 10 лет (1958 – 1968) зарплата выросла на 35%. При этом 63,5% увеличения всей основной заработной платы было обеспечено за счет роста прямой оплаты, 31,6% – за счет роста премиальных выплат. Причем, следует отметить, что в 60-е и 70-е годы премии начинают играть более обширную роль в стимулировании труда рабочих. Рабочий по добыче угля в среднем за месяц получал премиальными почти 30 рублей. Выросла так же и средняя дополнительная зарплата, причем более 80% ее роста произошло за счет возросших выплат отпускных и вознаграждений за выслугу лет. Увеличение заработной платы горняков соответственно подняли покупательный уровень в шахтерских регионах СССР в том числе и в Донбассе. В 1970 г по сравнению с 1965 г. в Донбассе потребление мяса на человека увеличилось на 17%, молочных продуктов на 34%, рыбы и морепродуктов на 22%, фруктов и ягод на 50% [9, с. 198].

Другим важным прорывом в социально-бытовой сфере угольщиков стал переход на пятидневную рабочую неделю. Во время болезни шахтеры в этот период стали получать заработную плату в размере среднего заработка. Подземным рабочим предоставлялся ежегодно оплачиваемый месячный отпуск, а занятым на поверхности – трехнедельный. Работающим в силикозоопасных забоях предоставляли дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью до двух недель.

В период застоя для шахтеров были установлены льготные условия и для получения пенсии. Подземным рабочим пенсионный

возраст устанавливается с 50 лет (при желании они могли продолжать работать, получая 75% установленной пенсии): пенсионный возраст для рабочих шахтной поверхности устанавливался с 55 лет для мужчин и с 50 лет для женщин. Рабочим выдавали бесплатную спецодежду и обувь. В 1960-1970-е годы продолжался расширяться жилой фонд предприятий Министерства угольной промышленности. Он достиг цифры в один миллион квартир, в которых проживало свыше 3,5 млн. чел. Кроме того, шахтеры получали долгосрочные ссуды от государства для постройки собственного жилья. В таком жилье проживало около 10% горняков [7, с. 40-42].

Развивается легкая и пищевая промышленность, поскольку Донецкая область с преобладающей тяжелой промышленностью не могла в полной мере предоставить рабочие места женщинам. Поэтому было принято решение обеспечить быстрый рост предприятий легкой и пищевой промышленности, сферы обслуживания. Построили Донецкий ХБК, Ждановскую кондитерскую фабрику, Макиевскую, Горловскую, Снежнянскую швейные фабрики, Макиевскую хлопчатопрядильную фабрику, Донецкий завод игрушек ряд предприятий пищевой промышленности. Они заработали на полную мощность и даже некоторые перекрыли проектную мощность. Так Донецкий ХБК при мощности 78 млн. метров погонных производил в год 100 млн. метров погонных тканей. Легкая промышленность демонстрировала устойчивый рост производства. В 1980 г. было произведено 116 млн. м², а в 1984 г. – 134 млн. м² хлопчатобумажных, шерстяных, полушерстяных тканей. На этих предприятиях активно внедрялись новые технологии и оборудование. Так на Дружковском фарфоровом заводе на печах третьего обжига заменили сетки из обыкновенного металла на сетки из жаропрочной стали, срок использования которых вырос в 20 раз [там же, с. 49-50].

Область выглядит огромной строительной площадкой. В период с 1958 по 1985 гг. было построено 12 тыс. предприятий, в том числе 23 угольные шахты, Славянский завод полихлорвиниловой пленки, Авдеевский коксохимзавод, Краматорский завод литья и поковок, Донецкий завод холодильников, Донецкий хлопчатобумажный комбинат, Дружковский фарфоровый завод, Донецкая фабрика детской игрушки и многие другие. На действующих предприятиях было построено и реконструировано около 670 важнейших цехов и производств.

В 1970 годы Донецкая область становится регионом развитой химии. Химические предприятия Донбасса обеспечивают на начало 80-х годов 1/8 части республиканского выпуска минеральных удобрений и кальцинированной соды, 1/4 части серной кислоты, почти 1/5 части синтетических моющих средств. За 1959-1965 гг. объем валовой продукции химической промышленности увеличился

на 97%, за 1966-1970 гг. эти показатели увеличились на 83%, за 1971-1975 гг. – на 59% [4].

Высокие темпы прироста были характерны также для отраслей, производящих предметы потребления. В течение 1959-1970 гг. производство продукции легкой промышленности в области увеличилось почти в три с половиной, пищевой промышленности – в два раза. За годы девятой пятилетки Донецкая область стала крупнейшим производителем товаров народного потребления. В 1975 году их выпуск был налажен также на 536 предприятиях тяжелой индустрии, на 300 из которых до 1971 года подобную продукцию не производили [5, с. 203].

В развитии народного хозяйства области важное место занимает транспорт. Одной из крупнейших в стране является Донецкая ордена Ленина железная дорога. За 1959-1975 гг. ее грузооборот возрос в два раза. Завершен переход на электрическую и тепловую тягу. Широкое развитие получили также автомобильный и авиационный транспорт. В 1975 году областное автоуправление обслуживало 1160 автобусных маршрутов [6, с. 204].

Сельское хозяйство, хотя и не было приоритетной отраслью в крае, позволяло снабжать города всем необходимым для полноценного питания. Довольно стабильно работали труженики села области. В результате VIII пятилетки планы закупок были выполнены: по подсолнечнику на 103,3%, овощам 105,7%, молоку – 114,7%, однако план закупок зерна был выполнен лишь на 93,7% [9, с. 202].

Интенсивное промышленное развитие Донбасса превратило его к середине 1980-х годов в один из самых урбанизированных регионов Украины: 90% жителей Донецкой области, абсолютное большинство его населения, была сосредоточена в городах. По количеству городского населения и по темпам его прироста Донецкая область превзошла все области страны и заняла первое место в Союзе. Основная масса горожан сосредоточена в крупных промышленных центрах – Донецке, Горловке, Жданове, Макеевке, Краматорске, Енакиеве, Константиновке, Славянске, Артемовске, Дзержинске, Торезе, Снежном, Харцызске, Красноармейске. Только после 1965 года появились молодые города Димитров, Юнокоммунаровск, Карло-Либкнехтовск, Новоазовск, Белицкое, Белозерское, Углегорск и др. В 1970-х фактор механического прироста населения и трудовых ресурсов в тенденциях развития Донецкой области впервые утратил свои определяющие позиции: более половины прироста населения области происходила за счет рождаемости [1, с. 77]. В апреле 1978 в Донецке родился миллионный житель.

В это время Донбасс приобрел свой современный вид. Большое количество зданий во второй половине XX века построено по проектам архитектора П. И. Вигдергауза, которому в 1978 году

в составе творческого коллектива присуждена Государственная премия СССР за ландшафтную архитектуру Донецка. В 1970 году ЮНЕСКО признало Донецк лучшим промышленным городом мира, получив прозвище «город миллиона роз».

Наиболее масштабно в годы так называемого «застоя» развивалось социальное строительство. В течение 1976-1985 гг. в Донецкой области были введены в действие 188 общеобразовательных школ на 103 тыс. мест, почти 71 тыс. мест в детских дошкольных учреждениях, 9,5 тыс. мест в медицинских учреждениях [2, с. 160]. Только в Горловке на конец 1980 г. было построено 24 клубных учреждения [10].

Строительство крупных многопрофильных и специализированных центров способствовало развитию специализированной медицинской помощи. В целом, за десятилетие число больничных коек увеличилось на 20%, врачей – на 20,6 %, среднего медицинского персонала – на 25 %. Продолжала развиваться амбулаторно-поликлиническая служба. Улучшались показатели здоровья населения. Сельское здравоохранение все более приближалось к здравоохранению в городах. В педиатрической службе создавались новые многопрофильные больницы для детей, скорая помощь для детей и детские санатории. В практику здравоохранения входили новые эффективные препараты и вакцины (против полиомиелита, кори и др.). Из терапевтической службы выделялись самостоятельные специальности (кардиология, пульмонология, нефрология, гастроэнтерология, ревматология) [3].

Большим научным центром региона был Всесоюзный научно-исследовательский институт горноспасательного дела (г. Донецк), созданный в 1968 г. на базе Центральной горноспасательной станции Донбасса – единственное на тот момент в мире специализированное учреждение подобного профиля.

В 1960-х гг. создаются новые высшие учебные заведения: в Донецке – торговый и музыкально-педагогический институты, в Краматорске – индустриальный. С 1964 г. Донецкий педагогический институт стал филиалом Харьковского государственного университета им. М. Горького, а в следующем году Донецким государственным университетом. В 1967 г. в Донецке открыт филиал Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта, создан научный центр АН УССР. Центром вузовской науки региона становится Донецкий политехнический институт, основанный еще в 1935 г. на базе Донецкого горного института. В начале 1970 г. в 76 научно-исследовательских учреждениях, ВУЗах и на промышленных предприятиях области работало около 10 тыс. научных сотрудников.

Непрерывно росла и спортивная база. Только в Донецке к концу 1970-х было построено 15 стадионов, 145 футбольных полей, три

дворца спорта, три закрытых плавательных бассейна, 154 спортивно-гимнастических зала, три велосипедные станции и другие спортивные сооружения. Все это способствовало успехам спортсменов Донбасса. В 1961-1962 гг. футбольная команда «Шахтер» стала обладателем кубка СССР по футболу, боксер Эдуард Кауфман на Спартакиаде народов СССР завоевал звание чемпиона по боксу в тяжелом весе, а Станислав Батищев стал победителем олимпийских игр в Мехико среди штангистов тяжелого веса [7, с. 87].

К 1979 г. в области насчитывалось 3100 коллективов физкультуры, в которых занималось 1 400 000 человек, В их распоряжении находилось 103 стадиона, 243 дворца спорта, 32 бассейна, 10 000 спортзалов и спортивных площадок [там же, с. 88].

Таким образом, мы видим, что экономика региона в рассматриваемый период активно развивалась, что нашло свое выражение в массовом промышленном и жилищном строительстве, развитии социальной сферы, общем повышении уровня жизни населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирло, В.Н. Развитие Западного Донбасса 1954-1980: Историко-социолог. исследования. – Донецк : Вища школа, 1984. – 113 с.
2. Донецкая область в десятой пятилетке. Стат. сборник. – Донецк, 1980. – 254 с.
3. Достижения медицины в 1960-е – 1980-е годы [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://studall.org/all-7000.html> (дата обращения: 01.11.2021)
4. История химической промышленности [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://promvesti.com/istoriya-ximicheskoy-promyshlennosti> (дата обращения: 01.11.2021)
5. Лучина, Г.Ф. Сельские этажи: социально-экономический очерк – Донецк: ООО «Лебедь», 2002. – 318 с.
6. Михненко, А.М. Новейшая история Донецкого бассейна. – Донецк: ИКФ «Сталкер», 1998. – 296 с.
7. Нікольський В., Шимко О.В. Соціальна політика радянської держави та її реалізація в Донбасі (сер. 1960-х – сер. 1980 х рр.). – Донецьк: ДонНУ, 2012. – 219 с.
8. Первушин, С.П. К реформе 1965 года. // Экономика и жизнь. – 1991. – №2. – С. 20.
9. Саржан, А.А. Социально-экономические и политические процессы в Донбассе 1945-1998. – Донецк, 1998. – 298 с.
10. Сведения о сети культурно-просветительских учреждений на конец 1980 г. // Архив Горловского городского совета. Ф 213. Оп. 1. Д. 665. Л. 17.

АННОТАЦИЯ

Кудрицкий А.О., Коротун О.В. Общая характеристика экономики Донецкого региона в период косыгинской реформы

В статье показаны достижения Донецкой области в экономической и социальной сфере во времена правления Л.И. Брежнева. Недвусмысленно доказывается, что в данный исторический период регион переживает свою «золотую эпоху».

Ключевые слова: СССР, Донбасс, Донецк, Л. И. Брежнев, косыгинская реформа, «период застоя»

SUMMARY

Kudritsky A.O., Korotun O.V. General characteristics of the economy of the Donetsk region during the Kosygin reform

The article shows the achievements of the Donetsk region in the economic and social sphere during the reign of Leonid Brezhnev. It is unequivocally proved that in this historical period the region is experiencing its «golden era».

Keywords: USSR, Donbass, Donetsk, L. I. Brezhnev, Kosygin reform, «period of stagnation»

*Максим Александрович Лукьяненко,
г. Горловка, ДНР*

*Наталья Владимировна Евсюкова,
г. Горловка, ДНР*

УДК 94+28/29.470

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Для Российской империи вплоть до начала XX в. было характерно более тесное, чем в других странах, слияние религии и права. Царская власть, всемерно поддерживая Русскую Православную Церковь как один из своих устоев, обеспечивала неприкосновенность ее привилегий и защиту ее интересов. В Своде законов Российской империи правовые нормы, охранявшие Русскую Православную Церковь, занимали особое место. Православная Церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей», российский император не мог исповедать никакой другой веры, кроме православной; он же рассматривался как «верховный защитник» Православной Церкви и «блюститель правоверия».

Следует особо отметить, что законодателем справедливо и правомерно признавалась особая роль Православной Церкви в истории России. Это было связано с тем, что православие являлось

религий основной государствообразующей нации и всегда участвовало в укреплении Российского государства. Ранжирование религий в содержании Свода законов свидетельствовало о том, что конфессии имели друг перед другом юридические преимущества. Такая особенность была обусловлена своеобразными чертами российской церковной традиции.

В соответствии со Сводом законов все вероисповедания делились на три группы:

- 1) первенствующее и господствующее – православие;
- 2) терпимые – западные христианские исповедания, то есть католицизм, лютеранство, некоторые другие течения протестантизма, а также ислам, буддизм-ламаизм, иудаизм, язычество и
- 3) гонимые – старообрядчество и сектантство, возникшее на почве православия.

Последние были лишены права на легальное существование. При таком положении не могло быть и речи о проявлении и обеспечении юридически равного положения в обществе и государстве различных конфессий.

Вторая половина XIX в. стала временем не только административных реформ и оживления общественного движения, но и борьбы вокруг религиозных проблем. Эти проблемы затрагивали как приверженцев «иностранных исповеданий» (католиков, протестантов, мусульман, буддистов), так и тех, кто отделился от государственной Церкви, – старообрядцев и сектантов.

В первые годы правления Александра II были опубликованы Уставы церквей неправославных исповеданий (Уставы Духовных Дел иностранных исповеданий, которые вошли в 11 том Свода законов Российской империи под названием «Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных», которые определяли правовое положение Евангелическо-лютеранской и Римско-католической церквей в России и общие законоположения о внутренней жизни иностранных исповеданий. Специальный раздел Устава посвящался мусульманам Российской империи.

Среди реформ 60–70-х гг. видное место занимают и церковные реформы. По указу императора разработка церковных реформ была возложена на Министерство внутренних дел и Св. Синод. В 1861 г. в августе министр внутренних дел П.А. Валуев представил императору секретный доклад «О преобразовании быта духовенства», а через месяц – более детальный план, суть которого сводилась к тому, чтобы покончить с кастовостью и изолированностью российского православного духовенства, повысить его материальный и нравственный уровень, «сблизить» его с остальными сословиями. В марте 1863 г. программа мер, предложенных Валуевым, была утверждена.

Сложившаяся общественно-политическая ситуация в пореформенной России заставляла правительство пересматривать принципы вероисповедной политики. В 1864 г. был учрежден Комитет по «раскольническим делам». Утвержденные в 1875 г. «Правила» легализовали значительную часть старообрядческих толков, которым предоставлялось право свободно отправлять свое богослужение, а также выезжать за границу. Старообрядцам дозволялось заниматься иконописанием (для своих нужд), занимать некоторые общественные (но не государственные) должности, учреждать свои школы грамотности. Однако эти права не распространялись на признанные «вредными» старообрядческие толки (например, на хлыстов, скопцов, «бегунов»), а также на секты: духоборов, молокан, субботников и др., не признававших не только церковную, но и светскую власть с ее установлениями.

Жизнью мусульман Кавказа руководили созданные в 1872 г. Суннитское и Шииитское духовные управления, подведомственные царской администрации края. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел оставался центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь российского мусульманства. При надзоре над иноверцами основной задачей этих гос. учреждений была обязанность поддержания «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласоваться с интересами государственного порядка» [1, с. 16].

В результате реформ 60–70-х гг. наступили положительные перемены в жизни старообрядцев. Особо заметным событием стал новый Закон о старообрядцах от 3 мая 1883 г. В нем утверждалось, что старообрядцы «не преследуются за мнения их о вере». Старообрядцы были по данному указу восстановлены в гражданских правах, которых лишились еще при Николае I.

В конце XIX в. Военное министерство добилося царского разрешения поступления на военную службу из лиц старообрядчества и других конфессий (если это им не возбранялось их религиозными правилами), а также «в виде исключения и за выдающиеся заслуги» производить их в офицерские чины. Им были предоставлены без ограничения свобода передвижения, права: торговли, занятия различных выборных общественных должностей, постройка молитвенных домов, а также владения недвижимым имуществом.

Несмотря на то, что по закону старообрядцы получили право строить молитвенные дома, теперь для этого они должны были получать разрешение Министерства внутренних дел, однако оно разрешений не давало. Тогда приходилось старообрядцам прибегать к открытию подпольных церквей, а следовательно, по-прежнему подвергаться произволу со стороны чиновников.

Если потепление общественного климата в результате реформ 60–70-х гг. привело к уступкам со стороны правительства в религиозном вопросе, то наступление реакции в 1880-х гг. стимулировало аналогичные процессы и в конфессиональной жизни.

В годы царствования императора Александра III имело место наиболее интенсивное идеологическое и политическое давление на иноверие и инославие. Император осуществлял политику русификации. Эту линию правительство проводило по отношению ко всем национальностям через вероисповедную политику, которая осуществлялась под руководством обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. В ходе контрреформ, хотя и бессильных остановить ход исторического развития, консерватизм в конфессиональной политике государства становился все более одиозным.

К.П. Победоносцев не хотел признавать изменившихся социальных реалий и подходил к проблеме грубо и упрощенно: главной причиной отпадений для него были «сторонние подстрекательства». «Во все подобных делах ... , – писал К. П. Победоносцев министру внутренних дел, – главной причиной служит возбуждение к тому со стороны нескольких совратителей, своей фанатической деятельностью увлекающих массу» [цит. по: 4, с. 117].

Противоречивость религиозной политики царского правительства во время обер-прокурорства К.П. Победоносцева при императоре Александре III заключалась в том, что она, с одной стороны, стремилась активизировать деятельность Русской Православной Церкви, но, с другой – усилением опеки и контроля за этой деятельностью, практически лишала ее самостоятельности, что приводило, в конечном счете, к кризисному состоянию Церкви, в каком она оказалась на рубеже веков.

Именно в это время само православное духовенство и различные общественные круги Российской империи с особой остротой и настоятельностью поставили вопрос о необходимости коренных изменений во взаимоотношениях Церкви и государства, в частности, освобождение Церкви от опеки со стороны светской, в частности, царской власти, а также предоставления Церкви реальной самостоятельности.

В 1893 г. Государственный совет, рассмотрев вопрос о внесении необходимых изменений в Уставы Духовных Дел иностранных исповеданий, в очередной раз постановил: «Все христиане Римско-католического исповедания духовные и светские... сносятся с Римскою Курией не иначе, как через министра внутренних дел. Никакие буллы, послания и наставления и вообще никакие исходящие от Папского управления акты не могут быть приводимы в действие

в Империи и Великом Княжестве Финляндском без Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, испрашиваемого министром внутренних дел, по предварительном удостоверении, что сии акты не заключают в себе ничего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной Самодержавной власти» [3, с. 315].

К концу XIX в. Православная Церковь в стране имела статус *primus inter parus* (первая среди равных), то есть все остальные вероисповедания официально объявлялись равными ей. Хотя на практике равенства не существовало. В отличие от Лютеранской Церкви, Римско-католическая Церковь фактически не имела подобного положения «терпимой» конфессии. В начале XX в. религиозная жизнь российских подданных регулировалась устаревшим законодательством. С конца XIX в. в Российской Империи наметилась тенденция к свободе вероисповедания, хотя во многих европейских странах отделение Церкви от государства уже являлось основополагающим принципом внутренней политики.

Российский монархический режим пренебрегал не только интересами инославных Церквей, православие также являлось безгласным орудием в руках светских властей, а вопрос о церковных реформах в течение многих десятилетий входил в число табуированных [6, с. 126]. Представители различных конфессий настаивали на необходимости внесения кардинальных изменений в отношения между Церковью и государством.

После вступления Николая II на престол к нему обратился с письмами известный философ Владимир Соловьев, требовавший «освободить Церковь от крепостной зависимости от государства и тем самым придать ее жизни новый внутренний импульс» [5, с. 132–233].

В начале XX в. под давлением общественного мнения и требований свобод правительство в указе 12 декабря 1904 г. «Об усовершенствовании общественного порядка» обещало провести закон о веротерпимости. В этот же день было издано Положение Комитета министров о немедленном прекращении действия принятых по делам «религиозного свойства» в административном порядке мер взыскания. Была создана при Комитете специальная Комиссия для пересмотра узаконений о правах старообрядцев и сектантов и очень много говорилось в Комиссии о неуместности вмешательства администрации в дела веры, о вреде насильственных мер против инаковерующих.

В годы первой русской революции царским правительством был взят курс на радикальные реформы. 17 апреля 1905 г. указом императора было предпринято «укрепление начал веротерпимости». В результате вероисповедных реформ правительства отменялись

наиболее одиозные ограничения религиозной жизни иноверных и инославных исповеданий и предоставлялись следующие права: свободного исповедания и отправления религиозных обрядов; были сняты ограничения по строительству и ремонту храмов, приобретению имущества, учреждению учебных заведений; образования новых общин внутри конфессий и признания за ними религиозных обрядов и т.д.

Данный указ существенно изменил правовой статус инославных исповеданий, разрешал преподавать Закон Божий на родных языках, без ограничений владеть имуществом и др. Католикам облегчались условия сооружения молитвенных зданий.

Однако необходимо отметить, что реформы во многом носили половинчатый характер. Русская Православная Церковь не отделялась от государства, равно как и не предполагалось отделение «терпимых» исповеданий. Статус Православной Церкви как «первенствующей и господствующей» объявлялся незыблемым. Внеисповедное состояние граждан не допускалось. Ограничения для всех исповеданий оставались в силе, кроме православного, в праве распространения и пропаганды своих религиозных учений.

Старая модель государственно-церковных отношений подверглась окончательной деформации, когда был издан основополагающий документ в области религиозной политики, известный как Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Впервые в истории страны он даровал россиянам наряду с гражданскими свободами и свободу совести. Фактически в России была проведена конституционная реформа. В 1906 г. соответствующие изменения были внесены в Основные законы Российской Империи, однако к серьезным идейным столкновениям в обществе привела возникшая правовая коллизия: зависимость Русской Православной Церкви от Государственной думы, состоящей из депутатов различных исповеданий [2, с. 176].

Таким образом, в начале XX в. характер отношений инославных Церквей с российским правительством определялся кардинальными изменениями в нормативно-правовой базе. Демократизация общественной жизни привела к закреплению в законодательстве уравнивания прав всех исповеданий, либерализации вероисповедных отношений, предоставлению подданным права свободного выбора конфессии.

Однако российское государство, выступившее выразителем общественных взглядов на необходимость внесения изменений в вопросы свободы совести, не проявило в силу политической ситуации в стране достаточной последовательности в практическом воплощении законодательно провозглашенных принципов веротерпимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ислам в Российской империи : (Законодат. акты, описания, статистика) / Сост. и авт. введ. ст., коммент. и прил. Д.Ю. Арапов. – М., 2001. – 366 с.
2. Пинкевич, В.К. Конституционная реформа С.Ю. Витте и проблемы веротерпимости в начале XX века // Религия и право. – 2003. – № 2. – С. 20-23.
3. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Типография II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1837. – Собр. II. – Т. XI. – Отд. I. – 805 с.
4. Полунов, Ю.А. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. / А. Ю. Полунов; [Послесл. Л. Г. Захаровой; Ассоц. исследователей рос. о-ва XX в.]. – М. : АИРО-XX, 1996. – 141 с.
5. Соловьев, В. С. Статьи и письма // «Новый мир». – 1989. – № 1. – С. 232–233.
6. Фирсов, С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890 х – 1918 гг.). – М. : Культур. центр «Духовная библиотека», 2002. – 623 с.

АННОТАЦИЯ

Лукьяненко М.А., Евсюкова Н.В. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Данная работа посвящена эволюции российского имперского законодательства в сфере конфессиональных отношений. В исследовании рассматриваются основные изменения, а также противоречия религиозной реформ второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Российская империя, свод законов Российской империи, вероисповедная политика, религиозные реформы, конфессиональное законодательство, конфессия

SUMMARY

Lukyanenko M.A., Evsyukova N.V. The main changes in the confessional legislation of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century.

This work is devoted to the evolution of Russian imperial legislation in the field of confessional relations. The study examines the main changes, as well as the contradictions of religious reforms in the second half of the XIX – early XX century.

Keywords: Russian Empire, code of laws of the Russian Empire, religious policy, religious reforms, confessional legislation, denomination

УДК 32.019.51
**ФЕНОМЕН ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТОЛОГИИ**

В XXI веке мир столкнулся с беспрецедентным актом гибридной агрессии. Гибридную войну – hybrid warfare – можно в самых общих чертах определить как любые действия врага, который быстро и гибко использует разрешенное оружие, партизанскую войну, терроризм, преступления на поле боя, экономическое и информационное влияния и т.п.

Актуальность данного исследования определяется рядом внешнеполитических факторов, главными из которых является опасное распространение гибридных конфликтов и необходимость выработки эффективной стратегии противодействия таким угрозам.

Американская школа анализа феномена гибридной войны, исторических предпосылок и особенностей появления такого вида конфликтов, его составляющих и этапов развития представлена прежде всего трудами Ф.Г. Гоффмана [9], который считается основателем концепции гибридной войны, основателем определения такого понятия в современной политической науке. Отметим также научные труды С.С. Виллемсона [11] и Н. Фрейера [8], посвященные анализу войн четвертого поколения и сетцентрических войн. В трудах А.К. Чебровски и Дж.Х. Гарстка [7] анализируются гибридные угрозы и вызовы с точки зрения оборонной стратегии США.

Российская научная школа также уделяет большое внимание феномену гибридной войны. Так, влиятельный российский конфликтолог А. Манойло анализирует феномен гибридной войны в тесной связи с т. н. «цветными революциями» на постсоветском пространстве и в других регионах мира [4]. Российский политолог, член-корреспондент Академии военных наук РФ А. Бартош рассматривает гибридную войну как элемент стратегии НАТО по созданию «управляемого хаоса» в противостоянии СССР, а теперь России, а также подчеркивает связь гибридных войн и цветных революций, которые «на постсоветском пространстве в первую очередь наносят удар по национальным интересам и безопасности России» [2]. Другие российские исследователи, такие как например А. Будаев [3], также уделяют значительное внимание феномену гибридной войны, однако они характеризуют гибридную войну лишь как метод осуществления внешней политики США в латиноамериканском регионе.

Целью этой статьи является выяснение сущности и главных признаков гибридной войны как одного из типов войн четвертого

поколения, определение ее основных составляющих отечественными и зарубежными учеными.

Анализ публикаций, посвященных военной теории и практике свидетельствует, что традиционное понимание войны меняется и требует коррекции. Собственно, есть два крайних взгляда на проблему. Согласно одним, традиционное видение войны устарело и не может способствовать решению проблем безопасности, которые ставит перед нами XXI век. Сторонники другого подхода утверждают, что трансформируется характер и сущность войны, но неизменной остается ее природа. Не вызывает сомнений лишь тот факт, что традиционная война как военное столкновение двух государств или блоков с определенными политическими целями уже отошла в прошлое.

Традиционно в военной теории применяют ряд специфических критериев типизации военных конфликтов, которые делают возможным учет всех его основных аспектов. Наиболее разработанной в современной военной науке является теория обыкновенной, или конвенционной войны. Ее можно охарактеризовать как войну, которая ведется государствами с использованием регулярных войск обычными вооружениями и методами. Такая война состоит из операций, которые, в свою очередь, включают битвы и сражения наступательного или оборонительного характера [5, с. 23].

В рамках теории обычных войн в 1980-е годы начали формироваться представления об их поколениях. Первое поколение войн ассоциируется с массированным использованием гладкоствольного оружия в статических, неманевренных битвах, апофеозом которых были наполеоновские войны. Второе поколение связано с появлением нарезного оружия и возможностями стратегических перебросок войск с помощью железной дороги. Использование оружия и человеческой силы оставалось массированным. Примером является Первая мировая война. Третье поколение связано с появлением тяжелой бронетехники, которая позволяла совершать глубокие тактические и оперативные маневры, которые иногда вели к победе в молниеносных войнах (блицкригах). Примером является Вторая мировая война.

Согласно теории поколений войн, два первых поколения считаются линейными войнами, поскольку в них борьба ведется через прямое столкновение боевых порядков, или линий. Начиная с третьего поколения можно говорить о нелинейной войне, в которой преимущество достигается через маневр, тактическое и оперативное мастерство использования военных инструментов. В этом понимании все современные войны нелинейны.

Войны четвертого поколения военные теоретики представляли как в определенной мере футуристический феномен, в котором

ведущую роль играют прорывные технические инновации, такие как высокоэффективное оружие направленного действия (лазеры, электромагнитные пушки и т. п.), дистанционно управляемые устройства и роботы, компьютеризированные сети связи, информации и наблюдения.

Характер современных и будущих войн напрямую определяется тенденциями развития форм и способов ведения вооруженной борьбы. Среди них стоит отметить:

1) рост значения стратегического неядерного сдерживания противника путем массового оснащения войск новейшими средствами вооруженной борьбы для ведения неядерных, неконтактных (дистанционных) боевых действий;

2) повышение роли динамичности и маневренности в действиях войск на разрозненных направлениях с широким применением сил быстрого реагирования, аэромобильных войск и войск специального назначения;

3) расширение пространства и масштабов вооруженной борьбы, перенос боевых действий с земли и поверхности морей в воздух, под воду и в космос. Одновременное огневое и электронное поражение войск, объектов тыла, экономики, коммуникаций на всей территории противника;

4) возрастание роли противоборства в информационной сфере и использование новейших информационных технологий;

5) борьба с международным терроризмом, создание экспедиционных сил для проведения миротворческих и антитеррористических операций.

Технологии, как предполагалось, должны были кардинально изменить формы и методы ведения войны. В чистом виде примеров таких войн до сих пор не существует. Однако под общей «шапкой» названия войн четвертого поколения в конце концов возник целый ряд более прикладных теорий, в частности, теории сетецентрической войны и гибридной войны.

Концепция сетецентрической войны (networkcentric warfare) является чисто американской. Она связана с так называемой революцией в военных делах (Revolution in Military Affairs) после операции США в Персидском заливе в 1991 г. Идея сетецентрической войны заключается в достижении максимальной адаптивности действий войск благодаря почти тотальному применению информационных технологий, которые распространяются до уровня отдельных боевых единиц. В такой войне отдельные подразделения способны действовать автономно и, в то же время, согласовано в единой системе для достижения общей цели победы [5, с. 24].

Позже появилось такое понятие как «гибридная война». Этот термин имеет целью дать определение новым явлениям и феноменам

XXI века. Вполне логичным представляется попытка определить сущность гибридного противостояния и его составляющие. Гибридная война была описана полковником российского Генштаба Е. Е. Месснером еще в 1960-х гг. как «Мятежевойна» (его книга «Мятеж – имя третьей всемирной», изданная в Буэнос-Айресе в 1960 г). В частности, по его определению, гибридная война является современной версией и формой войны как вооруженной борьбы. Стилем современной войны является «гуманистическое» истребления, когда, например, ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки убило половину, а не все мирное население.

Термин «гибридная война» появился в военной среде США, конкретно – в Корпусе морской пехоты. В открытой литературе этот термин появился в 1998 г., когда Г. Волкер определил его как пересечение обычной войны со специальными операциями [5, с. 26].

В докладе Дж. Калхи «Гибридная война: новый стратегический вызов НАТО?», представленной на парламентской ассамблее НАТО в апреле 2015 г., указано, что этот специальный термин особенно активно начал применяться во время Второй ливанской войны 2006 г. в политических и военных кругах для характеристики противостояния Израиля и Хезболлы.

По мнению Ф. Гоффмана, консультанта министерства ВМФ США, одного из авторов концепции «гибридной войны», каждой эпохе присущи свои специфические формы войны, а современная эпоха характеризуется процессами гибридизации, в том числе и в военной сфере. Традиционные формы войны смешиваются с деятельностью организованной преступности, нерегулярными конфликтами и терроризмом. Для характеристики этой новой реальности он предлагает применять понятие «гибридной войны», которое пусть и не является чисто военным, но позволяет оперативно отразить суть изменений в характере современной войны. Исследователь определяет гибридную войну как любые действия врага, который быстро и гибко использует самые разнообразные комбинации разрешенного оружия, партизанскую войну, терроризм, преступления на поле боя, и все для достижения политических целей [10, р. 35].

Можно выделить следующие основные признаки гибридной войны:

1) гибридную войну не объявляют: это дает возможность стране-агрессору манипулировать международным мнением, а стране, на которую направлена агрессия, невозможно адекватно реагировать на угрозу, поскольку юридического основания якобы нет (не объявлено военное положение);

2) гибридная война планируется под стратегию информационной войны, по которой осуществляется построение такой зомби-

реальности, при которой противника объявляют «извергом», обреченным на уничтожение;

3) целью гибридной войны является не столько завоевание как таковое, сколько создание хаоса, непрерывного конфликта, постоянное генерирование провокаций, условий, непригодных для жизни, разрушение инфраструктуры;

4) используются постановочные военные действия, исполняемые актерами, предназначенные для съемок картинок для показа в СМИ;

5) сущностью гибридной войны является уничтожение государственного авторитета страны-соперника.

Организационная структура гибридной войны имеет децентрализованный вид, который скрывает ее реальную иерархию. В частности, отдельные звенья действуют независимо и стараются выполнять свои задачи в соответствии с предложенными общими политическими целями. Таким образом, это лишает государства, которые находятся под «гибридным» нападением, оборонной стратегии, поскольку меняются центры угрозы; эти государства не в состоянии определить, где должна быть установлена линия фронта и какие инструменты нужно использовать для отражения опасности. Отсутствие возможности оперативного выявления четкой связи между гибридными средствами и их организационной иерархической структурой кардинально отличают «гибридную войну» от других видов боевых действий.

Гибридные средства ведения войны могут быть использованы как в состоянии боевых действий, так и мира, что обеспечивает существенные возможности для маневра по отношению к государству, которое является объектом этой войны. При этом, число имеющихся у государства-объекта традиционных средств ведения войны не имеет значения, поскольку защита от гибридных угроз крайне усложнена. Кроме того, использование средств «гибридной войны» как источника угрозы может побудить государство-объект на действия, отвечающие интересам государства-инициатора «гибридной войны».

Гибридная война предполагает использование всеобъемлющего и очень тонкого разнообразия военных действий, ресурсов, а также программ, разработанных для максимального использования экономического и политического влияния для реформирования правительств, движений или политических тенденций в социально и экономически нестабильные условия. Она также включает полный спектр военной разведки, нетрадиционное (включая нелетальное) оружие, вооружение, подразделения поддержки и боевую технику, доступные для мгновенной переброски, если оппозиционные элементы регулярных или нерегулярных сил повстанцев, террористов или других негосударственных субъектов пересекают границу и представляют прямую угрозу [6].

Одна из особенностей гибридной войны заключается в том, что полная военная победа, в отличие от традиционной войны, в ней невозможна ни для одной из сторон. В условиях гибридной войны, когда решающая военная победа теряет абсолютный характер, на первый план выходит проблема реализации собственных политических целей и препятствование реализации политических целей врага.

Помимо традиционных военных методов, гибридная война характеризуется важной экономической составляющей. Экономическая война как составляющая гибридной войны направлена на политическое подчинение одной из сторон и для достижения других целей, которые обычно достигаются классическими войнами. При этом также достигаются задачи политического противостояния.

В отличие от классической войны, экономические отношения сторон во время гибридной войны обычно не подвергаются полному разрыву, что позволяет стране-агрессору скрывать свое участие в гибридной войне, а стране-жертве – получать критические для нее ресурсы. Для целей гибридной войны экономическая сфера является важным операционным пространством и ключевым невоенным механизмом подготовки и реализации агрессии. Установление факта агрессии в невоенных сферах общественной жизни, прежде всего в экономической, крайне затруднено, а то и вообще невозможно. Практически всегда существует возможность замаскировать меры гибридной агрессии в экономической сфере защитой национальных экономических интересов, экономической целесообразностью и конкурентной борьбой. Кроме того, гибридное противостояние в экономической сфере соответствует целям сокрытия и деформализации межгосударственного конфликта [5, с. 99].

Одним из главных исходных условий гибридной войны является невозможность полного установления ответственной силы, а также сбора и последующей передачи в Международный суд неопровержимых доказательств. Информационная война на сегодня является обыденной составляющей современного общества. Путем отрицания или искажения фактов можно легко манипулировать населением, убеждать политиков. Поэтому информационную войну возможно рассматривать как одну из предпосылок для гибридной агрессии.

Ярким примером этого является освещение феномена гибридной войны в публикациях российских ученых. Член-корреспондент Академии военных наук РФ Александр Бартош подчеркивает, что в военно-политическом контексте понятие «гибридная война» может объединять широкий диапазон действий, осуществляемых противником с использованием военных и иррегулярных

формирований с одновременным привлечением гражданских компонентов. В работах экспертов встречается близкое к этому понятие «войны управляемого хаоса» [1].

«Гибридные угрозы» определяются как угрозы, создаваемые противником, способным одновременно адаптивно использовать традиционные и нетрадиционные средства для достижения собственных целей. Комплекс гибридных угроз формируется заранее определенным стратегическим замыслом и влияет на широкий спектр военных и гражданских целей противника, включая население страны-мишени. Конечная цель заключается в подрыве совокупной мощи государства, позиций и влияния правительства внутри страны и на международной арене.

Таким образом, в отличие от других видов угроз, комплекс гибридных угроз ориентируется четко на выбранный объект влияния (конкретную страну-мишень), имеет четко определенный формат и заранее определенную конечную цель и представляет собой ядро стратегического замысла операции. Успешная реализация комплекса угроз зависит от наличия источника, способного обеспечить необходимые силы и средства, а также возможности доступа к ним. Такой синергетический эффект применения гибридных угроз обуславливает их особую опасность для всей системы обеспечения национальной безопасности страны.

Комплекс гибридных угроз имеет ряд характеристик, обеспечивающих его эффективное применение на всех этапах гибридной войны. Такой комплекс обладает гораздо большей разрушительной силой, чем простая сумма угроз, входящих в него. «Кумулятивный эффект» от воздействия угроз этого вида обеспечивается реализацией системы комплексных и взаимозависимых подготовительных и исполнительных мероприятий, связанных с координацией деятельности значительного количества участников, действующих на территории страны-мишени и за ее пределами. Успеху способствует умелое использование факторов, обуславливающих высокую динамику развития обстановки и придание процессам необходимой направленности с использованием как невоенных, так и военных решений. В основе стратегии гибридных войн лежит целенаправленная работа по прогнозированию и стратегическому планированию. А. Барташ подчеркивает, что именно США и НАТО разрабатывают стратегии гибридных войн и рекомендации по противостоянию гибридным угрозам в течение последних лет, акцентируя внимание на принципиальных изменениях в характере войны [1].

Важной составляющей войн нового типа российские исследователи считают «цветные революции» («технологии управляемого хаоса»), которые занимают отдельное место в списке

инновационных подрывных технологий. Известный российский конфликтолог А. Манойло определяет «цветную революцию» как «технологии организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, когда давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой таранного удара по власти выступает специально организованное молодежное движение протеста» [4, с. 14].

Понятие «цветная революция», по мнению А. Манойло, может включать в себя целый сценарий государственного переворота и демонтажа политического режима, который успешно маскируется под народный бунт. «Сегодня, – подчеркивает А. Манойло, – технологиями гибридных войн и технологиями цветных революций практически на праве монополии обладают Соединенные Штаты, которым даже сами термины «гибридная война» и «цветная революция» обязаны своим происхождением, и любое государство, отстаивающее свое суверенное право на проведение независимой внешней политики, тем самым рискует стать мишенью для применения этих инструментов и технологий» [4, с. 13]. От политического шантажа стороны противостояния переходят к силовым мерам воздействия, реализация которых может привести к развязыванию в стране гражданской войны, в ходе которой применяются технологии упомянутой выше гибридной войны.

Итак, гибридная война является одним из важных и распространенных типов международных конфликтов на современном этапе. В самых общих чертах гибридную войну можно определить как совокупность заранее подготовленных и реализованных оперативнодействий военного, дипломатического, экономического, информационного характера, направленных на достижение стратегических целей. К составляющим гибридной войны относятся традиционные и нестандартные угрозы, а именно, терроризм, подрывные действия, когда используются новейшие или нешаблонные технологии для противодействия превосходству противника в военной силе. Главными составляющими гибридного противостояния являются экономическая, информационная и военная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартош, А.А. Гибридные войны во внешней политике США и НАТО : Как обеспечить национальную безопасность России в условиях нетрадиционных угроз и вызовов // Независимое военное обозрение. – 2014. – 10 октября. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-10/1_nato.html.

2. Бартош, А.А. Дипломатия гибридной войны // Дипломатическая служба. – М., 2019. – № 1. – С. 23–29.
3. Будаев, А.В. Гибридные войны США в Южной Америке // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 271–275.
4. Манойло, А.В. Роль цветных революций в современных гибридных войнах // Наука и образование: хозяйство и экономика ; предпринимательство ; право и управление. – М., 2015. – № 8 (63). – С. 13–18.
5. Мировая гибридная война : монография / под общ. ред. В.П. Горбулина. – К. : НИСИ, 2017. – 496 с.
6. Bond, M. Hybrid War A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. – Carlisle : U.S. Army War College, 2007. – 25 p. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a468398.pdf>.
7. Cebrowski, A. Network-Centric Warfare : Its Origins and Future / A. Cebrowski, J. Garstka // U.S. Naval Institute. – January 1998. – Vol. 124. # 1(1139). [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future>.
8. Frier, N. Hybrid Threats and Challenges : Describe... Don't Define // Small Wars Journal. – 2009. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/hybrid-threats-and-challenges-describe-dont-define>.
9. Hoffman, F. G. Conflict in the 21st Century : the rise of hybrid wars. – Arlington, 2007. – 72 p.
10. Hoffman, F. G. Hybrid Warfare and Challenges. // Joint Force Quarterly (JFQ). – 2009. – № 52. – P. 34–39.
11. Williamson, S. C. From fourth Generation Warfare to hybrid war // United States Army. U.S. Army War College. – 2009. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA498391>.

АННОТАЦИЯ

Навка И. А. Феномен гибридной войны в современной политологии

В статье рассмотрен феномен гибридной войны как одного из типов войн четвертого поколения и определены его главные признаки. Освещены подходы отечественных и зарубежных политологов к этой проблеме. Рассмотрены пять ключевых характеристик гибридных войн. Подчеркнуто, что главными составляющими гибридного противостояния являются экономическая, информационная и военная.

Ключевые слова: гибридная война, сетцентрическая война, агрессия

SUMMARY

Navka I. A. The concept of hybrid war in modern political science

The article considers the phenomenon of hybrid warfare as one of the types of wars of the fourth generation and identifies its main features. The approaches of domestic and foreign political scientists to this problem are highlighted. Five key characteristics of hybrid wars are considered. It is proved that the main components of the hybrid confrontation are economic, informational and military.

Key words: hybrid warfare, network-centric warfare, aggression

Анна Валентиновна Никитенко,

г. Горловка, ДНР

Наталья Владимировна Евсюкова,

г. Горловка, ДНР

УДК 625.1(091)

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В ПЕРИОД КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Важным признаком индустриализации Донбасса в период капиталистического строительства стало развитие транспортных систем. Собственно, настоящий «взрыв» добывающего промысла Донбасса или так называемая «угольная лихорадка» возникла благодаря двум влиятельным факторам – строительству разветвленной сети железных дорог и связанному с ним развитию черной металлургии, особенно после открытия Криворожских рудных месторождений.

Сооружение новейших на тот период путей сообщения стало важным фактором социально-экономических преобразований общества, завершения формирования внутреннего рынка и роста промышленного производства. Благодаря введению в эксплуатацию густой сети стальных магистралей и железнодорожных узлов, а также отвечавшего требованиям нового времени морского порта, стало возможным быстрое и одновременно относительно экономически выгодное перемещение товаров и сырья на значительные расстояния как внутри страны, так и за границу.

Поражение в Крымской войне (одной из причин которого было отсутствие современных средств коммуникации), открытие огромных залежей природных минералов в Донбассе и Криворожье и другие экономические соображения обусловили заинтересованность царского правительства в создании железных дорог: «...Униженный технически низким уровнем российской армии царский режим

решил пойти тем путем, которым Западная Европа прошла веком ранее. Железная дорога была ключом, который дал бы России возможность развиваться. Уголь и железо были необходимы для развития железной дороги в стране» [16, с. 12].

Кроме того, рынки металла и угля росли из года в год. В первую очередь уголь использовалось для местных нужд, а затем распространялось по России железными дорогами, сделанными из донбасской стали. «Как только дороги заменили воловьих повозки в степях, – подчеркивает Т. Фридгут, – рынок угля вырос и изменилась его структура» [там же, с. 32].

Наряду с государством в строительстве железных дорог активное участие принимали частные предприниматели, вкладывая свой капитал в выгодные проекты. За три года (1868-1870 гг.) С. С. Поляковым была построена одна из первых в Донецком регионе Курско-Харьковско-Азовская железная дорога, соединявшая Москву с Крымом, портами Азовского моря и Кавказом. Именно с ее сооружения (332 версты) начинается история железных дорог Донбасса, которая активизировала темпы развития экономики региона, когда начиналось строительство доменных и сталеплавильных печей, продолжалось основание шахт, других промышленных объектов [11, с. 118].

Построения этой железной дороги настойчиво добивались харьковские помещики и промышленники, московские фабриканты и, особенно, донецкие углепромышленники, ведь, кроме стратегической цели – выхода к морю, – преследовались задачи стимулирования развития горнодобывающей промышленности на Донбассе. В 1868 г. концессию на стройку магистрали правительство выдало известному предпринимателю, коммерции советнику С. Полякову. В рекордно короткий срок, как на те времена, за 20 месяцев, железная дорога была построена и введена в эксплуатацию (ее управление разместилось в Харькове). Торжественное открытие движения произошло 23 декабря 1869 г.

Начало функционирования Курско-Харьково-Азовской железной дороги сыграло значительную роль в подъеме угольной промышленности в районах пролегания ее путей. В частности, были открыты угольные шахты в районе станций Щербинка (Дилеевка), Магдалиновка, Никитовка, Горловка, Ханженково, Харцызск; получили развитие соляная промышленность в Славянске, добыча огнеупорных глин, зародилась стекольная промышленность в Константиновке и др. [6, с. 37]

С ростом добычи каменного угля в Донецком регионе назрела необходимость строительства железной дороги для выхода в Южный Донбасс, которая получила название Константиновской. С этой целью председатель правления Новороссийского общества Дж. Юз

в 1871 г. обратился к российскому правительству, одновременно заключая сделки с местными крестьянами о дальнейшей их работе на шахтах вдоль намеченной Константиновской линии. 1872 г. был введен в эксплуатацию участок от Константиновки до Еленовки с раздельными пунктами Петровская (Кривой Торец), Железная (Фенольная), Ясиноватая, Юзовка (Донецк), Рудничная (Рутченково) [14, с. 94].

Одновременно от Юзовки до металлургического завода Новороссийского общества (станция Новороссийск) был проложен первый подъездной путь на Донбассе протяженностью 10 верст. С помощью французского капитала вместо первых рудников – примитивных «дудок» – здесь были открыты шахты нового образца на специально арендованных у местных землевладельцев землях, и железная дорога сыграла в этом значительную роль. В том же 1872 г. горнопромышленники начали сооружение подъездного пути от станицы Рудничная до каменноугольной копи возле с. Кураховка протяженностью 24 версты. До 1876 г. строительство было завершено, однако добываемый на шахте уголь оказался низкого качества и не пользовался спросом на рынке. В течение следующего десятилетия разработки на руднике прекратились, а подъездной путь был демонтирован, хотя и считался действующим [1, с. 7].

15 ноября 1873 г. был открыт для грузового и пассажирского движения первый участок будущей Екатерининской железной дороги – Лозовая – Александровск (ныне – Запорожье) с ответвлением на Екатеринослав, общей протяженностью 208 верст [9, с. 12]. С этого дня этот губернский город, приобретающий черты стремительного индустриального развития, благодаря стальной магистрали получил выход на север к уже действующим на то время железнодорожным сетям.

В конце концов настала очередь сооружения Донецкой каменноугольной железной дороги, сыгравшей большую роль в подъеме горно-металлургического комплекса Донбасса. Решение о ее строительстве министерство путей сообщения приняло в апреле 1875 г. Концессию от правительства на построение железной дороги получил известный российский предприниматель Савва Мамонтов, который организовал акционерное общество «Донецкая дорога». Через три года, в декабре 1878 г., состоялось торжественное открытие Донецкой каменноугольной железной дороги, общая протяженность которой составила 389 верст. Движение открылось на участках Никитовка–Дебальцево–Должанская, Дебальцево – Попасная – Краматорск и Дебальцево – Луганский завод. В Луганске был построен вокзал, создано управление железной дороги и прямо рядом со станцией основано первое на Донбассе железнодорожное техническое училище (1880 г.). Свое второе

рождение получила станция Краматорск, которая до этого была полустанком, где расходились пассажирские поезда с грузовыми, к тому же пассажирские тут не останавливались. Именно благодаря С. Мамонтову здесь появилась полноценная грузопассажирская станция.

В 1879 г. были построены участки Попасная – Лисичанск, Хацапетовка (Углегорск) – Ясиноватая и др. Протяженность Донецкой каменноугольной железной дороге возросла до 479 верст. По железной дороге курсировали 92 паровоза, изготовленные в основном в Германии. В рабочем парке находилось 2223 вагона. Весовая норма поездов, которые были маломощными, составляла всего 22 тыс. пудов (около 350 т), а скорость не превышала 14 верст в час [15, с. 36-38].

В 1880 г. к Донецкой каменноугольной железной дороге была присоединена Константиновская дорога. В конце концов, строительство продолжалось до 1882 г. и завершилось открытием участков Должанская – Зверево, Никитовка – Попасная, Колпаково – Первозвановка и Еленовка – Мариуполь, что дало возможность беспрепятственно транспортировать уголь из почти всего Донбасса к Азовскому морю [4].

В конце 70-х гг. появляется один из привлекательных сквозных подъездных путей Донецко-Макеевской агломерации – Ясиноватая – Харцызск, построенный промышленником Д. Иловайским на собственные средства. Сначала дорога соединяла шахты Иловайских с Ясиноватой. 1881 г. подъездный путь начал обслуживать промышленную зону Макеевского металлургического завода, а в 1883 г. путь продолжился через трубопрокатный завод до станции Харцызск, дав будущему городу быстрое развитие [10, с. 118].

На станциях Донецкой каменноугольной железной дороги было построено 15 паровозных депо, из них 3 – основные (Дебальцево – 2 ангара на 32 паровоза, Ровеньки и Попасная – по 1 ангару на 12 паровозов), 2 – вспомогательные (Луганский завод и Краматорск – по 1 ангару на 6 паровозов) и 10 – резервных (Криничная, Зверево, Ступки, Лисичанск – на 2 паровоза, Никитовка, Хацапетовка, Марьевка, Варварополье и другие – на 1 паровоз). Все объекты делались обдуманно, с перспективой на будущее. Так, линия Дебальцево – Зверево идет точно по водоразделу Северского Донца и Миуса, а участок Дебальцево – Попасная – в поймах рек Лозовая, Санжаровка и Камышеваха; в то же время линии находятся в непосредственной близости к горным предприятиям и рабочим поселкам (именно поэтому они вышли согнутыми). На участках заключались более прочные и долговечные немецкие рельсы; обслуживание путевого хозяйства стало прообразом современных дистанций пути [6, с. 218].

С целью выхода к морю и расширения экспортных возможностей Донбасса в 1882 г. была построена дорога, которая соединяла Мариуполь с Центральным Донбассом. А в 1886 г. в Мариуполе также по инициативе С. Мамонтова началось строительство нового порта, которое было завершено в сентябре 1889 г. [8, Л. 61-77]. С. Мамонтов был чрезвычайно доволен построенной транспортной системой «железная дорога – порт». Когда в мариупольский порт прибыл первый поезд с углем (1889 г.), он гордо заявил: «Я не Самуил Поляков, я – Савва Мамонтов». Реконструкция порта, которая началась сразу же после введения его в действие, позволила весной 1901 г. увеличить грузооборот в три раза (до 60 млн. пудов) [там же, Л. 4].

Экономическое значение Мариупольского порта в начале XX века чрезвычайно выросло. Увеличение грузооборота происходило, в основном, за счет каботажной торговли. Вывоз угля в Одессу и другие порты Черного моря составил примерно половину общего грузооборота, экспорт хлеба (в основном пшеница и ячмень) – около 25%. Причем хлеб вывозили в Мариуполь даже из соседних губерний (за 500 км и более). Также довольно много вывозили металла (до 100 тыс. пудов в 1911 г.), ввозили преимущественно керченскую железную и марганцевую руды [3, Л. 28-30].

Основным аргументом противников Донецкой каменноугольной железной дороги была ее убыточность. Так, высокие пошлины и сборы на узловых станциях, грузовые тарифы для предприятий Донбасса не покрывали эксплуатационных затрат на содержание дороги. Кроме того, многие участки дороги были частью недостроенных линий и ходов. По проекту, линия Дебальцево – Зверево должна была выйти к Волге, но в 1880-х гг. строительство остановилось у Грушевских антрацитовых рудников. Направление Дебальцево – Луганский завод почти не функционировало, а участок Попасная – Лисичанск (часть линии на Купянск) не покрывала эксплуатационных расходов [1, с. 12].

Строительство железных дорог сыграло решающую роль в промышленном подъеме 1890-х гг. Ограниченный уровень накопления капитала внутри страны был компенсирован растущим потоком иностранных инвестиций на расширение и модернизацию железнодорожной сети. Капиталовложения в железной дороге достигли 2,5 млрд руб., то есть почти таких же объемов, как во все отрасли промышленности Российской империи вместе взятые. Железнодорожное строительство накануне и в период промышленного подъема 1890-х гг., а также во время экономического кризиса 1900-1903 гг. происходило преимущественно в Донецко-Криворожском бассейне. Важнейшей линией, которую построили в европейской части России после восстановления железнодорожного

строительства, была 1-я Екатерининская железная дорога, которая, объединив уголь Донбасса с Криворожским железорудным бассейном, обеспечила стремительное развитие промышленности Донецкого и Криворожского бассейнов, способствовала образованию в Юго-Восточной Украине мощного промышленного комплекса.

Строительство 1-й Екатерининской железной дороги, в первую очередь планировалась для поставки хлеба в Екатеринославскую губернию, началось в 1880 г. Сначала дорога прокладывалась в основном местными крестьянами, в результате чего первый участок от ст. Долинская ст. Пятихатки оказалась искривленной, с разворотами. 1884 г. 1-ую Екатерининскую железную дорогу открыли для движения, соединив Донецкую каменноугольную железную дорогу (от ст. Ясиноватая) с Екатеринославом, рабочими поселками современного Кривого Рога и ст. Долинская Харьковско-Николаевской железной дороги. Впоследствии 1-я Екатерининская железная дорога по грузообороту опередила Донецкую каменноугольную, что заставило правительство инициировать укладки второго пути вдоль всей железнодорожной линии [9, с. 15- 16].

Эта магистраль появилась во многом благодаря известному общественному деятелю и предпринимателю Екатеринославщины Александру Полю, который доказал правительству необходимость строительства железной дороги, которая должна обеспечить тесную связь железорудных месторождений Криворожья с угольными шахтами Донбасса и центральными районами страны [12, с. 54-55]. Магистраль способствовала широкому развитию металлургии и обеспечила новый выход для транспортировки донецкого угля в западном направлении, чем был заложен прочный фундамент развития Приднепровского края в целом.

В 1893 г. 1-я Екатерининская железная дорога была объединена с частью Курско-Харьковско-Азовской (от Горловки до Ростова) и практически всей Донецкой каменноугольной (за исключением участка Ясиноватая – Константиновка) железными дорогами. Участки Лозовая – Горловка и Константиновка – Ясиноватая были переданы Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороге. В 1895 г. было открыто движение на участке Лисичанск-Купянск, что позволило направлять грузы на Москву через Елец без захода на Курско-Харьковско-Севастопольскую железную дорогу. В 1898 г. строятся участки Луганск – Миллерово, Чаплино – Бердянск и Верховцево – Долгинцево. В 1900 г. вышеназванные линии вместе с 1-й Екатерининской железной дорогой были объединены в единое подразделение – Екатерининскую железную дорогу [13, с. 184-186]. Сегодня ее считают прототипом современных Донецкой и Приднепровской железных дорог.

1890-е гг и начало XX в. для Екатерининской железной дороги характеризовались укладкой второго пути на грузонапряженных участках, строительством связи между магистральными ходами и тупиковыми ответвлениями к промышленным предприятиям. Так, в 1895 г. был проложен второй путь от ст. Ясиноватая в чаплинском направлении, 1900 г. – на участках Юзовка – Мариуполь и Горловка – Таганрог, а 1903 г. – от Лисичанска до Купянска. В 1898 г. встала в строй связка Государев Байрак – Горловка. Строительство в начале XX в. металлургического завода в Алчевске вызвало необходимость укладки второго пути из Дебальцево (1908 г.). В 1895 г., с началом строительства Петровского металлургического завода в районе современного Енакиево, для нормальной работы предприятия до последнего был сооружен подъездной путь от бывшей каменноугольной железной дороги. В связи с перегрузкой Ясиноватского узла в 1902 г. появился железнодорожный участок Горловка – Очеретино [5].

Первая очередь так называемой Богодуховской линии – участок Ясиноватая – Умань – была построена в 1886-1888 гг., что дало развитие угольным шахтам на территории современного Донецка и Макеевки. В 1893 г. на Богодуховской линии была сооружена ст. Мушкетово; от Новороссийского завода к ней был проложен путь по земле, арендованной Юзами в Области Войска Донского. Движение по второй (Мушкетово–Караванная) и третий (Караванная – Доля) очередях железной дороги началось, соответственно, в 1896 и 1899 гг. В 1904 г. было решено продублировать участок Доля – Ясиноватая – Харцызск через Караванную, а в месте примыкания пути с Караванной до участка Горловка – Ростов построить одну из ключевых станций современной Донецкой железной дороги – Иловайск [там же].

В конце 1890-х гг. Донбасс получил выход в Среднее Поволжье. В 1892 г. было образовано общество Юго-Восточных железных дорог, концессия которого предусматривала строительство магистрали, которая связывала Донбасс с Поволжьем. Уже в 1895 г. вступила в строй линия от Балашова до Харькова через Купянск, а в следующем году общество Московско-Казанской железной дороги закончило строительство участка от Балашова до Пензы [2, с. 197].

Вследствие перегрузки западного выхода с Донбасса возникла необходимость в построении еще одной магистрали. В 1896-1897 гг. стала в строй линия Полтава – Константиноград (позднее – г. Красноград), которая в 1901 г. была продлена от Полтавы до Киева и от Константинограда до Лозовой. В следующем году появился последний участок от Киева до Ковеля. Таким образом, магистраль Лозовая – Ковель соединила по кратчайшей траектории сети Донбасса с Правобережьем и была транзитной линией в перевозках между Польшей, Кавказом и Персией [6, с. 220].

В начале XX в. темпы строительства железных дорог по сравнению с 1890-м гг. снизились почти вдвое. Впрочем, чрезвычайно интенсивный рост угольной отрасли, в целом промышленности в Донском регионе влияло на развитие и совершенствование железнодорожного транспорта, на увеличение как грузового, так и пассажирского потока. Это заставило правительство приступить к строительству 2-й линии Екатерининской железной дороги длиной 683 версты от Донбасса до Кривого Рога.

Несмотря на то, что в 1894-1895 гг. на участке Криничная – Ясиноватая – Демурино был проложен второй путь, малые весовые нормы и скорость поездов в то время создавали на Екатерининской железной дороге положение, близкое к коллапсу. Уже в 1898-1900 гг. был проложен второй путь на участке Горловка – Таганрог, а в 1902 г. закончено строительство станции Иловайск. Началось сооружение железнодорожной связи на Караванную и Чистякове с курсированием рабочих и строительных поездов в этих направлениях.

Участок Караванная – Иловайская, пущенный в эксплуатацию весной 1904 г., был первой очередью 2-й линии Екатерининской железной дороги. Следующая ее очередь вступила в строй в августе 1904 г. – линия от Дебальцево до Александровска (Запорожье) через Чистяково (Торез), Иловайск, Долго, Волноваха, Цареконстантиновку (Камыш-Зарю), Пологи. Третья очередь, от Александровска до Долгинцево (Кривой Рог–Главный), в 1905 г. продублировала наиболее нагруженный участок 1-й Екатерининской железной дороги. Зато, в связи с тем, что участок от Волновахи до Александровска была построена на местности, на которой почти не было промышленности, грузооборот этого направления оставался на низком уровне. С 1905 г. началась реконструкция Дебальцевского узла, в частности восточнее пассажирского вокзала была построена станция Дебальцево-Сортировочная для приема товарных поездов. 1907 г. для обслуживания рудников началось движение по только что построенной ветке от Чистяковского к Бесчинской [9, с. 17-18].

Накануне Первой мировой войны протяженность дорог на Донбассе на 1000 км² была больше, чем любом другом регионе Российской империи [7, с. 445-447]. В 1913 г. Екатерининская железная дорога (составляла 2827 верст) выполняла самый высокий в России в начале XX в. грузооборот – около 390 млрд пудо-верст и перевозила до 12 млн пассажиров. Чистая прибыль составляла до 10% от основного капитала. На железной дороге было построено много искусственных сооружений, в том числе и 15-прогонный двухъярусный мост через Днепр у Екатеринослава и 5-прогонный металлический мост через Ингулец, открыто 18 училищ, несколько больниц. В подвижном составе было 1259 паровозов, 37 072

товарных и 995 пассажирских вагонов. Ремонт и обслуживание проводились в железнодорожных мастерских в Екатеринославе (крупнейшие в России), на станциях Ясиноватая, Авдеевка, Дебальцево и др. В целом железнодорожные пути Екатерининской железной дороги проходили территориями Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и Таврической губерний и Области Войска Донского и соединяли Донецкий угольный бассейн с Криворожьем и Правобережьем. Магистраль способствовала прежде всего развитию топливно-металлургической базы на юго-востоке Украины, обеспечивала вывоз угля и железной руды на внутренний и внешний рынки. В годы Первой мировой войны сеть Екатерининской железной дороги использовалась также для быстрой переброски войск на фронт [9, с. 19].

Для доставки местного угля в северо-западные губернии Российской империи, в целом удовлетворение нужд Московского промышленного района в топливе, а также вытеснения с Балтийского побережья иностранного угля, в 1910 г. началось строительство Северо-Донецкой железной дороги (Лихая – Родаково – Харьков – Льгов). На новой магистрали было построено 36 станций, такие как Святогорск, Лиман (Красный Лиман), Яма (Северск), Нырково, Сентяновка, Родаково и др. Линия прошла через станцию Первозвановская, с которой уже существовал путь на станцию Колпаково направления Дебальцево – Зверево. Также от станции Лиман появились железнодорожные связи на Славянск и Краматорск (1911 г.). Линия была построена к 1913 г., хотя сооружение ответвлений и связь продолжалось до 1916 г. Так, участок Яма – Никитовка вместе со станцией Бахмут-2 (Артемовск-2) вступила в строй того года для посещения Бахмута императором Николаем II. На станциях Лиман, Краматорск, Нырково и Родаково были открыты паровозные депо [1, с. 13].

Железнодорожная отрасль была необычайно емким рынком сбыта. Поэтому предприниматели требовали от правительства многолетней программы железнодорожного строительства, которая учитывала бы также возможность наступления экономических кризисов. Масштабное железнодорожное строительство создало необходимые условия для быстрого роста металлургии в Екатеринославской губернии, обеспечило широкий сбыт угля Донбасса. В некоторые годы железные дороги «поглощали» столько металла, что его едва хватало для строительства новых металлургических заводов. Непрерывно рос непосредственный спрос на уголь железных дорог и металлургических заводов, развитие которых определялось потребностями транспорта в металле.

Хотя железные дороги в Российской империи в начале XX в. получали необходимые материалы от монополизированных

отраслей тяжелой промышленности (прежде всего синдикатов «Продуголь» и «Продамет») по завышенным ценам, однако тарифы за перевозку грузов на них были ниже, чем в любой другой стране, кроме США. Низкие железнодорожные тарифы стали одной из форм протекционизма для российской тяжелой промышленности. Протектирование со стороны государства тяжелой промышленности наиболее ярко проявилось в период кризиса 1900-1903 гг. Помощь осуществлялась преимущественно ради ускорения темпов железнодорожного строительства. Сумма ассигнований на новые дороги была увеличена с 32 млн руб. в 1901 г. до 150 млн руб. в 1902 г. и 145 млн руб. в 1903 г. Резкий спад строительства железных дорог произошел во время революции 1905-1907 гг. Единственной крупной магистралью, построенной в эти годы, была Северодонецкая [5].

Таким образом, мы видим, что созданная сеть железных дорог – принципиально нового средства сообщения по сравнению с традиционными для эпохи феодализма – дала мощный толчок росту промышленного капитализма, консолидировала экономически разрозненные районы в единое экономическое пространство, энергично втягивала в рыночный процесс самые глухие и отдаленные уголки империи.

Железные дороги, будучи сами порождением рыночной эпохи, уверенно потянули за собой все народное хозяйство, значительно ускорив, в частности, развитие целого ряда отраслей тяжелой промышленности – металлургической, машиностроительной, угольной. Потребность в огромном количестве рельсов требовала соответствующего количества собственного металла. Возникла острая необходимость ускорить развитие металлургии и добычу руд и угля. Помимо требований дорожного строительства и металлургии возникла насущная потребность в топливе для железнодорожного транспорта, а также для Черноморского пароходства (парусный флот был затоплен во время Крымской войны), что также способствовало началу «угольного бума». При этом «классические» транспортные узлы, такие как морской порт, не только не теряли своей актуальности, а, напротив, получили мощный толчок к своему развитию и модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатчук, С.С. Залізничний транспорт України у другій половині XIX – на початку XX ст. (соціально-економічний аспект): Автореферат дис... канд. іст. наук : 07.00.01 / Богатчук, Світлана Степанівна. – К., 2000. – 18 с.
2. Довжук, І.В. До питання про діяльність Донецько-Юріївського металургійного заводу наприкінці XIX – на початку XX ст. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Вип. V. – Київ, 2002. – 210 с.

3. Ждановский морской торговый порт // ГА ДНР. Ф. Р-1237. Оп. 1. Д. 4.
4. История железных дорог Донбасса. Часть 1 [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/donbass/istoriia-jeleznyh-dorog-donbassa-chast-1-5aa6df581aa80c8dc85ae729> (дата обращения: 23.10.2021)
5. История железных дорог Донбасса. Часть 2 [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/donbass/istoriia-jeleznyh-dorog-donbassa-chast-2-5aa6e23ef0317314769f4b18> (дата обращения: 23.10.2021)
6. Кірка, Г.М. Залізничі України. Історичний нарис. / Г.М. Кірка, О.М. Пішійко, І.В. Огієнко. – Дніпропетровськ: «Арт-Прес», 2001. – 328 с.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 2: 1895-1897. – 1958. – 677 с.
8. Мариупольское портуправление // ГА ДНР. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1.
9. Мирончук, В.Д. История Екатерининской железной дороги и ее роль в социально-экономическом развитии юга России (последняя четверть XIX – нач. XX вв.). Автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мирончук, Вячеслав Дмитриевич. – Днепропетровск, 1979. – 30 с. 103
10. Михненко, А.М. Історія Донбасу (1861–1945 рр.). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 452 с.
11. Напорко, А.Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. – М.: Гострансжелдориздат, 1954. – 288 с.
12. Платонов, В.П. Человек-легенда: Александр Польш. – Днепропетровск, 2002. – 208 с.
13. По Екатерининской железной дороге: Вып. 1. – Днепропетровск, 2003. – 192 с.
14. Соловьева, А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. – М. : Наука, 1975. – 315 с.
15. Стальные пути Донбасса: Из истории Донецкой ордена Ленина железной дороги. / Гусев М. И., Клименко К. Х., Максимов А. М. и др. – Донецк: Донбасс, 1970. – 336 с.
16. Friedgut, Th. Iuzovka and Revolution. / Th. Friedgut – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1989. – Vol. 1: Life and work in Russia's Donbass, 1869-1924. – 361 p.

АННОТАЦИЯ

Никитенко А.В., Евсюкова Н.В. Зарождение и развитие железнодорожного транспорта в период капиталистического строительства промышленности российской империи

В статье рассмотрена история зарождения и развития железнодорожных транспортных путей Донбасса. Акцентируется, что начало функционирования железной дороги сыграло значительную роль в зарождении и подъеме промышленности в районах пролегания ее путей, а также расширении экспортных возможностей нашего региона.

Ключевые слова: Российская империя, Донбасс, строительство железных дорог, Курско-Харьковско-Азовская железная дорога, Донецкая каменноугольная железная дорога, 1-я Екатерининская железная дорога

SUMMARY

Nikitenko A.V., Evsyukova N.V. The origin and development of railway transport during the period of capitalist industrial construction of the Russian Empire

The article examines the history of the origin and development of Donbass railway transport routes. It is emphasized that the beginning of the railway's operation played a significant role in the emergence and rise of industry in the areas where its tracks run, as well as the expansion of export opportunities in our region.

Keywords: Russian Empire, Donbass, railway construction, Kursk-Kharkov-Azov Railway, Donetsk Coal Railway, 1st Catherine Railway

*Юрий Александрович Никулин,
г. Горловка, ДНР*

УДК 338.45:94(4)(045)

УГЛЕДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕЕ МЕСТО В МИРОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Основу промышленности Донбасса, что очевидно из самого названия региона, составляет добыча каменного угля, с разработкой которого и начинается промышленная история региона, после обнаружения залежей угля в ходе экспедиций Г. Г. Капустина и издания Петром I указа об угольных приисках в 1724 году. Именно богатое в количественном и качественном плане угольное месторождение является системообразующим фактором, определяющим высокий промышленный потенциал Донбасса.

Угледобывающая промышленность в начале XX века – это основа топливно-энергетического комплекса, в котором нефть еще имеет второстепенное значение. Так, в Российской империи на 1913 г. от общей добычи минерального топлива 70,8% приходилось на каменный уголь, 27,2% на нефть и 2% – на торф [5, с. 500]. Внутреннее потребление топлива распределялось следующим образом: 57,4% приходилось на дрова, 33% на уголь, 7,7% на нефть и 1,8% на торф [9, с. 99]. В данном соотношении стоит обратить внимание на тот факт, что на первом месте в общем потреблении топливных ресурсов находятся дрова ввиду того, что более половины потребленного в стране на 1913 год топлива приходилось на отопление городов и непромышленных построек, что составило 52,9% [9, с. 97]. Удельный вес дровяного отопления в рамках этих 52,9% составлял 97,5%, что и обуславливало высокое потребление древесного топлива по стране.

В свою очередь, промышленно-техническое потребление топлива по Российской империи в том же году составило 47,1%, среди которых 32,9% потребляла промышленность, 11,5% – железные дороги и 2,7% – флот [5, с. 500; 9, с. 97], в рамках которых каменный уголь занимал основное место, уступая нефти лишь в потреблении флотом, составляя 67,1%, 65,2% и 30%, соответственно [9, с. 98]. Для удобства данные показатели могут быть отражены в следующей таблице:

Таблица 1. Внутреннее потребление топливных ресурсов Российской империей на 1913 год [9, с.97-98]

	Отопление		Промышленно-техническое потребление					
	Кол-во	%	Промышленность		Железные дороги		Флот	
			Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Уголь (тыс. т)	2 719,2	1,6	26 765,7	67,1	9 500,6	65,2	982,8	30
Нефть (тыс. т)	163,8	0,4	3 112,3	11,3	1 801,8	21,7	1 146,6	55
Дрова (куб. м)	360 340	97,5	38 850	16,4	10 392	13,1	2 914	15
% от общего потребления	–	52,9	–	32,9	–	11,5	–	2,7

Вышеприведенные данные потребления топлива наглядно показывают определяющее значение каменноугольной промышленности для функционирования экономики в целом. Это позволяет сделать вывод о том, что помимо прямого фигурирования учета производства угля во всех специальных изданиях, так или

иначе взаимодействующих со статистическими данными народного хозяйства воюющих стран, уголь косвенно фигурирует как сырье или же топливо для производства для всех иных отраслей тяжелой промышленности. То есть, производительность угольной промышленности в значительной мере влияет на производительность всей тяжелой промышленности и транспортной системы, а, следовательно, и военной экономики, которая на них основана.

В этой связи стоит привести цитату из исследования Маевского И. В. «Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны»: «По таким важнейшим показателям уровня промышленного развития, как выработка электроэнергии, добыча каменного угля, выплавка чугуна и стали, выплавка меди и выпуск машин, Россия занимала в мировом производстве соответственно 15, 6, 5, 7 и 4-е места» [1, с. 8]. В каждом, за исключением непосредственно угля, показателе уровня промышленного развития, обозначенном Маевским «важнейшим», уголь задействован как топливный ресурс. Помимо указанных отраслей промышленности, уголь является основополагающим ресурсом в коксохимической промышленности, а также краеугольным камнем функционирования транспортной системы, высокое значение которой вдвое увеличивается в условиях войны. Следовательно, являясь основополагающим ресурсом для функционирования всех важнейших отраслей тяжелой промышленности, уголь может выступать в роли маркера, указывающего на ее состояние в целом.

Как следует из вышеприведенной цитаты, Российская империя накануне войны занимала шестое место в мире по добыче каменного угля, имея при этом наибольшую территорию и численность населения. Также можно заметить, что некоторые отрасли тяжелой промышленности являлись более продуктивными, нежели каменноугольная, будучи при этом прямо зависимыми от продуктивности последней, что ставит под сомнение правомерность тезиса о возможности рассмотрения угледобывающей промышленности как маркера тяжелой промышленности в целом. Однако данный разрыв продуктивности объясняется тем, что ряд производственных регионов работал на импортируемом в Россию угле, так на 1913 год доля иностранного угля в общем его количестве составляла 25,5% [8, с. 303]. Стоит также учесть, что примерно половина импортируемого угля приходилась на Англию, которая с началом войны практически полностью прекратит поставки угля через Балтику, вторая же половина приходилась на страны Тройственного союза – Германию и Австро-Венгрию. Эти факторы указывают на закономерное понижение производительности отраслей промышленности, связанных с угольной, в том числе, и по причине усложнения логистики в Российской империи с началом войны.

Шестое место в мировом производстве каменного угля – это достаточно абстрактное и условное понятие, не дающее нам четкого представления о том, как располагаются страны на «пьедестале» и насколько серьезен разрыв в их показателях. Если же рассмотреть данное соотношение в цифрах, то очевидно значительное отставание России в продуктивности каменноугольной промышленности:

Таблица 2. Производство каменного угля в 1913 г. [1, с. 9]

	США		Англия	Германия	Франция	Россия
Каменный уголь (в тыс. тонн)	517 060		292 043	141 384	43 847	29 052

Исходя из таблицы становится очевидно, что занимаемое шестое место в мировом производстве каменного угля сопровождается колоссальным отставанием от показателей лидирующих стран. В данной таблице, основанной на соответственной у И. В. Маевского, приведенной им для иллюстрации промышленного потенциала мировых держав, Россия находится на пятом, а не шестом месте, это обусловлено отсутствием данных об экономике Австро-Венгрии в отечественных источниках, исследующих показатели народного хозяйства воюющих стран.

Однако данные по производству угля Россией, приведенные Маевским, несколько ниже, нежели данные, основанные на статистических сборниках, а в исследовании, на которое ссылается автор, присутствуют лишь сведения за 1912 год, к слову, полностью сопоставимые со статистическими сборниками. Учитывая этот факт, стоит скорректировать показатели угольной промышленности для объективизации оценки. Так, по данным, основанным на Сборнике статистических сведений Горного ученого комитета, Совета съездов горнопромышленников Юга России и Особого совещания по топливу на 1913 г. Россией было произведено 35 991,9 тыс. тонн каменного угля [10, с. 31]. По данным Статистического сборника за 1913-1917 гг. в 1913 г. Россией было произведено 2 200 052 тыс. пудов, что при переводе в тонны составляет приблизительно 36 036,8 тыс. тонн, количество сопоставимое с предыдущими данными [7, с. 78].

При сопоставлении показателей угольной промышленности с другими источниками, в том числе немецкими, обнаружился факт того, что количество произведенного Германией угля, данное Маевским, также значительно ниже, причем, практически вдвое. Так, Г. И. Шигалин в «Военная экономика в первую мировую войну» оценивает добычу каменного угля в Германии на 1913 г. в

277 млн. тонн [11, с. 73], что сопоставимо с данными из немецких источников – 278,6 млн. тонн [12, с. 69; 13, с. 138].

В связи с отсутствием статистических показателей промышленности Австро-Венгрии, в целом, и угледобывающей, в частности, в отечественных исследованиях, появилась необходимость привлечения немецкоязычных, в которых также прослеживаются определенные различия в данных. Австрийские исследователи в работе, опубликованной в 1917 году, посвященной топливу, оценивают производство каменного угля Австро-Венгрией на 1913 год в 43,74 млн. тонн со ссылкой на английский источник [12, с. 69]. Г. Кизеветтер в работе, опубликованной в 2000 году, ссылаясь на французские статистические данные и английские исследования, также указывает на производство 43,800 тыс. тонн, но исключительно Австрией, отдельно выделяя добытые в Венгрии 10,274 тыс. тонн, что составляет в сумме 54,047 тыс. тонн [13, с. 138]. В статье, посвященной добыче и потреблению каменного угля воюющими странами, опубликованной в журнале «Горно-Заводское Дело» в августе 1915 года приводятся следующие данные для Австро-Венгрии: на 1913 год производство каменного угля составляет 2 695,78 млн. пудов, а потребление – 3 182,09 млн. пудов [2, с. 11573], что в переводе в тонны дает приблизительно 44 158,2 и 52 124,2 тыс. тонн соответственно. В целом, все найденные данные по угледобыче Австро-Венгрии на 1913 год дают сопоставимые показатели и позволяют восполнить пробел в сравнительной характеристике угледобывающей промышленности в мире.

Учитывая все вышеперечисленные аспекты, можно составить следующую таблицу, которая более точно отражает производство каменного угля мировыми державами накануне Первой мировой войны:

Таблица 3. Производство каменного угля в 1913 г. [1, с. 9; 13, с. 138; 7, с. 78]

	США	Англия	Германия	Австро-Венгрия	Франция	Россия
Каменный уголь (в тыс. тонн)	517 060	292 043	268 627	54 047	43 847	36 036

Еще Таблица 1 отчетливо иллюстрировала значительное отставание российской угольной промышленности от мировых лидеров, однако, ввиду ошибочного отражения производственной статистики Германии несколько амортизировался разрыв между лидерами и аутсайдерами, данный эффект полностью нивелируется

и становится обратно пропорциональным путем исправления ошибочных данных, что наглядно демонстрирует Таблица 3.

Возвращаясь к первоначальному тезису о высокой значимости угля в рамках тяжелой промышленности, транспортной системы, а также вообще любого производства, использующего паровые станки, стоит отметить, что еще довоенные показатели производства угля указывали на критическую неспособность русской экономики выдержать полномасштабную и затяжную войну.

Так, в процентном соотношении показатели угольной промышленности России только по отношению к Германии, ее основному противнику, составляют 13,4%, в таких критических условиях Российская империя смогла противостоять Тройственному союзу и даже периодически проводить весьма успешные операции лишь благодаря удачно сложившейся внешней и внутренней конъюнктуре. К примеру, Россия, вопреки расчетам германского генерального штаба, достаточно оперативно мобилизовалась и неожиданно начала натиск на Восточную Пруссию, пока Германия вела основные боевые действия на Западном фронте, вынуждая последнюю к губительной войне на два фронта. Однако в периоды позиционной войны на Западном фронте, когда стратегический приоритет, а вместе с ним и экономический, Германии переходил на Восточный фронт, Россия, как правило, терпела поражения. При этом в вопросах обеспечения, а соответственно, и функционирования экономики, Россия слабо преуспевала с самого начала войны, просчеты в оценках надвигающейся войны, следовательно, и в мобилизационной политике, привели к кризису снабжения во всем его многообразии уже в первые месяцы войны.

Стоит отметить, что в ходе войны Германия и Австро-Венгрия увеличат добычу каменного угля за счет захваченных территорий Бельгии, Франции и Российской империи. Так, на 1915 год общая добыча каменного угля Австро-Германии составила 22 324, 51 млн. пудов, что на 5 705, 30 млн. пудов превышает добычу Антанты [2, с. 11573], и в переводе на тонны составляет приблизительно 365 686,5 и 93 455,6 тыс. тонн соответственно.

Таким образом, угледобывающая промышленность Российской империи накануне Первой мировой войны оказывается в неоднозначной ситуации. С одной стороны, отрасль находится на пике своего развития, давая максимальные показатели добычи, но при этом полностью не удовлетворяя растущий спрос на топливо, ввиду чего четыре предвоенные годы проходят в состоянии «угольного голода», который покрывается за счет импорта угля. С другой стороны, даже на пике развития угледобывающая промышленность значительно уступает в показателях странам-участникам военных блоков, что уже в предвоенный период указывало на неспособность русской промышленности вынести тяготы полномасштабной и затяжной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М. : Госполитиздат, 1957. – 391 с.
2. Потребление каменноугольного топлива воюющими странами // Горно-Заводское Дело. – № 31. – 1915. – С. 11569-11574.
3. Развитие советской экономики / Под ред. А. А. Арутюняна и Б. Л. Маркуса. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 663 с.
4. Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). – М. : Издание ЦСУ, 1925. – 103 с.
5. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М. : Наука, 1973. – 656 с.
6. Статистический ежегодник на 1912 год / Под ред. В. И. Шараго. – Санкт-Петербург, 1912. – 173 с.
7. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Том VII. Вып. 1. – М. : Труды ЦСУ, 1921. – 275 с.
8. Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны: сборник статей / Под ред. М. И. Туган-Барановского. – Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1915. – 675 с.
9. Фролов В. И. Война и нефтяная промышленность // Война и топливо 1914 – 1917 гг. – М. ; Л. : Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1930. – С. 91-124.
10. Шелякин П. Война и угольная промышленность // Война и топливо 1914 – 1917 гг. – М. ; Л. : Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1930. – С. 25-90.
11. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. – М. : Воениздат, 1956. – 332 с.
12. Donath Ed. Die Treibmittel der Kraftfahrzeuge / Ed. Donath, A. Gröger. – Berlin: Spriner, 1917. – 171 p.
13. Kieseewetter H. Region und Industrie in Europa 1815-1995. – Stuttgart: Steiner, 2000. – 261 p.

АННОТАЦИЯ

Никулин Ю.А. Угледобывающая промышленность Российской империи и ее место в мировом производстве накануне Первой мировой войны

В статье рассматривается состояние и основные особенности функционирования угледобывающей промышленности России в предвоенный период. Произведен анализ показателей отрасли в контексте мирового и внутреннего производства каменного угля. Рассмотрены основные проблемы становления, развития и функционирования отрасли в исследуемый период.

Ключевые слова: Первая мировая война, каменноугольная промышленность, тяжелая промышленность, Донбасс

SUMMARY

Nikulin Y.A. The coalmining industry of the Russian Empire and its place in the world coal production on the eve of the World War I

The article highlights condition and the main features of functioning of Russian coalmining industry on the eve of the World War I. The article analyze statistic data of industry according to the level of the world coal production and its inner features. Considered the main issues of becoming, development and functioning of coalmining industry during researched period.

Key words: World War I, coalmining industry, heavy industry, Donbass

Алексей Владимирович Рочняк,

г. Горловка, ДНР

Дмитрий Алексеевич Чернышов,

г. Донецк, ДНР

УДК 123(045)

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ» В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Термин «самоопределение» применяется в различных сферах знания: в философии, культурологии, психологии, этике, социологии, политологии, педагогике для обозначения процесса становления личности, формирования жизненной перспективы, расстановки жизненных приоритетов, выбора профессии.

В словаре И. С. Ожегова дается следующее определение: «Самоопределение – 1) определение своего места в жизни, в обществе, осознание своих общественных, классовых, национальных интересов; 2) определение, выявление народом своей воли в отношении своего национального и государственного устройства» [6, с. 695]. В «Малом академическом словаре современного русского языка» термин «самоопределение» обозначает действие глагола «самоопределяться», т.е. «найти, определить свое место в жизни, в обществе, в своей деятельности» [8, с. 21].

Сутью приведенных определений можно считать «осознание самого себя», иначе говоря – понимание своих возможностей и желаний, детерминирующих индивидуальное своеобразие последующей жизнедеятельности. Становясь на позицию О. В. Зубакиной, обозначим, что «наиболее общим является понимание самоопределения как способности к самостоятельному построению своей жизни, к осмыслению и регулированию жизнедеятельности в соответствии с ценностными ориентирами»

[3, с. 13]. Иными словами, «самоопределение» – это обретение субъектом (человеком, социальной группой, народом) себя в мире, свободное распоряжение своей судьбой.

Философская категория «самоопределение» пришла в русский язык из немецкого («Selbstbestimmung»). Впервые она встречается в середине XIX века в работах одного из fundаторов экзистенциализма С. Кьеркегора и позднее возрождается после Первой мировой войны у К. Ясперса, М. Хайдеггера, А. Камю и Ж. П. Сартра, утверждавших, что на определенной жизненной стадии человек переходит от созерцательно-чувственного способа бытия, полностью зависящего от внешних факторов, к «самому себе». Этот переход осуществляется в форме выбора и приводит к экзистенции, т.е. такому существованию, которое определяется лишь «внутренним Я» и ничем больше. В рамках общетеоретического научного осмысления самоопределение представляет собой основной механизм обретения внутренней свободы, решения проблемы соотношения долга и совести, ответственности и нежелания, внешних и внутренних детерминант поведения. И хотя отдельно проблема самоопределения этими авторами не изучалась, однако особенности личности, составляющие сущность самоопределения, рассматривались достаточно активно.

Экзистенциализм отвергает понимание человека как существа нецельного, многофакторного, «частично» от чего-то зависимого, например, от страстей и частично свободного. Нельзя быть наполовину свободным, а наполовину рабом. С точки зрения Ж. П. Сартра, свобода абсолютна, целостна, «тотальна». Каждый свободен в поисках самого себя, в выборе жизненного пути и собственной идентичности. Настоящий экзистенциальный выбор не обусловлен. Свобода в нем неотрывна от сверхответственности: человек «несет весь груз мира на своих плечах; он ответственен за мир и за самого себя в качестве способа бытия» – утверждал он в одной из наиболее крупных своих работ «Бытие и Ничто» [7, с. 819]. Самоопределение как выбор себя необходим, ибо оно имеет, как считал С. Кьеркегор, «решающее значение для внутреннего содержания личности: делая выбор, она вся наполняется выбранным, если же она не выбирает, то чахнет и гибнет» [5, с. 230]. Человек находит, выбирает себя через свои планы, замыслы и устремления, говоря словами М. Хайдеггера, он всегда находится «впереди себя» [10, с. 192], внутренним зрением видит свои жизненные горизонты. Принципиально важное качество самоопределения – его эскизность, неокончателность. Его постоянно нужно перевоспроизводить и переосуществлять – вот идея, проходящая красной нитью в трудах М. Хайдеггера. В. Франкл акцентировал, что самоопределение должно отвечать на вопрос о смысле нашего бытия: «...Человек в

конечном счете является самоопределяющимся существом. Человек не просто существует, но решает, каким будет его существование, каким он станет в следующий момент» [9].

Заметим, что фактически на всех этапах развития философской мысли, начиная со времен Античности, существует свое характерное, хоть и неявное представление о самоопределении. Эта проблема рассматривалась в рамках так называемых «вечных» вопросов: что такое человек, какова его природа и сущность, в чем смысл жизни, а также проблем взаимоотношения человека и социума, свободы выбора и судьбы.

Самоопределение личности в античной и средневековой философии с их космо- и теоцентризмом во многом понималось как соотнесение «я» с неким сверхличным началом. Так, в «Этике» Аристотеля говорится, что истинное человеческое «я» возникает не непосредственно человеке, а в другом «я». Другое «я» для античности – это Космос, для христианства – Бог. Личность – не качество, неизменно присущее человеку, а состояние, в которое можно войти и которое можно потерять.

Западноевропейская философия Нового времени антропоцентрична. Знание и труд, нацеленные на покорение мира – именно они понимаются как основные механизмы самоопределения. Однако самоопределение во многом продолжает восприниматься как соотнесение с Абсолютом (например, самоопределение человека по Г. Гегелю связано с его приобщением к абсолютному Логосу).

После Гегеля та сила веры в разум, которая была присуща представителям классической философии, практически не встречается. Угол зрения, в том числе и на проблему самоопределения, радикально меняется. Главное внимание теперь уделяется не разуму, а воле (свобода воли у И. Канта, иррациональность воли у А. Шопенгауэра, воля к власти у Ф. Ницше), подсознанию (конфликт «Я» с «Оно» и «Сверх-Я» З. Фрейда, архетипы К. Г. Юнга, «воображаемое» – «символическое» – «реальное» Ж. Лакана), опыту (преобразовании и реконструкции опыта Ж. Дьюи). Для А. Бергсона, У. Джеймса, К. Маркса, П. Тейяра де Шардена и целого ряда других философов сущность человека крепко ассоциируется с его способностью создавать принципиально новые возможности для своего развития.

В русской философской мысли (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, И. О. Лосский, В. С. Соловьев, С. Л. Франк,) самоопределение рассматривалось в рамках религиозной проблематики, в первую очередь через отношение к «другому», как долг и предназначение.

Н.А. Бердяев рассуждал о «другом» через свободу, дарованную человеку Богом. «Изначальность, непроеизводимость моей свободы

выражалась в том, что я мог принять “не-я”, лишь сделав это “не-я” содержанием своего “я”, введя его в свою свободу. ... Все в человеческой жизни должно пройти через свободу, через испытание свободы» [1, с. 52]. Исследуя проблему свободы в своем последнем труде, который в черновом варианте назывался «Философская автобиография», а издан был посмертно под названием «Самоопределение», Бердяев подытоживает, что «свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и отсюда свобода есть моя творческая сила» [1, с. 33]. При этом он особо отмечает: «...нельзя насильственно освобождать» [там же], можно лишь предлагать варианты путей. Нельзя целенаправленно формировать личность. Ведь специфика самоопределения так раз и состоит в том, что любое произвольное внешнее воздействие посягает на свободу воли, прямо или косвенно навязывая определенные мировоззренческие установки и поведенческие модели.

Самоопределение личности в русской философской традиции – это в первую очередь проблема практической этики, понятие, фиксирующие два полюса: свободы и судьбы, желания и долга. Содержание и направленность самоопределения зависит от воли, стремления, терпения конкретной личности, связано с верой в человека и подразумевает постоянное личностное самосовершенствование.

С позиций современной философии персонализма, личность и ее духовные ценности признаются высшим смыслом земной цивилизации. Проблема самоопределения рассматривается здесь следующим образом: недостаточно лишь интериоризации – внутренней сосредоточенности индивида на его духовном мире, необходимо самоосуществление – возможность и способность реализовывать свое человеческое и божественное предназначение. Глубинная взаимосвязь интериоризации и экстериоризации представляет собой единство социального и психологического.

Вхождение современного общества в информационную, «посттрадиционную эпоху» (термин Э. Гидденса [2]) обусловило изменение отношения и к проблеме самоопределения. Опираясь на работы Э. Гидденса, Е. В. Кармазина анализирует, какие новые черты приобрела проблема самоопределения в посттрадиционном обществе по сравнению с традиционным: «В традиционном (домодерном) обществе сама проблема персональной идентичности отсутствует в силу непроблематичности и непротиворечивости социальной системы... Когда социальные обстоятельства перестают жестко детерминировать самосознание и поведение личности, тогда они начинают провоцировать личный выбор и личное решение» [4, с. 200-201]. Современному человеку приходится вести поиск себя в мире, «утратившем свою одномерность», следовательно, перед

ним стоит проблема «собираания целостного Я из многообразного и противоречивого внешне-внутреннего субъективного материала» [4, с. 203].

Иначе говоря, в «эпоху свободы» (Х. Ортега-и-Гассет) личность имеет гораздо меньше возможностей найти тот идеальный образ себя, к которому можно было бы стремиться, во внешнем мире. Сегодня доминирует «обращенность к внутренним критериям, опора на собственные внутренние свойства» [4, с. 204], преобладание внутренних критериев жизненного выбора.

В современной отечественной философии самоопределение понимается как «процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком свободы» [2, с. 870]. Следовательно, человеческая свобода невозможна без навыков самоопределения, без понимания собственных потребностей, умения проявлять свою истинную волю. Иначе свобода превращается в иллюзию, подверженность манипуляциям или склонность к эксцентричным, непродуманным действиям. Обращение к трудам современных отечественных философов, касающихся проблем самоопределения, позволяет отметить работы Л. М. Архангельского, А. Л. Гусейнова, О. Г. Дробницкого (философский аспект нравственного самоопределения), Н. А. Едалиной (самоопределение и творчество), Е. А. Латуха (самоопределение в социуме), В. А. Конева (границы самоопределения), В. И. Красикова (метафизика самоопределения), В. А. Сафина и Г. К. Никова (самоопределение как этап социализации), П. Шульца (самоопределение как основа философской антропологии).

Исходя из вышеизложенного, отмечаем: философское знание задает общее направление, сущностные характеристики и ценностные ориентиры процесса самоопределения: свобода воли и нацеленность на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
2. Гидденс, Э. Устройство общества : Очерк теории структуризации / Пер.: Тюрина И. – М. : Акад. проект, 2003. – 525 с.
3. Зубакина, О. В. Социальное партнерство вуза как фактор реализации педагогической и информационной поддержки профессионального самоопределения старшеклассников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Зубакина Ольга Васильевна; [Место защиты: Ин-т содержания и методов обучения РАО]. – Москва, 2008. – 26 с.

4. Кармазина, Е. В. Философия свободы и проблема идентичности / отв. ред. А. Ж. Жафяров – Новосибирск : НГПУ, 2006. – 234 с.
5. Кьеркегор, С. Наслаждение и долг. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 414 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ, 2009. – 925 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – 4 т. : С – Я – 800 с.
9. Франкл, В. Основные понятия логотерапии / Пер. А. Бореев, ред. В. Данченко // Электронный ресурс. – <http://psylib.org.ua/books/franv01.ntm>
10. Хайдеггер, М. Бытие и время. – Харьков : Фолио, 2003. – 509 с.

АННОТАЦИЯ

Рочняк А. В., Чернышов Д. А. К вопросу определения понятия «самоопределение» в философской литературе

В статье кратко рассматриваются основные подходы к проблеме понимания сущности самоопределения в истории философской мысли, начиная от Античности до сегодняшнего дня. Акцентируется, что самоопределение – это процесс и результат выбора личной позиции, основной механизм обретения и проявления нашей свободы.

Ключевые слова: самоопределение, проблема самоопределения, самоопределение личности, проблема выбора, свобода выбора

SUMMARY

Rochnyak A. V., Chernushev D. A. On the question of defining the concept of «self-determination» in philosophical literature

The article briefly examines the main approaches to the problem of understanding the essence of self-determination in the history of philosophical thought, from Antiquity to the present day. It is emphasized that self-determination is a process and result of choosing a personal position, the main mechanism for gaining and manifesting our freedom.

Keywords: self-determination, the problem of self-determination, self-determination of the individual, the problem of choice, freedom of choice

**УДК 115(045)
СПЕЦИФИКА ЛИНЕЙНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ
И ЕГО ОСНОВНЫЕ ВИДЫ**

Возникновение линейного восприятия времени ассоциируется, в первую очередь, с именем Августина Блаженного. Однако он не был первопроходцем, т.к. уже в древних вавилонской и семитской культурах время характеризовалось линейностью, точнее, даже векторностью, т.к. его течение имело четкое направление от Сотворения мира до его Конца. Не трудно увидеть здесь активно разрабатываемую средневековыми философами идею так называемой «стрелы времени» от Творения к Страшному Суду, существование которой много позже было интерпретировано И.Р. Пригожиным в терминах неравновесной термодинамики (от Большого Взрыва до Большого Сжатия) и синергетики («время приобретает свой истинный смысл, связанный с необратимостью или даже с „историей“ процесса, а не является просто геометрическим параметром, характеризующим движение» [6]).

В зависимости от направления линейности времени (условный «верх» или «низ»), выделяют его прогрессивную и регрессивную динамику, а также многовекторность или ризомность. Рассмотрим их подробнее.

1. Идея прогрессивного линейного развития общества, получившая широкое распространение в западноевропейской философии Нового времени и являвшаяся магистральной в первой половине XIX века с последующей реактуализацией после Первой и Второй мировых войн, впервые было явно выражены в средневековой философии с её концепцией течения человеческой истории от грехопадения первых людей до Второго пришествия.

Хотя идеи прогресса освещались еще в творчестве Аристотеля, Гесиода, Платона, Протагора, Тита Лукреция Кара, Фукидида, Эсхила и других античных мыслителей, именно Августин Блаженный представил всю историю человечества как развивающийся по восходящей линии процесс с доминированием будущего. Его особый вклад американский философ Р. Нисбет выразил следующим образом: «Вместе с тем христианские философы, начиная с Евсевия и Тертуллиана и заканчивая Св. Августином, который довел учение до наиболее разработанной формы, ставшей классической, привнесли в идею прогресса новые элементы, наделившие ее такой духовной силой, которая была неизвестна их языческим предшественникам. Я имею в виду такие понятия и концепции, как всечеловеческое единство, историческая

необходимость, идея прогресса как развертывания в веках некоего замысла, существующего от начала времен, и, не в последнюю очередь, доверие к будущему, доверие, которое со временем будет увеличиваться и все больше относится к посюстороннему, а не к потустороннему миру. К этим характеристикам следует добавить еще одну, а именно подчеркивание постепенного и неуклонного духовного совершенствования человечества. Этот процесс, в конце концов, находит свое выражение в наступлении золотого века счастья, тысячелетнего царства Христа, возвратившегося, чтобы править на Земле» [4, с. 47].

Позднее философские наработки Августина были использованы Ж. Боденом в качестве концептуального горизонта, необходимого для экспликации идеи исторического прогресса как такового. В работе «Метод легкого познания истории» он сформулировал общую схему мировой истории: от дикости и варварства к благам цивилизации. Безудержный мировоззренческий оптимизм XVIII века был обусловлен политическими и культурными достижениями бурно развивающегося буржуазного общества. Такие мыслители, как Дж. Вико, А. Тюрго и Ж. А. Кондорсе базировали свои экономические и философские теории на вере в бесконечный прогресс человеческого разума, приводя аргументы из истории о постепенном совершенствовании орудий и улучшении жизни человека. Они выделяли определенные эпохи или вехи исторического развития, каждая из которых хотя и приходила в упадок, однако в целом обеспечивала продвижение цивилизации к более высокому уровню жизни. Не трудно увидеть в этих подходах тенденцию к возникновению и развитию марксистской теории, общие или по крайней мере совместимые места которой с христианским и прежде всего православным богословием неоднократно подчеркивались в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. В. Луначарского, В. М. Брауна, Дж. Бентли, Д. Р. Джанца, Дж. Джирарди, Д. Тернера, П. Хебблетвейта и др.

Безусловно сторонниками идеи поступательного прогрессивного развития человечества, а, следовательно, и восходящего движения исторического времени были А. Сен-Симон, О. Конт, Р. Оуэн, Г. Спенсер и Ш. Фурье. В частности, согласно А. Сен-Симону прогресс обеспечивается тем, «что научные и политические революции чередовались между собой, что они последовательно были одни для других то причиной, то следствием» [2, с. 67]. Следовательно, это закономерный и объективный процесс. К этой же мысли приходит и Г. Спенсер, выдвигая тезис о том, что общественная динамика соответствует развитию живого организма.

Отдельно следует отметить такое направление философской мысли как русский космизм в его религиозно-мистическом

(Н. А. Бердяев, Н. К. Рерих, В. С. Соловьёв, Н. Ф. Фёдоров) и естественнонаучном варианте (В. И. Вернадский, Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, А. А. Чижевский). Его уникальность состоит в объявлении целью человечества космического прогресса. При этом высшим, качественно новым уровнем развития рассматривается ноосфера как гармония технического и духовного развития, обеспечивающая коэволюцию природы и общества.

Современными приверженцами идеи прогресса можно считать Р. Арона, Д. Белла, З. Бжезинского, Г. Кана, У. Ростоу, Э. Тоффлера, А. Турена, Ж. Фурастье, размышления которых базируются на эволюционной концепции развития экономической системы общества в сторону ее постепенного и постоянного совершенствования и усложнения от доиндустриальной, аграрной стадии до постиндустриальной, информационной.

2. Нисходящая (регрессивная) линейность также была отражена еще в древних источниках. Так, в книге пророка Даниила в Ветхом Завете упоминаются четыре царства, символизирующие этапы человеческой истории и постепенную деградацию: из золота, серебра, бронзы и смеси железа с глиной, однако в конце всех времен Бог установит Вечное Царство.

Гесиод в поэме «Труды и дни» отразил процесс движения исторического времени от «золотого века» (прошлого, где люди жили как боги, «горя не зная, не зная трудов») к «веку железному» (современности, когда нет «передышки ни ночью, ни днем от труда и горя»).

Спустя почти два тысячелетия идея регрессивной динамики цивилизации вновь обрела философское обоснование. Ж.-Ж. Руссо выдвинул теорию «естественного человека» или «дикаря», согласно которой с развитием цивилизации падение нравов всё более ускорялось.

В конце XIX в. из-за системных кризисных явлений идея бесконечного социального прогресса начала подвергаться глубокой и аргументированной критике. В начале XX в. мысль о том, что человечество катится вниз высказывает всё больше и больше исследователей, а во второй половине XX в. она усилилась настолько, что стала определять общее умонастроение эпохи, четко проявившее себя во французских студенческих волнениях в мае 1968 г., логическим следствием которых стал выход в свет книги Р. Арон «Разочарование в прогрессе». Слова о том, что прогресс умер и его труп отравляет атмосферу в той или иной интерпретации встречаются у Ж. Делёза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Лякруа, Г. Маркузе, В. Пфаффа, Ж.-П. Сартра, Ш. Седийо, М. Сера, М. Фридмана, Н. Хомского, а Р. Дарендорф не просто отрицает идею социального движения по восходящей, а открыто говорит об ускоренном регрессе: «Эскалатор прогресса двинулся теперь вспять» [9, с. 240].

В последние годы идея нисходящей динамики исторического процесса наиболее активно манифестируется сторонниками антиглобализма как политического и идеологического течения, вступающих против стандартов общества потребления, социальной унификации и примитивизации. В предисловии к недавно вышедшей коллективной монографии «Есть ли будущее у капитализма?» читаем: «Ближайшие десятилетия принесут с собой неожиданные катаклизмы и колоссальные проблемы» [3, с. 7]. В исследовании собраны отнюдь не совпадающие точки зрения всемирно известных социологов, однако общим лейтмотивом является констатация глубокого кризиса как на общемировом уровне, так и на уровне отдельных общественных институтов.

3. Еще одним видом линейность времени является ризома или, используя метафору Х. Л. Борхеса, «сад расходящихся тропок». Ризома – один из основополагающих терминов постмодернистской философии, впервые введенный в оборот Ж. Делезом и Ф. Гваттари в 1976 г. для обозначения мира, «потерявшего свой стержень». Хотя в современной философской традиции, обсуждая отказ от взглядов на время как на восходящее или нисходящее движение, употребляют атрибутивный термин «нелинейный», однако он однозначно не предполагает возврата к циклической или спиралевидной модели темпорального восприятия. Именно идея ризомности или ризоматичности времени лежит в основе теории многомерности и множественности времени, разрабатываемой в связи с развитием теорий фундаментальных взаимодействий и появлением различных вариантов расширенной теории относительности. В статье доктора физико-математических наук, начальника сектора Объединенного института ядерных исследований в Дубне В. С. Барашенкова акцентируется: «Многое говорит за то, что Вселенная действительно многомерна не только в пространстве, но и во времени» [1, с. 20]. В свою очередь идея многомерности времени лежит в основе зарождения и развития альтернативной истории, адепты которой предполагают, что «вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам» [2] не только будущего как у Х. Л. Борхеса, но прошлого.

Приведем цитату И. Р. Пригожина: «Всякое сложное образование определяется множеством времен, разветвляющихся одни над другими, согласно их тонким и множественным сцеплениям» [6, с. 57]. В данном образе разветвляющегося времени отражается внутренний дух нашего века с его мирочувствованием аттракций и бифуркаций, возможностями развиваться в любом направлении и умножением граней реальности, свободой вариативности точек зрения. Достаточно точным отражением современного мира-ризомы является песочная мультипликация, для которой «характерны непрерывность становления и быстрота разрушения, а также

интерактивность процесса: все происходит на глазах у зрителей» [8, с. 807]. В свою очередь данный образ вызывает в памяти слова Гераклита о том, что время – это «дитя, играющее камешками» [цит. по: 7, с. 51], по своей сути очень близкие по духу синергетическому, ризомному восприятию времени последних десятилетий.

Таким образом, можно констатировать, что линейное восприятие времени так или иначе встречалось во всех исторических эпохах, однако вектор движения времени постепенно менялся. Так, прогрессивная (восходящая) линейность является преобладающей вплоть до конца второй половины XIX века. Регрессивная (нисходящая) направленность является магистральной для XX века. Наконец, третья модель – ризомная – характеризует синергетический дух последних десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барашенков, В.С. Многомерное время. // Знание-Сила. – 1995. – №12. – С. 62 - 66.
2. Борхес, Х.Л. Сад расходящихся тропок. – <http://lib.ru/BORHES/sad.txt>
3. Есть ли будущее у капитализма? // Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. – М. : Изд-во института Гайдара, 2015. – 320 с.
4. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. // Философия и общество. – № 3-4. – 2015. – С. 34-50.
5. Пригожин, И. Время, структура и флуктуации. Нобелевская лекция по химии 1977 года. – <https://ufn.ru/ru/articles/1980/6/a/>
6. Пригожин, И. Конец определенности : Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск : Регуляр. и хаот. динамика, 1999. – 215 с.
7. Рассел, Б. Мудрость Запада. – М.: Республика, 1998. – 479 с.
8. Синельникова, Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2017. – №4. – С. 805-821.
9. Dahrendorf, R. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft der Liberalismus. – Stuttgart, 1983. – 240 S.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В. Специфика линейного восприятия времени и его основные виды

В статье проводится обзор особенностей линейного восприятия времени в истории философской мысли. Автор приходит к выводу, что, в зависимости от направления темпорального вектора, следует выделять восходящую (прогрессивную), нисходящую (регрессивную) и ризомную модели линейности.

Ключевые слова: время, восприятие времени, прогресс, регресс, ризома.

SUMMARY

Rochnyak E. V. The specifics of linear perception of time and its main types

The article reviews the features of linear perception of time in the history of philosophical thought. The author comes to the conclusion that, depending on the direction of the temporal vector, ascending (progressive), descending (regressive) and rhizome models of linearity should be distinguished.

Key words: time, perception of time, progress, regression, rhizome

Вероника Юрьевна Хоменко,

г. Горловка, ДНР

Елена Владимировна Рочняк,

г. Горловка, ДНР

УДК 94(470)

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

После отмены крепостного права 1861 года и до конца 80-х годов XIX века переселение крестьян было запрещено. Однако оно проходило произвольно. Это заставило царское правительство законом 13 июля 1889 позволить переселения. Но это разрешение было ограничено рядом условий. Переселение по этому закону, разрешалось только с предварительного разрешения министерства внутренних дел по согласованию с министерством государственного имущества, которое управляло казенными землями.

Однако уже в начале XX века правительство вынуждено было изменить свою политику в переселенческом деле. После крестьянских волнений 1902 был издан новый переселенческий закон (6 июня 1904 года), которым объявлялось «свободное» переселение на окраины. Но большинство крестьян, желающих переселиться, не могли воспользоваться этим законом. Дело в том, что существовал запрет крестьянам продавать свою наделную землю. Если крестьянин намеревался переселиться, то его земля должна была быть бесплатно передана общине. Понятно, что большинство крестьян не имело необходимых средств для переселения.

С началом революции 1905 года меняется и отношение помещиков к переселенческой политики. Созданная в 1906 году Совет объединенного дворянства требовал от правительства разработать указ о свободном выходе из общины и закрепления общинной земли в частную собственность, чтобы иметь возможность массово переселять малоземельных и безземельных крестьян. Но существенные изменения в переселенческой политике

были внесены лишь в начале 1906 года по изданию инструкции от 10 марта «О порядке применения закона 6 июня 1904 года». С этого момента переселение становится не только полностью свободным, но и всячески поощряемым. Указ 9 ноября 1906 позволил крестьянам при переселении продавать закрепленную в частную собственность землю. Итак, вышеупомянутый указ способствовал повышению переселенческого движения, особенно из малоземельных южных губерний. К тому же большую роль играла правительственная пропаганда переселения и обещания помощи переселенцам денежным кредитом.

Переселение считалось мерой, которая была способна уничтожить крестьянскую нужду. Военные события на Дальнем Востоке на некоторое время прекратили переселенческое движение. Но начиная с 1906 года правительством принимается ряд мер с целью переселения крестьян: так, например, для указания свободных для переселения земельных пространств и для облегчения условий переселения, переселенческими управлением было напечатано множество дешевых изданий со справочными сведениями, с подробными картами. Издания были разосланы по губерниям. Кроме того, были приняты меры для обеспечения восстановления переселенческого движения за Урал и предусмотрено упрощение выдачи ходакам разрешений на льготную железнодорожную перевозку [6, с. 95].

Тем, кто не имел для переселения необходимых средств, обещалась правительственная помощь в виде займов на домостроение, льготный проезд по железной дороге, освобождение на новом месте от платежей различных податей и службы в царской армии. Для ознакомления с местными условиями и зачисления за собой переселенческих участков было организовано движение ходяков в сопровождении земских чиновников.

Царское правительство понимало, что казенные, удельные и продажа незначительной части частнособственнических земель не улучшат положение малоземельных и безземельных крестьян, и возлагало большие надежды на переселение, считая его лучшим мероприятием против земельной тесноты Европейской части империи. Однако, помещики видели в переселении только контрреволюционные мероприятия. Поэтому достаточной поддержки со стороны правительства переселение крестьян не получило. Это отмечено не только на его организации, но и на материальном обеспечении переселения, которое не соответствовало действительным потребностям крестьян.

Внедрение нового аграрного законодательства – отмена общины, свободного выхода из нее, права закладывать и продавать наделную землю – все это вместе с правительственной пропагандой заставило большое количество крестьян вернуться на путь переселения. Но

правительство, позволив крестьянам свободно переселяться на неосвоенные земли Сибири и Средней Азии, даже не позаботилось создать сколько-нибудь удобные условия для переселенцев.

Расширяя условия для переселения крестьян на неосвоенные земли, правительство имело целью уменьшение малоземелья в центре государства и максимальное ослабление борьбы крестьян с крупным помещичьим землевладением. Поэтому земские начальники и землеустроительные комиссии поощряли выделение на хутора и отруба, ставя переселения в тесную связь с правительственной политикой землеустройства в надежде переселить бедную часть крестьян. Особое внимание уделялось переселению в Степной край, Сибирь, на Дальний Восток. Заселение этих богатых, но экономически неразвитых районов могло бы иметь большое значение для всей империи, но оно не было справедливо и целесообразно организовано.

Кроме земельного одним из важных факторов экономического состояния переселенцев была степень их обеспеченности в последующие годы после переселения. Если принимать во внимание неподготовленность правительством местностей для переселения крестьян, то в действительности количество денежного обеспечения должна быть намного больше, чем отмечалось официально. Это понимало и само правительство. Для организации хозяйства на новом месте переселенцам нужно было, в зависимости от условий и местности, не менее 300 руб. Большинство новоселов таких средств не имело. Если переселенцам везло найти землю, пригодную для земледелия, то не всегда она была обеспечена вспомогательными мерами – вода, дороги и т.д. Так, для проведения воды на участки переселенцев в Семиречье нужно было 20000 руб. Самим переселенцам такие расходы были не под силу [1, с. 76].

Тяжелое положение беднейших переселенцев заставило царское правительство несколько повысить хозяйственную помощь новоселам. На основе правил 1908 года о переселении, займы на домохозяйство были повышены на Дальнем Востоке до 200 руб., а в других районах – до 165 руб. [4, с. 61]. Но в таких размерах пособие почти не издавалась. В 1908 году такая помощь составляла в среднем 73 руб. на семью. За период с 1906 по 1910 годы новоселам было выдано на домохозяйство в среднем 125 руб. на семью. Эти деньги не покрывали реальных расходов, которые были связаны с организацией хозяйства.

Большинство переселенцев нуждалось в средствах не только на устройство хозяйства, но и на приобретение на льготных условиях сельскохозяйственных орудий, семян, транспорта и других товаров, необходимых для хозяйства. Выезжая на переселение, крестьяне вынуждены были продавать не только закрепленную землю,

но и почти все свое имущество, потому что условия перевозки переселенцев не позволяли брать с собой любые большие вещи, даже если это были орудия труда. А продавая дома свое имущество за бесценок, крестьяне уже не имели достаточно средств для приобретения новых орудий труда.

Поскольку переселение не рассматривалось правительством только с точки зрения колонизационной политики, а помещики даже видели в нем только контрреволюционную цель, поэтому необходимые меры для организованного, планомерного проведения переселения приняты не были, тем более, что в правительстве не придерживались одной точки зрения на это дело. Это и отразилось на его организации, и на займах, которые отпускались, и которые не соответствовали действительным потребностям переселенцев.

Влияние агитации земских начальников и несогласованность сроков переселения часто приводили к тому, что промежуточные железнодорожные станции были переполнены переселенцами и отправить их дальше нельзя было из-за погодных условий. Так, Главное переселенческое управление сообщило полтавскому губернатору, что необычно ранний и многочисленный приток переселенцев в Сибирь вызвал переполнение станций: «Переселенцы ночуют под открытым небом, а это очень влияет на развитие болезней, особенно среди детей». Объяснялось это тем, что в Сибири еще не закончилась зима: реки были покрыты льдом [1, с. 76]. Понятно, что при таких условиях переселенцам очень трудно было начинать работать – участки не были приспособлены для земледелия, зданий для жилья не было, не было скота, сельскохозяйственных орудий и т.д. Значительная часть семей не имела средств для питания. Не только в губерниях Сибири, но и в районах Средней Азии, положение складывалось довольно трудно. Часть переселенцев вынуждена была едва ли не сразу возвращаться на родину.

Количество свободной для переселенцев земли было недостаточно большой по сравнению с тем потоком крестьян, желающих получить землю на неосвоенных пространствах Сибири. Так, уже к началу 1907 года в Томской губернии уже не было пригодной для земледелия земли. А Полтавская губернская управа даже была вынуждена организовать научную экспедицию в Юго-Уссурийский край для исследования количества и качества свободных и пригодных для земледелия земель в связи с эмиграционным движением из Полтавской губернии [2, с. 42].

Переселенческое управление вовсе не принимало во внимание географическое распределение земли, считая пригодным для сельского хозяйства земли северо-восточной Сибири, которые фактически не колонизировались. Даже земли Сахалина тщательно учитывались в правительственных документах [5, с. 47].

Заселение восточных земель проходило неравномерно. Прежде всего заселялись местности с благоприятным климатом и грунтовыми условиями, а дальневосточные края, безусловно, никакого значения для переселения не имели. Поэтому расчеты Переселенческого управления, согласно которым в Сибири и Туркестане было 6 млн. десятин свободных, из них 4 млн. десятин земли пригодной для земледелия, надо считать значительно преувеличенными.

Выход крестьян из общины и закрепление ими наделных земель в частную собственность имел целью улучшения земельного устройства крестьянства. Отчаявшись в возможности каким-либо образом получить землю, крестьяне считали возможным улучшить свое экономическое положение переселением на отведенные правительством участки в Сибири, на Дальнем Востоке и Средней Азии. Большое беспокойство правительства вызвали самовольные переселенцы, которые ехали без разрешения местной администрации. Так, в 1907 году из Полтавской губернии выехало на переселение 35409 человек, из них 5684 человек, или 1/6 часть выехали без установленного разрешения [1, с. 55]. Такому количеству самовольных переселенцев способствовала бюрократическая волокита в оформлении переселенческих документов.

Проанализировав причины переселения, можно увидеть, что основная часть крестьян переселялась в те части Восточной России, которые больше подходили по природным условиям к месту их проживания. Так, из центральных уездов Киевской губернии – лесостепных – крестьяне переселялись в основном в степные и лесостепные места. Больше всего крестьян Киевской губернии переселилось в Юго-Уссурийский край, в Приморскую и Амурскую области, в Сибири – в Томск и Тобольскую губернию в лесостепные места. Что касается степных районов, то больше крестьян поселились в Акмолинской и Тургайской областях [8, с. 43-44].

Итак, крестьяне Украины пытались больше поселиться в Азиатской части России. На Дальний Восток переселилось больше всего крестьян из малоземельных Харьковской губернии. Екатеринославская и Херсонская губернии на Дальний Восток дали меньше переселенцев, зато крестьяне из этих губерний селились в Азиатской России.

Как отмечалось выше, экономическое положение переселенцев было значительно ниже минимального прожиточного, который был нужен для устройства хозяйства. Это было одной из основных причин обратного переселенческого движения из Сибири. Обзаведение хозяйством на новом месте было возможно только при наличии определенных капиталов.

Официальные обследования констатировали, что переселенцы жаловались на неурожай, холод, недостаток воды, удаленность от железных дорог. Неудивительно, что далеко не все земли, которые составляли переселенческий фонд, заселялись. Тяжелые условия жизни, неурожай, отсутствие денежной помощи – все эти факторы заставляли крестьян возвращаться в родные края. Еще в 1906 году переселенцы из Оренбургской губернии просили Екатеринославского губернатора наделить их землей, потому что в 1904 году выселились с Черниговщины, но землю они получили такую, «что на ней ни хлеб, ни овощи не растут, а деньги невест берет из них, как за хорошую землю» [3, с. 25].

Увеличение количества крестьян, которые возвращались на родину, усилило беспокойство правительства и помещиков. Чтобы уменьшить количество обратных переселенцев, Главное управление землеустройства и земледелия циркуляром 30 декабря 1909 запретило выдавать безвозвратную помощь и бесплатные билеты тем ходакам, которые отправлялись за Урал и в обратную сторону, неимущим ходакам и переселенцам.

Бесплатный проезд мог разрешаться только по ходатайству губернаторов и только семьям, которые ехали на Дальний Восток, участникам войны с Японией и тем крестьянам, выселение которых было связано с переходом их однообщинников на родине к хуторскому и отрубному хозяйству. Было разрешено свободное движение ходоков в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Этим правительство рассчитывало направить туда самовольных переселенцев и предупредить возможность возврата в центр страны тысяч семей, которые были неустроены в других районах [7, с. 129]. Несмотря на значительное уменьшение количества переселенцев и некоторое улучшение их перевозки, условия, в которых находились крестьяне, оставались неудовлетворительными.

Объективно переселение крестьян на окраины имело в некоторой степени прогрессивный характер для экономики Российской империи. Переселение вызвало значительное развитие производственных сил в слабо развитых районах, переселенцы пополняли трудовые ресурсы этих окраин. Переселенцы в меру своих сил и средств осваивали целинные земли, увеличивали площадь земли, которая обрабатывалась. Применялись также новые сельскохозяйственные орудия, что способствовало повышению в этих районах агротехнического уровня сельского хозяйства.

Однако намерения царского правительства преследовали только одну цель – переселить на окраины наиболее опасную для помещичьего землевладения часть крестьян и тем самым разрядить революционную атмосферу в стране. Об экономических интересах переселенцев правительство не беспокоилось. Оно создавало

такие условия на местах выхода, при которых переселенцы продавали по заниженным ценам свои земельные наделы, скот, инвентарь и другое имущество богатым соседям. Многие крестьяне таким образом несли большой материальный ущерб уже с самого начала переселения. Тяжелые потери несли переселенцы в дороге. Правительство не организовывал планомерной и своевременной перевозки их в те районы, в которые они заселялись.

Без учета хозяйственных интересов переселенцев создавался колонизационный земельный фонд Сибири. Учитывая нехватку мероприятий и специалистов, исследования отставали от землеустроительных работ. Местная администрация не располагала данными о состоянии и количестве свободных государственных земель. Создание переселенческих участков было спешным и непланомерным. К ним включались непригодные для хозяйственного использования земли, от которых переселенцы отказывались при первом ознакомлении или после нескольких лет бесплодного труда.

Переселение как средство освоения Сибири и Туркестана в широких размерах, с образованием на новых местах развитых крестьянских хозяйств могло дать положительный успех лишь при условии вложения больших материальных средств. Однако, правительство не уделяло особого внимания этой стороне переселенческого дела. Для нормального хозяйства на Дальнем Востоке и в Сибири нужны были разветвленные системы железнодорожных и грунтовых путей в заселенных местностях, выдача государственных займов (не менее 500 руб.) На каждое хозяйство, разветвленная система обеспечения сельскохозяйственной техникой, льготные условия кредитования переселенцев и т.д.

П. Столыпин летом 1910 вместе с Главным управляющим землеустройством и земледелием совершил поездку в Западную Сибирь и в Поволжье. Главной целью было ознакомление с хуторскими хозяйствами. На основании этого обследования премьером были сделаны некоторые выводы:

- отвод наделов переселенцам в Сибирь должно быть не в пользование, а в частную собственность;
- денежные займы переселенцам на домохозяйство нужно упорядочить не по материальной обеспеченности, а по условиям заселения данного района;
- необходимо создать и развивать агрономическую помощь переселенцам и т.д.

Итак, переселение крестьян в Сибирь и Туркестан в годы столыпинской реформы имело большое значение для заселения этих регионов. Однако уничтожить земельную нужду крестьян, как этого ожидало правительство, такими мерами не удалось. Недостаточность финансирования приводила к тому, что только состоятельные

переселенцы имели возможность восстановить свое хозяйство на целинных землях.

Заселение Степного края, Сибири и Дальнего Востока не было справедливо и целесообразно организовано. С самого начала не было выполнено ни одного условия, которое бы облегчило переезд крестьян на новые места: бесплатного лечения, питания, перевозки имущества переселенцев. Также правительство оказалось неспособным решить транспортную проблему. Несогласованность сроков переселения приводило к тому, что промежуточные станции были переполнены крестьянами.

Неправильный учет количества и качества земель в Сибири, на Дальнем Востоке и Средней Азии приводили к тому, что количество желающих переселиться на эти земли превышало количество земельных наделов, которые были пригодны для земледелия. В результате этого большая часть переселенцев вынужденно возвращалась в родные места.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина, А.П. Объединённое дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. – 1993. – С. 33-44.
2. Бруцкус, Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. – Пг: Луч, 1922. – 422 с.
3. Казарезов, В.В. П.А. Столыпин: история и современность. – Новосибирск: МП «РИД», 1991. – 128 с.
4. Лось, Ф.Є. Україна в роки столипінської реакції // Нариси з історії України. – Вип.11. – К.: Вид-во АН УРСР, 1944. – 140 с.
5. Обследование землеустроенных хозяйств, произведенное в 1913 году в 12 уездах Европейской России. – Пг.: Изд-во Центрального Статистического Комитета МВД, 1915. – 306 с.
6. Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1906 год. – СПб., 1907. – 221 с.
7. Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1908 год. – СПб., 1909. – 192 с.
8. Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1909 год. – СПб., 1910. – 217 с.

АННОТАЦИЯ

Хоменко В.Ю., Рочняк Е.В. Переселенческая политика правительства в годы столыпинской аграрной реформы

В статье рассматриваются особенности проведения переселенческой политики царского правительства в начале XX века. Основное внимание уделяется проблемам, трудностям и противоречиям как непосредственно в проведении переселения крестьян, так и их обустройства на новых местах. Данные

негативные моменты были следствием непродуманной организации и недостаточной компетенции руководителей переселенческих управлений.

Ключевые слова: Российская империя, столыпинская аграрная реформа, переселенческая политика, миграционная политика, переселенческое управление, землеустройство, Главное управление землеустройства и земледелия Российской империи

SUMMARY

Khomenko V.Yu., Rochnyak E.V. The resettlement policy of the government during the Stolypin agrarian reform

The article examines the peculiarities of the resettlement policy of the tsarist government at the beginning of the twentieth century. The main attention is paid to the problems, difficulties and contradictions both directly in the resettlement of peasants and their settlement in new places. These negative aspects were the result of an ill-conceived organization and insufficient competence of the heads of resettlement departments.

Keywords: Russian Empire, Stolypin agrarian reform, resettlement policy, migration policy, resettlement management, land management, Main Directorate of Land Management and Agriculture of the Russian Empire

Мария Игоревна Черепнева,

г. Горловка, ДНР

Оксана Владимировна Коротун,

г. Горловка, ДНР

УДК 94(470)1943/1950

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1943-1950 ГГ.

Годы войны начали новую эпоху в истории взаимоотношений между советским государством и РПЦ. Происходит кардинальное изменение позиции И. В. Сталина в вопросах религиозной политики. Вероятно, осознание необходимости перемен в отношении к церкви и верующим наступило у советского руководства еще в начале войны, что было вызвано целым рядом обстоятельств. Однако потребовалось еще более полутора лет, чтобы оно начало проявляться в первых конкретных действиях в конце 1943 г.

Разберем, какие же именно обстоятельства повлияли на изменение религиозной политики в СССР. Собственно говоря, их все можно разбить на две большие группы: внутри- и внешнеполитические.

К внутренним обстоятельствам следует отнести:

1. Тяжелая военная ситуация, приковавшая к себе основное внимание, а также патриотическая позиция РПЦ, что, всё вместе, по существу сняло, хотя и временно, «религиозный вопрос» с текущей повестки дня. Русская Православная Церковь поощряла партизанство, осуждала дезертирство, сдачу в плен, сотрудничество с оккупантами; способствовала устранению пораженческих настроений. В 1943 г. вышло Постановление Архиерейского Собора «Осуждение изменников вере и Отечеству», которая приравняла измену Родине измене вере. Сами храмы превратились, как пишет историк М. В. Шкаровский, в «центры русского национального самосознания, проявления патриотических чувств» [5, с. 182]. Власть фактически отказалась от богоборческой политики, заняв позицию нейтралитета и невмешательства по отношению к деятельности религиозных общин. В качестве факта признания вклада РПЦ в Великую Победу было принято решение правительства о предоставлении мест на гостевых трибунах у мавзолея Ленина руководящим деятелям Церкви во время Парада Победы 24 июня 1945 г.

2. Желание И. В. Сталина поставить Церковь под жесткий контроль, сделать послушной и управляемой в политической игре. Данная цель особенно ярко проявилось позже, в 1948-1953 годах.

3. Активная финансовая и материальная помощь церкви армии и государству. За годы войны было собрано более 300 млн. рублей добровольных пожертвований, на которые, в том числе, была построена танковая колонна «Дмитрий Донской» и авиаэскадрилья «Александр Невский». Среди прихожан и непосредственно духовных лиц организовывались сборы пожертвований в различные общественные фонды.

4. Организация церковью психологической помощи гражданам, в частности, через организацию молебнов о даровании победы, проведение панихид и отпеваний по погибшим воинам.

5. Взаимные шаги государства и церкви объективно «срабатывали» на укрепление существующего режима и на повышение личного авторитета И.В. Сталина. Этому, в том числе, способствовали призывы духовенства отметить годовщину революции, день рождения И. Сталина и других вождей трудовыми подвигами; а также политически правильная оценка мероприятий партии и правительства. Практиковалась отправка телеграмм, писем от епархий и приходов с выражением патриотических чувств в советские и международные учреждения. Эти послания публиковались в советской прессе, как и благодарственные ответы советского руководства.

Однако доминирующим в изменении религиозной политики в СССР являлся, безусловно, внешнеполитический фактор. Перечислим его основные составляющие.

1. Международная ситуация потребовали от советского руководства использования всех возможных средств для усиления своего влияния на международной арене. Значительная роль в этом отводилась Русской Православной Церкви. Установление Московской патриархией активных контактов с православными церквями, в первую очередь в Восточной и Центральной Европе, а также противодействие мировому католицизму рассматривались в Кремле как необходимая сфера деятельности РПЦ. Восстановление идеи «Москва – третий Рим» было невозможно без утверждения Москвы как центра вселенского православия.

2. Авторитет Церкви также мог быть использован для примирения с советским режимом белоэмигрантских масс или, как минимум, внесения разлада в их ряды. Данный факт был особенно важен в свете гитлеровских планов возобновления и объединения белогвардейского движения, в частности, спонсирования и оказания организационной помощи Русской освободительной армии под командованием А.А. Власова (так называемые «власовцы»).

3. Постоянное внимание союзников к вопросу о религии и церкви в СССР. В частности, Ф. Рузвельт в обращениях к руководству СССР призывал обратить особое внимание на вопрос «расширения религиозной свободы». Дип. представительства союзников неоднократно контактировали напрямую с представителями Русской православной церковью, а союзническая пресса внимательно следила за религиозными делами в СССР, считая их значительным фактором формирования внешней политики советского государства. В сентябре 1942 года в г. Куйбышев была организована встреча митрополита Николая с советником Британского посольства г. Баггалеем. Союзники, играя на тяжелом положении Советского Союза в войне, прямым текстом требовали уступок, в том числе и в религиозных вопросах, в качестве платы за помощь против Гитлера.

4. В преддверии первой личной встречи глав антигитлеровской коалиции в Тегеране рассматривались различные способы для подталкивания союзников к скорейшему открытию второго фронта. В числе общественных организаций Англии и США по оказанию помощи Советскому Союзу, с руководителями которых И.В. Сталин вел личную переписку, был объединенный Комитет помощи Советскому Союзу в Англии под руководством настоятеля Кентерберийского собора Х. Джонсона, который имел немалое влияние в стране, где англиканская церковь является государственной религией. Руководство англиканской церкви еще с 1942 г. через посольство СССР в Великобритании обращалось к Советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Накануне Тегеранской конференции такой визит был признан желательным и полезным. В этой ситуации

крайне выигрышно было бы, чтобы главу делегации (архиепископа Йоркского) приняло бы высшее руководство Русской православной церкви.

5. К началу освобождения территорий Украинской и Белорусской Советских Республик, на территории которых в годы оккупации произошло бурное религиозное возрождение, необходимо было проводить достаточно аккуратную политику. Известно, что прихожане церквей, открытых во время оккупации, а таких только на территории Сталинской области было около 300, активно протестовали против закрытия при возвращении советской власти. Поэтому для стабилизации ситуации Сталин лично продемонстрировал «заботу о верующих и духовенстве».

6. Исторические связи между РПЦ и Православными Церквями Ближнего Востока могли быть полезны для советского руководства при ведении в этом регионе своей политики. Эти надежды не были бесплодными: в мае 1944 г. многие русские монахи и монахини в Иерусалиме перешли в лоно РПЦ. 22 мая 1945 года впервые за всю историю России Патриарх Московский отправился в паломничество на Святую Землю. Кроме того, Церковь достигла существенных дипломатических успехов на Ближнем Востоке.

7. Наконец, планировалось и впоследствии было осуществлено участие Церкви в решении «закарпатского вопроса». Так, в декабре 1944 г. Москву посетила делегация православного духовенства Карпатской Руси, которая была принята Патриаршим Местоблюстителем и в Совете по делам РПЦ. Цель приезда делегации заключалась в прошении не только о переходе Закарпатской епархии в лоно РПЦ, но и о присоединении Закарпатья к СССР.

Таким образом, уже в 1942 году советское правительство санкционирует обращение Московской патриархии ко всем православным верующим мира. В ноябре-декабре 1942 г. митрополит Сергей призвал румынское духовенство и солдат румынской армии «окончить войну с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства, и прекратить пролитие братской единоверной крови [4]». Весной 1943 г. по просьбе Всеславянского комитета борьбы с фашизмом Сергей подготовил аналогичное обращение «Всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и прочих странах и народам, томящимся под гнетом фашистских оккупантов».

К этому же периоду относятся и контакты РПЦ с Сербской и Болгарской автокефальными церквями, обсуждение со Сталиным вопроса об объединении православных церквей под эгидой Москвы как противопоставление Ватикану.

Значительным событием для церкви стало разрешение на открытие банковских счетов для сбора пожертвований верующих

на оборону страны, который церковь получила в феврале 1943 г., а также телеграмму за подписью лично Сталина с благодарностью за эти труды церкви.

В то же время возникла идея встречи Сталина с иерархами РПЦ. В августе 1943 г. в Москву из г. Ульяновска вернулся митрополит Сергей. В письме к секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову нарком госбезопасности В.М. Меркулов подчеркивал, что пребывание церковных центров в Ульяновске значительно затрудняет практическое воплощение через них ряд мероприятий, существенно необходимых в связи с большим количеством открытых немецкими оккупантами на освобожденных территориях церквей. Именно поэтому существенным было стремление правительства подать верующим на освобожденных от фашистов территориях «официальную», признанную государством церковь.

Точкой водораздела, после которой начинаются радикальные изменения в сторону либерализации религиозной политики СССР, являются события 4 сентября 1943 г., когда состоялась тайная встреча Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия (Старгородского), Ленинградского Митрополита Алексия (Симанского) и экзарха Украины Митрополита Николая (Ярушевича) с И.В. Сталиным и В. Молотовым в Кремле. За всю историю советской власти это был первый случай официальной встречи руководителей государства и высших чинов Церкви. На этой встрече были сформулированы общие приоритеты политики власти по отношению к РПЦ и объявлено о создании специального органа – Совета по делам РПЦ. Он был создан для того, чтобы у верующих не возникали ассоциации с 1930-ми годами – периодом антирелигиозной кампании. Именно поэтому решено было вывести деятельность церкви из-под контроля спецслужб и создать при Совнаркоме специальный орган, который осуществлял бы взаимоотношения правительства с РПЦ.

В самом начале встречи И.В. Сталин дал высокую оценку патриотической деятельности Православной Церкви, тем самым обозначив ту роль, которую она должна выполнять в обществе. Акцентируя внимание на возможности проведения Собора для выборов патриарха, который не избирался в течение 18 лет, И.В. Сталин особенно интересовался тем, как он будет именоваться. Название «Патриарх Московский и Всея Руси» соответствовало объединяющей функции церкви, на которую он возлагал надежды. Но «стахановские темпы» и активная помощь правительства в подготовке проведения Собора (в частности, для ускорения приезда епископов был выделен необходимый авиатранспорт), который состоялся уже через четыре дня, свидетельствуют, что генеральному секретарю был нужен «свой» Патриарх. Эта причина – подготовка к

Тегеранской конференции и приезду в СССР делегации англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским, вторым лицом после архиепископа Кентерберийского.

Уже 8 сентября 1943 г. Архирейский собор в составе 19 членов избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Начал действовать Священный Синод из 3 постоянных и 3 временных членов. 12 сентября в Богоявленском соборе состоялась интронизация патриарха. 14 сентября 1943 г. постановлением правительства был образован Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР, на который возлагалась задача осуществления связи «между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим разрешения Правительства СССР».

7 октября правительство СССР своим постановлением за № 1095 утвердило «Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР». А в октябре 1943 г. при Совете Народных Комиссаров Армянской ССР был образован Совет по делам Армяно-григорианской Церкви. Её особый статус объяснялся внешнеполитическими причинами, т. к. значительная часть приходов Эчмиадзинского Католикосата находилась вне пределов СССР.

Изменение курса государства относительно легализации церкви требовало изменений в законодательстве о религиозных культах. В течение 1943-1944 гг. Совнарком принял более 10 постановлений относительно таких вопросов как условия и порядок функционирования религиозных организаций, льготы духовенства, права и обязанности верующих и государственных органов, занимавшихся церковной политикой.

В мае 1944 г. был учрежден Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, задачей которого было осуществление связей «между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений: мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий, армяно-григорианской, старообрядческой, греко-католической, католической и лютеранской церквей и сектантских организаций по вопросам этих культов, требующим разрешения Правительства СССР» [1]. Председателем Совета был назначен И. В. Полянский, в должностные обязанности которого входили регистрация религиозных общин, вопросы открытия молитвенных зданий и духовных школ, организация паломнических поездок за рубеж, проведение съездов и мероприятий.

Спецификой новой религиозной политики государства было то, что ее правовые основы, закрепленные в нормативных документах, не подлежали обнародованию. Поэтому Совет настаивал на необходимости хранить тайну переписки по вопросам религии. Все документы, касающиеся деятельности органов власти относительно

религии, шли с грифами «секретно» и «совершенно секретно». Вот, например, цитата из письма-инструкции председателя Совета по делам РПЦ от 31 января 1944 года: «...5. Постановление СНК СССР от 28.12.1943 №1325 «О порядке открытия церквей», как такая, что не опубликован в прессе для всеобщего сведения, является руководством к действию для местных советских органов при рассмотрении ходатайств верующих об открытии церквей и не может предоставляться духовенству или верующим для ознакомления... Духовенство и верующие не могут также быть ознакомлены с инструкциями Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР» [3, с. 176].

В конце 1944 г. – начале 1945 г. возобновляются отношения с православными в Югославии, Румынии, Чехословакии, Польше, Финляндии, Эстонии. В апреле 1945 года в Болгарию отправилась делегация РПЦ, результатом которой стало заявление главы Болгарской Православной Церкви Митрополита Стефана: «Православная русская церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов как старшая и передовая среди православных церквей» [2, с. 127]. Политика подчинения автокефальных церквей влиянию Московского патриархата отвечала как интересам РПЦ, так и советского правительства, которое получало мощные рычаги влияния на одну из самых консервативных организаций в мире.

21-23 ноября 1944 г. в Москве состоялся Собор епископов, на котором был обсужден проект «Положения об управлении в Церкви» и определен порядок избрания Патриарха. Не торопясь с избранием нового главы РПЦ, И. В. Сталин стремился придать этому событию максимальный международный резонанс, якобы с целью повышения авторитета церкви, в реальности же планируя использовать его как во внешнеполитической деятельности, так и в плане религиозного подчинения западных регионов страны. Поместный Собор начал свою работу 31 января 1945 года. Такого полномочного собрания духовенства и мирян не было с 1918 г. Впервые на Собор были приглашены православные Патриархи и их представители из Румынии, Болгарии, Сербии, Грузии, стран Ближнего Востока, зарубежные русские иерархи. В итоге в работе Собора принимали участие 204 участника. На первом заседании было обсуждено и принято «Положение об управлении РПЦ», на втором – 2 февраля – митрополита Алексия был избран Патриархом.

Согласно «Положения» церковь становилась иерархически сплоченной, устойчивой организацией с централизованным управлением. Утвержденные принципы управления значительно укрепляли власть патриарха и руководителей епархиями. И это было очень удобно для советской власти. Через центр – Московский

Патриархат, который взял на себя полномочия назначать епископов во вновь возрождаемые епархии – контроль над разветвленной церковной организацией, а также возможности влияния на местах приобретали тотальный размах. Структура РПЦ напоминала теперь структуру партии.

Но историческое значение Поместного Собора 1945 г. не ограничивалось выборами Патриарха и принятием «Положения об управлении РПЦ», которое упорядочивало церковно-приходскую жизнь. Собор должен был показать представителям православных церквей, зарубежным гостям, мирянам растущую мощь и авторитет РПЦ в СССР, а также реальные претензии Московской Патриархии на управление всем православным миром. Постановление СНК СССР от 22 августа 1945 года предоставляло Московской Патриархии, епархиальным управлением, приходам права юридического лица. Им разрешалось открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать дома, открывать предприятия, осуществлять наем рабочих. Это было чрезвычайно важным для правительства СССР в условиях политической конфронтации с Ватиканом, которая наметилась еще в 1920-е годы и активизировалась в военный и послевоенный период.

Опасаясь возможности перехода униатского духовенства к католицизму, советское руководство взяло курс на ликвидацию Униатской церкви в СССР и присоединения ее к РПЦ. Поэтому Совет по делам РПЦ под личным контролем В.М. Молотова, воспользовавшись результатами проведения Поместного Собора и возросшим среди верующих авторитетом РПЦ, разработал мероприятия по отрыву приходов униатской церкви от Ватикана и последующего их присоединения к РПЦ, что и было успешно воплощено в жизнь на Львовском Соборе 1946 г.

Согласно пункту «д» программы, изложенной в 1947 г. руководителем Совета по делам РПЦ Г. Карповым, СССР (в лице Русской Церкви) приглашал присоединиться к борьбе с Ватиканом абсолютно всех христиан (православных в СССР и за рубежом, лютеран, англикан и других). Таким образом, было инициировано международное христианское движение против Ватикана, возглавленное РПЦ. Целью было объединиться всем христианам с призывом к католикам отказаться от папизма [5, с. 300].

Следует особо обратить внимание, что в 1945-1947 гг. в СССР не проводилось значительных и антицерковных мероприятий, были отменены или существенно снижены налоги для духовенства, монастырей и предприятий при управлениях епархий. Принято было решение не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон и крестные хода. Совнаркомом союзных и автономных республик, обл(край)исполкомам предписывалось предусматривать снабжение строй. материалами православные

общины для ремонта зданий церквей, монастырей и молильных домов.

Однако развитие отношений между государством и церковью в последующем показало, что искреннего потепления не произошло, и все изменения в политике, происшедшие в годы Великой Отечественной войны, были продиктованы стремлением государства использовать религиозные институты в своих собственных интересах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая отечественная война (1941-1945) и религиозные организации в СССР [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/150063.html> (дата обращения: 15.11.2021)
2. Клименко, А.Н. Концепция «Москва – Третий Рим» в геополитической практике И.В. Сталина // Вестник МГЛУ. – Вып. 24 (684) – 2013. – С. 124-132.
3. Луковенко, І. Г. Апарат уповноваженого Ради у справах РПЦ: діяльність у контексті державно-церковної політики Радянської держави (40-і – 50-і рр. XX ст.) // Наука. Релігія. Суспільство. – № 3. – 2004. – С. 175-179.
4. Никольский С. Крест и молот // Совершенно секретно. – 2006, 1 декабря. – № 12 (211).
5. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 400 с.

АННОТАЦИЯ

Черепнева М.И., Коротун О.В. Причины и характер изменений государственной религиозной политики СССР в 1943-1950 гг.

В статье рассматриваются изменения в государственно-церковных взаимоотношениях в 1943-1950 гг. Особое внимание уделяется рассмотрению внутри- и внешнеполитических причин, обусловивших смягчение отношения советской власти к Русской православной церкви в исследуемый период.

Ключевые слова: СССР, Сталин, религиозная политика, РПЦ, Поместный Собор 1945, патриарх Всея Руси

SUMMARY

Cherepneva M.I., Korotun O.V. Reasons and nature of changes in the state religious policy of the USSR in 1943-1950

The article examines changes in state-church relations in 1943-1950. Particular attention is paid to the consideration of domestic and foreign policy reasons that determined the softening of the attitude of the Soviet

government towards the Russian Orthodox Church during the period under study.

Key words: USSR, Stalin, religious policy, Russian Orthodox Church, Local Council 1945, Patriarch of All Rus'

*Владимир Александрович Шевляк,
г. Горловка, ДНР*

*Оксана Владимировна Коротун,
г. Горловка, ДНР*

УДК 947.084.5

СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА СТАХАНОВЦЕВ

Стахановское движение вскоре получило поддержку высших руководителей СССР, свидетельством чего стало проведение 14–17 ноября 1935 г. в Москве I Всесоюзного совещания рабочих и работниц-стахановцев промышленности и транспорта. На этом торжественном съезде выступали представители правящей элиты страны, в том числе генеральный секретарь И.В. Сталин. Советский лидер обозначил программу в отношении стахановского движения, ключевая часть которой свелась к необходимости повышения существующих норм выработки с учетом достижений стахановцев, а также подчеркнул революционный характер движения, противостоящего консерватизму инженеров, техников и руководителей предприятий. Однако затрагивались также вопросы стимулирования труда участников стахановского движения [5, с. 27].

Следует отметить, что вопрос трудовой мотивации с самого начала являлся одним из центральных в распространении стахановского движения, поскольку Москва уже осенью 1935 года стала требовать от партийных и хозяйственных руководителей на местах активных действий, что, в свою очередь, заставляло их предпринимать меры, стимулирующие рабочих становиться стахановцами.

Все виды стимулирования к трудовой деятельности можно классифицировать на две группы: материальные и нематериальные.

К первой группе относились высокий уровень заработной платы, находившийся в зависимости от показателей выполнения нормы (по прогрессивно-сдельной системе), и нерегулярные премии, которые могли находить как денежное, так и натурально-вещное выражение (прежде всего, дефицитные предметы и товары).

Остальные блага причисляют к нематериальной мотивации. Так, социальные льготы, дополнительное пенсионное обеспечение, медицинская страховка, оплата проезда, обедов, обучения и т. д. традиционно относят к способам нематериального стимулирования,

поскольку сотрудник не получает на руки «живые» деньги, хотя на это тратятся средства.

Изначально стахановское движение провозглашалось движением новаторов производства, достигающих успехов за счет улучшения организации труда, более совершенного владения техникой. Именно поэтому стахановец рассматривался как герой «трудового фронта», лидер, на которого должны равняться остальные члены трудового коллектива. Одновременно с этим главная основа стахановского движения усматривалась в улучшении материального положения рабочих. Упор делался на значительное перевыполнение установленных норм выработки и рост фонда заработной платы. В какой-то мере стахановское движение стало ответом на изменения в трудовых отношениях, на отмену карточной системы. Деньги и возможность их зарабатывать становились весомым стимулом в труде и улучшении жизненных условий [1, с. 15].

В отличие от ударничества первой пятилетки, наиболее значимым и часто используемым стимулом был, конечно же, высокий уровень заработной платы. Обращаясь к вопросу о причинах возникновения стахановского движения, приведем как одно из наиболее реалистичных объяснений высказывание из выступления В.М. Молотова на Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев (1935): «...во многих случаях непосредственным толчком к высокой производительности труда является простой интерес к увеличению своего заработка» [7]. Именно поэтому ОК ВКП(б) в борьбе за массовость стахановского движения настойчиво рекомендовал устранять обезличивание результатов труда, шире применять сдельно-прогрессивную денежную оплату рабочим на основе индивидуального учета результатов их труда. Это дало возможность значительно повысить заработную плату стахановцам, многократно перевыполнявшим плановые задания [4, с. 25].

На шахтах треста «Чистяковуголь» из 395 бригад, включившихся в стахановское движение, 242 сразу же были переведены на сдельную оплату, что повлекло за собой повышение производительности труда: на шахте №4 производительность труда навалотбойщика выросла в среднем на 30%, а на шахте №8 – на 34% [2].

Факт материальной заинтересованности стахановцев в своих успехах изначально не замалчивался и в советской прессе. В частности, на первой странице номера «Кировской правды» от 16 октября 1935 года в отношении стахановского движения утверждалось: «Это движение за высокую производительность труда открывает перед рабочими дорогу к резкому улучшению материально-бытового положения. Работа Стаханова-Бусыгина – пример правильного сочетания общественных и личных интересов» [10, с. 45].

На всесоюзном совещании стахановцев в ноябре участники движения свидетельствуют о следующем:

А. Бусыгин: «Зарабатывал я раньше 300-350 рублей, в сентябре же заработал 690 да 130 вышло по прогрессивке и ещё 223 рубля за уменьшение брака – всего вышло 1043 рубля...»

И. Славикова: «Наш нормированный заработок составляет 158 рублей в месяц. В сентябре я заработала 962 рубля. В октябре я заработала 886 рублей. Могла бы заработать, конечно, и больше, но были такие дни, когда нас отрывали от работы.»

А. Омелянов: «Раньше я за 300 часов работы делал в месяц 1500 километров пробега и получал 400 рублей. Сейчас я за 192 часа... имею 1300 рублей...»

Чтобы понять, откуда берется такая огромная разница, стоит учесть, что в СССР существовала не простая сделная оплата, при которой она прямо пропорциональна производительности, а прогрессивная. В нефтяной промышленности, например, рабочий, перевыполнивший норму на 50%, получает оплату на 110% выше нормы; если его производительность на 70% выше нормы, то оплата на 189% выше нормы; если его производительность на 100% выше нормы, то оплата на 300% выше нормы и т. д. [6]

Важной формой материального стимулирования являлось премирование рабочих за проявление добросовестного и сознательного отношения к труду. Отдельным видом вознаграждения для стахановцев являлись премии за рационализаторские предложения. Пускай часто премии и были незначительные по размерам, тем не менее, они оказывали большое стимулирующее воздействие на рабочих. Кроме того, стахановцев и ударников награждали подарками, например, девушкам-ударницам дарили красные косынки. Это являлось символом ударной работы. Стахановцы также часто премировались именными часами с надписью. Простая и понятная для каждого система натурального и денежного премирования обеспечивала заинтересованность рабочих в ударных темпах работы, мобилизовывала их на борьбу с нарушителями трудовой дисциплины.

Не меньшее значение имели нематериальные или так называемые «немонитарные» стимулы к трудовой деятельности. К таковым стоит отнести постоянное внимание и исключительная забота со стороны руководителей разных уровней. Например, руководители предприятий, следуя указаниям центрального и регионального начальства, стремились создавать для стахановцев комфортные условия непосредственно на производстве. Это могло выражаться, к примеру, в лучшей обеспеченности сырьем и инструментом.

Стахановцам от предприятий в первую очередь выделялись квартиры с меблировкой, в залах клубов отводились лучшие места

и создавались специальные комнаты отдыха. Преимуществом пользовались они в столовых и магазинах. Так, в августе 1933 г. Секретариат ВЦСПС принял постановление о первоочередном обслуживании особо отличившихся в труде. Ударники прикреплялись к лучшим магазинам и специальным столовым. В декабре 1935 г. Президиум ВЦСПС предложил профсоюзным организациям заводов создавать лучшие бытовые условия стахановцам, предоставлять им в первую очередь путевки в дома отдыха и санатории. А к этому надо ещё добавить другие бытовые привилегии стахановцев: бесплатные места детям в детских садах; бесплатные билеты в кино; стахановцев бреют бесплатно и вне очереди; бесплатные домашние учителя для стахановцев и их семей, право на бесплатный вызов врача днем и ночью и пр. В целях выявления бытовых нужд передовиков производства, создания им условий для работы проводились семейно-бытовые конференции. Ударникам производства, а также тем, кто проработал более 10 лет на одном предприятии оказывалась помощь в ремонте квартир, заготовке дров и т. д.

Имело место постоянное участие стахановцев в торжественных мероприятиях, широкое освещение трудовых успехов в средствах массовой информации, а также размещение фотографий на Досках почета, вручение почетных наград (благодарностей, грамот, знаков отличия, значков, переходящих знамен и т.д.).

Для поощрения развертывания социалистического соревнования приказом Наркомата машиностроения №108 от 26 ноября 1937 г. были учреждены специальные награды. Аттестат «Отличника социалистического производства» вручался лучшим командирам производства и стахановцам, внесшим вклад в рост производительности труда, а «Похвальный лист» Наркомата машиностроения – лучшим ударникам и стахановцам. Лучшим конструкторам советского машиностроения вручался значок [9].

Передовым ударным коллективам стали вручать Красное знамя – бригада именовалась краснознаменная. На Мариупольском металлургическом заводе имени Ильича в каждом цехе были так называемые «красные доски», на которые заносились имена передовиков производства, и «черные доски» – для прогульщиков, бракоделов. Последние критиковались также в печати, на рабочих собраниях. Практически на каждом заводе была заведена «Книга почета». Передовикам производства вручались почетные грамоты и похвальные листы. В «Красную книгу» ударников были занесены передовики производства. В качестве поощрения инициаторов стахановского движения дирекция предприятий организовывали командировки на другие предприятия с целью ознакомления с передовыми методами работы.

В годы третьей пятилетки шире стали применяться такие формы поощрения передовиков как награждение орденами и медалями, специально учрежденными значками (например, «Отличник социалистического соревнования»), которыми награждали уже не только отдельных работников, но и целые коллективы за успехи в освоении новой техники и новых производств. Большинство стахановцев получили орден Ленина, некоторые и не по одному разу, а также орден трудового красного знамени и медали. Многие были направлены в Москву на учёбу в Промышленную академию им. Кагановича (Виноградовы, Изотов, Мазай, Стаханов, Гудов, Бусыгин). В 1937-м стахановцы (Ангелина, Борин, Е. Виноградова, Гудов, Демченко, Изотов, Кривонос, Мусинский, Сметанин, Стаханов) стали депутатами Верховного совета СССР первого созыва (и/или местных Верховных советов (М. Виноградова в РСФСР, Демченко и Мазай в УССР).

Нематериальное стимулирование выражалось также в предоставлении возможности карьерного роста. Так, например, Изотов стал директором шахты, Гудов работал в Наркомате/Министерстве тяжёлого машиностроения, Стаханов – в Наркомате/Министерстве угольной промышленности. В системе наркомата/министерства лёгкой промышленности работали Е. Виноградова и Сметанин. М. Виноградова (была замдиректора текстильной фабрики в Москве, затем замдиректора ЦНИИ лубяных волокон. Удачнее всего сложилась карьера Кривоноса, который получил высшее образование и почти сразу был назначен директором Юго-Западной железной дороги, которую и возглавлял 10 лет.

Стахановцы становились почетными гражданами родных городов, в их честь называли улицы и предприятия. В честь Стаханова после его смерти был переименован город Кадиевка. О них писали книги и снимали фильмы. Например, о Мазае именную поэму написал поэт Павел Кирсанов. В 1939-м вышел художественный фильм, который так и назывался: «Иван Гудов». А о Никите Изотове в 1933-м был снят именной документальный фильм. Особой популярностью и в стране, и за её пределами пользовалась миловидная Евдокия Виноградова, о которой в 1936 в Нью-Йорке даже вышла книга Дж. Фридриха под характерным названием «Miss U.S.S.R.: The Story of a Girl Stakhanovite» [8].

Партийные и общественные организации организовывали чествование передовиков производства в торжественной обстановке на слетах ударников. Постоянно подчеркивалось, что в условиях социализма положение человека в обществе, представление ему всевозможных благ зависят от результатов его труда. Это имело большое воспитательное значение. Высокая оценка и коллективное признание трудовых успехов способствовали творческому

подъему, побуждали человека работать лучше. Наряду с другими мерами нематериальное стимулирование добросовестного труда способствовало сокращению текучести кадров, уменьшению прогулов. Кроме того, важнейшим побудителем для многих стахановцев был энтузиазм, массово распространенный в СССР того времени.

Следует отметить, что поощрение (как материальное, так и моральное) по итогам социалистического соревнования (от «стахановских суток» до целой пятилетки) было составной частью общей системы стимулирования труда. Данный факт зафиксирован в Основном законе Советского государства. Статья 14 Конституции СССР гласит: «Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, поощряя новаторство, творческое отношение к работе, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека» [3]. Кроме того, в рамках стахановского движения реализовывался так называемый «основной принцип социализма», кратко выражающийся фразой, приписываемой французскому мыслителю Анри Сен-Симону: «От каждого по способностям, каждому – по его труду».

Таким образом, мы видим, что стимулирование стахановцев к трудовой деятельности имело как нематериальные, так и материальные основы. Соотношение перечисленных мотивов в деятельности стахановцев было индивидуальным в каждом конкретном случае. Именно в этом лежали корни эффективности проводимой политики, позволившей вовлечь десятки тысяч местных рабочих в орбиту стахановского движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон, Л. А. Что это было? : размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-е – 40-е гг. / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М. : Политиздат, 1989. – 319 с.
2. История ГП Торезантрацит [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://gpta.ru/index.php?page=3> (дата обращения: 04.11.2021)
3. Конституция (Основной закон) СССР. – М. : Политиздат, 1977. – 127 с.
4. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Статистический сборник. – М. : Статистика, 1977. – 139 с.
5. Новаторы Донбасса. – Сталино : Сталинское областное книжно-газетное издательство, 1946. – 77 с.
6. Обратная сторона «стахановского движения» [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://cccp2.mirtesen.ru/blog/43447810689/Obratnaya-storona-%E2%80%9Cstahanovskogo-dvizheniya%E2%80%99D> (дата обращения: 04.11.2021)

7. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=24133 (дата обращения: 04.11.2021)
8. Стахановское движение [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://su-industria.livejournal.com/44181.html> (дата обращения: 03.11.2021)
9. Фадеев, Л.А. Ударничество и стахановское движение на предприятиях машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток. // Исторический журнал: научные исследования № 2 (14) 2013. – С. 213-218.
10. Чемоданов П. А. Основные направления стимулирования труда стахановцев Кировского региона во второй половине 30-х годов // Современные исследования социальных проблем – 2017. – Том 9. – № 1 – С. 42-56.

АННОТАЦИЯ

Шевляк В.А., Коротун О.В. Стимулирование труда стахановцев

В статье приводятся конкретные примеры поощрения труда участников стахановского движения. Все виды стимулирования к трудовой деятельности условно разделяются на две большие группы: материальные и нематериальные.

Ключевые слова: стахановское движение, социалистическое соревнование, передовик производства, ударник, стимулирование труда, экономический интерес, моральные стимулы, нормы выработки, социальные привилегии

SUMMARY

Shevlyak V.A., Korotun O.V. Stimulating the work of Stakhanovites

The article provides specific examples of encouraging the work of participants in the Stakhanov movement. All types of incentives to work are conditionally divided into two large groups: tangible and intangible.

Keywords: Stakhanov movement, socialist competition, advanced worker of production, striker, stimulation of labor, economic interest, moral incentives, production standards, social privileges

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Близнюк Юлия Владимировна – студент-бакалавр IV года обучения учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Будкова Елена Геннадьевна – ассистент кафедры философии и истории ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», Горловка, ДНР

Загорский Игорь Валериевич – студент-магистрант II года обучения гуманитарного факультета, «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Евсюкова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Емельянова Ирина Федоровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков» г. Горловка, ДНР

Кондратьев Кирилл Олегович – студент-бакалавр IV года обучения учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Коротун Оксана Владимировна – старший преподаватель кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Кудрицкий Антон Олегович – студент-бакалавр IV года обучения учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Лукьяненко Максим Александрович – студент-магистрант II года обучения гуманитарного факультета, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Навка Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Никитенко Анна Валентиновна – студент-магистрант II года обучения гуманитарного факультета, «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Никулин Юрий Александрович – преподаватель кафедры философии и истории, ГОУ ВПО «Горловского института иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Рочняк Алексей Владимирович – ассистент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Рочняк Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Хоменко Вероника Юрьевна – студент-магистрант II года обучения учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Черепнева Мария Игоревна – студент-бакалавр IV года обучения учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Чернышов Дмитрий Алексеевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики ГОУ ВПО «Донецкого Национального университета» г. Донецк, ДНР

Шевляк Владимир Александрович – студент-бакалавр IV года обучения учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Оксана Владимировна Коротун</i> ПОНЯТИЕ ГЕНОЦИДА: ИСТОРИЯ ТЕРМИНА.....	3
<i>Будкова Елена Геннадьевна</i> БУЛАНЖИСТСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XIX В.....	12
<i>Игорь Валериевич Загорский</i> Наталья Владимировна Евсюкова ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ДОНБАССА (КОНЕЦ 1940-Х – КОНЕЦ 1950-Х).....	17
<i>Ирина Федоровна Емельянова</i> ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА.....	26
<i>Кирилл Олегович Кондратьев</i> <i>Оксана Владимировна Коротун</i> ЖЕНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В ДЕЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА.....	33
<i>Антон Олегович Кудрицкий</i> <i>Оксана Владимировна Коротун</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИКИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД КОСЫГИНСКОЙ РЕФОРМЫ.....	40
<i>Максим Александрович Лукьяненко</i> <i>Наталья Владимировна Евсюкова</i> ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.....	46
<i>Ирина Александровна Навка</i> ФЕНОМЕН ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ.....	53
<i>Анна Валентиновна Никитенко</i> <i>Наталья Владимировна Евсюкова</i> ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В ПЕРИОД КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	62
<i>Юрий Александрович Никулин</i> УГЛЕДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕЕ МЕСТО В МИРОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	73

<i>Алексей Владимирович Рочняк</i>	
<i>Дмитрий Алексеевич Чернышов</i>	
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ» В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	80
<i>Елена Владимировна Рочняк</i>	
СПЕЦИФИКА ЛИНЕЙНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ВИДЫ	86
<i>Вероника Юрьевна Хоменко</i>	
<i>Елена Владимировна Рочняк</i>	
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ.....	91
<i>Мария Игоревна Черепнева</i>	
<i>Оксана Владимировна Коротун</i>	
ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В 1943-1950 ГГ.....	99
<i>Владимир Александрович Шевляк</i>	
<i>Оксана Владимировна Коротун</i>	
СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА СТАХАНОВЦЕВ.....	108
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	115

Научное издание

**ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

Сборник научных трудов

Выпуск двадцать первый
История

Ответственный редактор *С. Э. Зябрева*
Технический редактор *Н. А. Сытник*
Компьютерная вёрстка и макетирование *А. А. Витюк*
Корректоры *Е. В. Рочняк, О. Т. Захарова*

За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы

Подписано к изданию 24.05.2022 г.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 7,03. Уч.-изд. л. – 7,51.
Усл.-изд. л. – 6,97.
Тираж 300 экз. Зак. № 48.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25